

Лев Кассиль Вратарь Республики

Глава I НЕКТО КАНДИДОВ?

Жизнь Антона была полна необыкновенных приключений, но знаменитым он стал в эти двадцать семь минут.

Когда рупоры стадиона объявили, что выбывшего из игры вратаря первой сборной заменит Кандидов (завод Гидраэр), эта фамилия никому еще ничего не говорила. Покидавший поле вратарь Колосков, по прозвищу «Старый», был прославленным и бессменным стражем футбольных ворот столицы и слыл лучшим голкипером¹ страны. Правда, в последние годы стали поговаривать, что Колосков сходит, что Старый уже не тот... Да и сегодня он играл неудачно. У него не клеилось. Первый мяч он промазал, второй били вмертвую, но, если бы Колосков не выбежал раньше времени из ворот, и этот гол можно было бы предотвратить.

Первая сборная проигрывала, проигрывала всухую: два — ноль. Кое-кто уже подсвистывал на трибунах. Матч был тренировочный — одна из первых игр весеннего сезона. Народу на трибунах было всего двадцать — тридцать тысяч. Соскучившиеся за зиму болельщики, любители неожиданностей, уже предвкушали крупный проигрыш первой сборной, сплошь составленной из «имен».

После свалки у ворот Колосков подозрительно захромал. Все были уверены, что это делается в оправдание плохой игры. Болельщики понимающе переглянулись. Никто не сомневался, что Колосков разомнется и останется в воротах. И сейчас зрители были ошарашены.

До конца игры оставалось еще двадцать семь минут. И. в такой момент покинуть ворота!.. Обречь команду на полное поражение!.. А кем заменили? Что там, в совете, с ума

¹ Голкипер — вратарь футбольной команды. Долгое время игроки команды носили у нас английские наименования: голкипер (вратарь), беки (защитники), хавбеки (полузащитники), форвардб (нападающие).

сошли? Кандидов... Кто это такой Кандидов? Группа «Б»? Что еще за новость? Это имя решительно никому не было известно. Даже диктор, произнесший имя Колоскова сочным, раскатистым баритоном, споткнулся, неуверенно выговаривая фамилию новичка.

Стадион засвистел. И тут под свист и ироническое топотанье на поле выбежал рослый атлет. На нем был белый свитер. Синел значок завода Гидраэр на груди — пропеллер и буква «Г». На голове вратаря красовалась странная войлочная шляпка треуголкой. Такую нашивали старые волжские грузчики.

На трибунах неприязненно захохотали.

— Сними ермолку!

— Эй, малый, сними малахай!

Новый вратарь бежал неторопливо, широким и тяжелым махом.

— Иноходец! — кричали с трибун.

Голкипер вбежал в пустые ворота, на ходу обдернув фуфайку, подтягивая наколенники и поправляя перчатки. И тут все увидели, что он — гигант. Пока вратарь шел, это скрадывалось пространством поля. Но теперь, оказавшись в стандартной, строго промеренной раме ворот, он поразил всех. Ему ничего не стоило, просто подняв руку, достать верхнюю штангу. Ворота как будто стали уже и теснее.

Он спокойно и хозяйственно осмотрелся, поправил сетку, притоптал большими ногами взрыхленный песок на площадке, где еще дымился прах недавней стычки. Всем показалось забавным, как он рукой попробовал, крепки ли стойки ворот. Потом он прислонился к одной из стоек — статная махина в свитере, гетрах, наколенниках, локотниках и прочих футбольных доспехах — и принялся лущить семечки. Он, не поднося руки, издали вбрасывал в рот подсолнухи, сплевывая за ворота. И все это делалось без спешки, обстоятельно. Болельщики обомлели от такой наглости. Да ведь пока такой повернется, мяч войдет и выйдет. После нервного сухопарого Колоскова спокойствие и медлительность новичка оскорбляли зрителей.

Вторая сборная тоже решила использовать уход Колоскова, чтобы окончательно разгромить противника. Игра покатила к воротам первой. По правой кромке мчался крайний нападающий — Цветочкин. Это был известный игрок. Он был обижен сегодня тем, что его поставили во вторую сборную. Он уже всадил два мяча Колоскову. Теперь он опять стремглав вырвался вперед. Он обошел, обвел защиту, погнал, помчал мяч. Он несясь рьяно, зло, неудержимо. Мяч легкими, короткими рывками катился перед мелькающими ногами в полосатых гетрах. На трибунах стояли рев и вой. Однако исполинская фигура в воротах не проявила никакого смятения. Вратарь смахнул с губ подсолнечную шелуху и строго поглядел на нападающего. Того настигали защитники. Бегущий, чувствуя за собой погоню, с ходу, что есть силы, поддал мяч ногой.

— Есть! — закричали на трибунах.

Но за мгновение до этого вратарь, в котором мигом исчезла его вялость, сделал два длинных и упругих шага в сторону; точно угадав направление удара, он спокойно поднял левую руку. И тут все увидели нечто странное. С огромной силой пущенный мяч в верхнем углу ударился о поднятую широкую ладонь. Вратарь даже не покачнулся. Он сделал лишь пальцами легкое вращательное движение, словно ввинчивал мяч в воздух. Так ввертывают лампочку... Мяч, на мгновение пропавший в полете, стал снова видим в воздухе, у руки вратаря, словно вынутый из пустоты. Мяч не отскочил. Он как бы прилип к недрогнувшей перчатке. На вратаря бежали, но он, шагнув навстречу, быстро отвел руку и, размахнувшись, высоко над головами нападавших выбросил мяч. Мяч упал далеко за центром, куда редко кто из вратарей и ногой мог выбить. Стадион коротко хохотнул, как один большой добродушный человек. И вот тогда кто-то на трибунах сказал:

— Вот дьявол здоровый! Ему и ворота эти малы... ему только у Яузских стоять.

Эта грубоватая шутка мигом обошла по эллипсису стадион. Каждый из сидевших на трибунах слышал ее дважды: один раз дошедшую слева, другой раз — справа. И она стала дежурной остротой, долгое время сопровождавшей впоследствии игру Антона. Но старые

болельщики видали виды. Их нелегко было пронять. Один эффектный мяч еще ничего не говорил.

— А малый-то с рисовочкой, — хрипло сказал один из них, известный в спортивных кругах под именем дяди Кеши.

— Это все афишка, — поддакнул его сосед.

— Для маленьких, — добавил дядя Кеша. — Словит пару, поумнеет.

— Факт!

Однако девушки уже просили у соседей одолжить им на минуту бинокль и разглядывали новичка. Они видели крупное простоватое лицо, темное от давнего загара. Светло-серые глаза смотрели с упрямством, которое пыталось выдать себя за спокойствие и мужество. Кожурки от семечек налипли на приоткрытый рот. Светились очень белые зубы. Загадочная седая прядка выбивалась из-под шляпки на прямой лоб. И владельцам биноклей пришлось поторапливать своих соседок. Но никто еще не подозревал, что имя человека в воротах скоро станет известным всему миру. Далеки были от этой мысли двадцать один игрок на поле и десять приятелей вратаря по заводской команде, которые сидели на трибунах и, волнуясь за товарища, в особо драматические моменты до синяков щипали друг друга. Сам новичок отмахнулся бы и сказал, что все это вздор. И только в третьем ряду, еще боясь верить, но истово желая этого, думал так Евгений Кар, Карасик, журналист.

Глава II КОРОБЧАТЫЙ ЗМЕЙ

Женя Карасик всю жизнь завидовал Антону. Это была зависть восторженная и неизлечимая. Тошка и Женя были ровесники и в детстве жили по соседству. Дворы соприкасались. Но высокий брандмауэр разделял их. А дома, поворотясь друг к другу черными ходами, смотрели на разные улицы. Парадное крыльцо докторской квартиры выходило на мощеную и тенистую Большую Макарьевскую. Разболтанная калитка двора, где жил со своим отцом-грузчиком Тошка, хлопала на всю Бережную улицу, по крыши сидевшую в песке.

Улицы враждовали между собой. На перекрестках устраивали бои, выходили стенка на стенку. И Тошка был первым заводилой в этих стычках. От его рук, размашистых и скорых на драку, крепко доставалось противникам с Макарьевской. Пространство вокруг Тошки кишело, казалось, его кулаками, с такой быстротой он раздавал налево и направо тумаки. Рослому не по летам Тошке завидовал не только докторов Женя, как звали Карасика в детстве. Ему завидовали мальчики даже с соседних улиц. Даже на самой Базарной площади и там ребята знали и боялись Тошку.

Во-первых, грузчиков Тошка был лихой биток. И его литок-панок — залитая свинцом бабка, раскрашенная химическим карандашом, — наводила ужас на игроков в бабки во всей округе. Заветный литок рядами косил «козны». В лапту никто не ловил таких высоких свечек. Противники блекли от зависти, когда, крикнув: «Дай свечечку!» — Тошка у самой земли, изловчась, брал падающий на него с огромной высоты литой мячик. Когда же он бил, «отпасть» было немисливо. Но главное — у него от рождения один вихор был совсем белый. Что бы там ни шипели враги о шельмах, которых сам бог метит, и они признавали: человек, столь таинственно отмеченный природой, не мог быть обыкновенным.

Да, было чему позавидовать. Когда Тошке исполнилось двенадцать лет, ему никто не давал меньше пятнадцати — шестнадцати. Он поднимал мешок-пятерик и почти на голову перерос своего отца, сутулого и приземистого крючника, с черной головой, вросшей в чудовищно широкие плечи. Отец Тошки славился своей силой среди грузчиков. Женя видел раз, как, балансируя на качающихся мостках, непостижимо легко ступая согнутыми ногами, сведенными предельной натугой, отец Тошки нес на спине рояль... Тошка унаследовал силу отца, рост и дородство покойной матери, которой он почти не помнил.

Женя и Тошка были знакомы лишь издали. Тошка всегда чувствовал свое

превосходство над мелкой породой, к которой он причислял и Женю, а Женю предостерегала от знакомства с Тошкой Эмилия Андреевна, бывшая у них в доме за экономку.

Но Тошка властвовал не только на земле. Он был полон неожиданностей и никогда не мог довольствоваться чем-нибудь одним. Пресытившись уличными победами, он однажды продал свои знаменитые «козны-бабки» и через несколько недель безраздельно завладел небом над всем кварталом. Его змеи летали выше других и дрынчали громче остальных. Голуби его гона были самыми неугомыми.

Змеи и голуби составляли все богатство Тошки. Он владел не менее чем двенадцатью парами самых лучших голубей. Здесь были лихие турманы, чеграши, пышные бантастые. Зобатые напыженные голуби, похожие на Чичикова, разгуливали по приполку открытого летка. Ворковали москвичи и ступали мохноногие, словно битюги, черно-пегие. А около них топтались, похлопывая крыльями, гукая, переминаясь с ноги на ногу, как извозчики на морозе, ручные сизари Тошкиной охоты. И вся улица с завистью смотрела, как разом, тесной стайкой, снимались Тошкины голуби и кружились высоко в небе, словно чайники в стакане. А Тошка длинным шестом, как ложкой, мешал в небе. И свистеть так, как Тошка, никто из ребят не умел.

Замечательный, нестерпимый для ушей молодецкий посвист Соловья Разбойника извлекал Тошка из двух пальцев, засунутых в рот. И любители, слышав этот единственный в своем роде свист, с уважением глядели в небо и говорили:

— Тошкин гон! Гляди, какого турмана играет!

А знаменитые Тошкины турманы забирали в высоту, складывали крылья: и камнем падали, штопорили вниз, чтобы над самым коньком крыши вдруг расправить сжатое в комок тельце и на внезапно окрепших крыльях крутым винтом взвиться в небо. Недаром же любого соседнего голубя мог сманить своей стаей Тошка.

А змеи его!.. Большие, конвертом, с барабаном и телеграммами, избегающими по нитке вверх. Они лезли плоской своей грудью прямо на ветер, ныряли, снова взмывали вверх.

Женя тоже пытался мастерить змеев. Папа по его просьбе подарил ему книжку, в которой все было рассказано: и история змеев, и о Франклине, который запустил змея в грозу и поймал молнию, и о том, какие планочки, бумажки, нитки нужны.

Но Женю всегда влекли необыкновенные размеры и те формы, к которым книжка советовала приступить лишь после того, как простые виды будут пройдены и испытаны. Женя выдумывал красивые очертания. Он с жаром расписывал, раскрашивал змеев. Змеи были очень хороши в руках, но летать они не летали. Ветер, едва приняв змея из Жениных рук, с размаху швырял его о крышу, дырявя и круша хрупкое сооружение.

А у Тошки!.. У Тошки самые некрасивые, из дранок и газет, клейстером склеенные змеи взбирались по ветру легко, как пожарные по лестнице. Какой-нибудь простецкий «монах» — бумажный кулечек со шпагатным хвостиком, просто фунтик, наполненный ветром, и тот вилял над крышей с солидностью цепного барбоса, в то время как у других мальчиков змеи вились, словно мальки над отмелью. Но стоило появиться над двором какому-нибудь другому залетному змею, как тотчас взвивалась неумолимая Тошкина гаечка на веревке, взлетала ракетой, перехлестывая нить чужого змея. И вот уже он, плененный, трепыхался в Тошкиных руках.

Однажды папа привез Жене из Саратова невиданный готовый змей фабричного изготовления. Это был совсем необыкновенный змей — коробчатый! На двух крестообразных распорках держались четыре планки. На концах их был растянут красный и желтый шелк. Шелк был тугий и гулкий, как на раскрытом зонтике.

Женя тотчас помчался с ним на крышу. Запустить змея было нелегко. Он тыкался в жуть кровли, гремел и куролесил. Но потом он вдруг струной напряг нить и взошел в небо, бесхвостый и диковинно нарядный. Он легонько дрынчал, ссаживался назад, потом снова совался вверх и вперед, словно долбил какую-то невидимую стену, как оса у оконного стекла. Это был час Жениного торжества. На всех дворах завистливо задирали головы, на

всех крышах сидели мальчишки. Только не было Тошки. Впрочем, все равно было ясно, что Тошка потерпел поражение. И вдруг из-за амбарного мезонина на Тошкином дворе взвилась гайка. Она летела, как черный метеор, оставляя тонкий нитяной след, развертывая на лету бечевку. Женя обмер. Но гайка не долетела до нити его змея.

— Сматывай, мотай! — кричали мальчишки.

Женя стал поспешно накручивать на вертушку. Змей не давался, подтаскивать его надо было умеючи. Змей рвался, тянул нить, водил из стороны в сторону, как большая рыба на лесе. И тут второй раз, словно гадюка, прынула Тошкина бечева с гайкой. Шпагатина легла на нить, гайка перекинулась, скользнула вниз. Напрасно Женя, перехватывая по очереди обеими руками нить, подтягивал свой змей. Подрагивающая шелковая коробка канула в глубину Тошкиного двора. Женя не выдержал и заревел на весь квартал.

Слезы капали на крышу, а Тошка для пущей обиды своим окающим говорком закричал:

— Эй, плакса, три копейки вакса! Э-эй, ведро подставляй под водосточную трубу-то, полное наберешь!

Сопя и всхлипывая, Женя побежал жаловаться папе. Доктор очень не любил, когда подаренные им игрушки ломались или пропадали. Он в таких случаях огорчался куда больше, чем сам Женя. Услышав о похищении змея, папа поднял очки на лоб, посмотрел на Женю невооруженным глазом и сказал:

— Ну вот, дари вам...

Дворник Родион был послан на тот двор. Вскоре он вернулся, неся в одной руке коробчатый змей, а другой держа за локоть похитителя. Женя невольно попятился. Так вот он, Тошка, гроза квартала. Босые ступни в коросте пыли, широкие протертые грузчицкие штаны, далеко не достигающие до лодыжек, желтая выгоревшая рубашка распояской и знаменитый седой клок.

— А откуда я знал? — оправдывался Тошка. — Что ль, написано на нем, что купленный?.. А сломато тут, это не я, так и было.

Тут надо пояснить, что по мальчишеским законам купленные родителями вещи считались неприкосновенными. Наставить синяков друг другу, заманить и угнать голубку, забрать все «козны», перехватить чужой змей — все это было можно, все это разрешалось. Но разбить очки у близорукого сынишки соседнего портного, изорвать рубаху противнику, украсть шапку... словом, вовлечь в расходы и навлечь родительский гнев — это считалось недопустимой подлостью. Женя не раз использовал это правило. У него были часы-браслет, и в драке он всегда держал левую руку у самого больного места — «под ложечкой». Ударить по часам никто не решался.

— Ну, вот и разбирайтесь тут сами, — сказал дворник Родион и пошел на кухню, чтобы получить у Эмилии Андреевны обещанную рюмочку.

Мальчики остались одни. Оба молчали.

— А это починить можно в два счета, — сказал Тошка, показывая пальцем на змея издали, но не трогая его. — И будет, как раньше... Кусачки есть?

Кусачки нашлись. Повреждение было мигом исправлено. Вскоре мальчишки очутились снова на крыше. Вместе запустили змея и по очереди держали тугую гудящую нить.

Тошка стал хвастаться, что он сделает змея, который будет поднимать человека. «Только бы крепкие бечевки достать».

— А правда, у тебя заводной паровоз есть, даже задним ходом может? — спросил потом Тошка.

Принесли паровоз. Паровоз мог действительно ходить и задним ходом. Это вконец сразило Тошку. Чтобы как-нибудь укрепить свою репутацию, он предался приятным воспоминаниям:

— Эх, как вчера один мальчишка с вашей улицы ко мне все лезет и лезет... Я кэ-эк дам ему! Он так и полетел. Пускай не лезет сам.

— У тебя мама есть? — спросил Женя.

— Нет, она в Астрахани померла на барже, от холеры. А у тебя?

— У нас мама живая, только она с папой характером разошлась, — отвечал Женя.

— Без матери эх и плохо, — сказал Тошка.

— Да, отсутствие матери весьма отражается, — произнес Женя фразу, которую он перенял от взрослых.

Некоторое время оба молчали. Женя показал Тошке свои книги. Книжки были очень интересные и невероятно красивые. Красные, с золотом, с картинками, от которых нельзя было оторваться. Там были нарисованы рыцари, путешественники и корабли.

— А я, хочешь, за три версты любой пароход отгадаю, — сказал Тошка.

— Ну да, как раз!

— А вот тебе и «как раз»! Айда на пристань!..

Мальчики пошли на Волгу. По дороге Тошка старался блеснуть своими необыкновенными познаниями в самых различных областях.

— А вот отгадай, — говорил он внезапно: — на дубу три ветки, на каждой по три яблока, сколько всего?

— Ну, девять, — с чувством полного своего превосходства отвечал Женя.

— Эх, ты! На дубу разве яблоки растут? А еще гимназист!

Женя был уязвлен. Он решил доказать Тошке, что в гимназии тоже кое-чему учат.

— Скажи «государь», а потом от начала по одной букве откидывай, — сказал он Тошке.

— Ну, а что будет? — недоверчиво спросил Тошка.

— А ты вот скажи.

— Государь, — начал Тошка, — осударь, сударь, ударь.

Бац!.. Женя с опаской, но увесисто ударил Тошку в плечо.

— Ты что? — удивился Тошка.

— А ты сам сказал «ударь».

Женя был отомщен, а Тошке эта шутка очень понравилась.

— Как, как?.. Это здорово, — сказал он. — Ну, а теперь ты говори: «И я с ними». Как я что скажу, так ты и говори: «И я с ними». Вот пошли ребята в лес...

— И я с ними, — сказал Женя.

— Нарвали там цветов...

— И я с ними.

— Пошли домой...

— И я с ними.

— Положили цветы на лавку...

— И я с ними.

— А свиньи подошли и стали есть...

— И я с ними, — не удержался Женя.

— Эх, со свиньями-то?! — торжествуя, воскликнул Тошка. — Со свиньями, со свиньями!.. А еще докторов сын.

— А у нас десятичные дроби уже учат, — сказал посрамленный Женя.

— Это что! А ты вот отгадай. Как это может быть: раздался выстрел, и щекатурка обагрилась кровью.

Женя не знал, как и почему это может быть. Тогда Тошка объяснил, что кровью обагрилась щека турка.

— Так пишется же штукатурка! — возмутился Женя.

— Мало что пишется, на то и игра, — сказал Тошка.

Чтобы Тошка не очень зазнался, Женя спросил:

— А скажи вот, чем ты в жизни хворал?

Тошка задумался.

— А по-за-то лето я на ставу купался и паршу схватил. Там вода поганая.

— Это что! — сказал Женя. — А я вот краснухой болел, потом корью, а дифтеритом даже два раза. Один раз даже крупом настоящим...

Женя торжествовал.

Глава III ПАРОХОДЫ

Потом они сидели на берегу. У пристани восхитительно пахло воблой, дегтем и рогожей. Стояла землечерпалка, или грязнуха, как называл ее Тошка. Она издавала то гусиный, то верблюжий крик и беспрерывно поднимала и опрокидывала себе в глотку до краев полные чаши.

В береговых чайных голубые трубы граммофонов вопили: «Я умираю с каждым днем» и «Приноси мне хризантемы». На, галереях сидели разопревшие бородачи, а над их головами люди в белых фартуках жонглировали кипящими чайниками, подносами, бутылками и салфетками.

Внизу, под галереями, точильщики, притопывая одной ногой, сыпя холодными искрами, вострили кухонные ножи, косари и сечки. И шершавые крутящиеся камни точила визжали под ножом по-пороссячи.

Засунув головы в торбы, качали головами мухортые извозчичьи лошади в синих и белых рыцарских пополах с красными сердцами по углам. К пристаням тянулись обозы. Лошади ломовиков в соломенных шляпках и мочальных передниках были, как казалось Жене, похожи на папуасов.

У пристаней стоял страшный гомон. Лошади ржали и фыркали, кричали пароходы, ломовики ругались длинно и неумолимо, скрипели мостки, по которым вереницей всходили на баржи грузчики. На головах грузчиков были надеты мешки, сложенные угол в угол, и грузчики напоминали не то монахов, не то гномов.

А на пристани крючники, волочившие что-то длинное и очень тяжелое, пели сдавленными, трудными голосами, выдыхая на последнем слоге:

- А-эй, еще!
- А ну давай!
- Разок еще!..
- Еще разок!
- Пошла, давай!..
- А ну, взялись!..
- А ну, еще...
- А ну-ка, враз...
- Сейчас пойдет.
- Еще чуток...
- Пошла-а-а-а!..

Поодаль стояли нефтяные баки — красные, серые и зеленые, похожие на гигантские формочки для песчаных куличиков. Около них, длинные, широкие, с домиками посередке, с наклонными мачтами, стояли нефтянки «Вэга», «Омега», «Дельта». Легкий, воспламеняющийся запах, витал здесь, и тревожные красные надписи были начертаны на баках и домиках: «Огнеопасно», «Не курить».

На порожней барже сидел сонный, распоясанный водолив. В широких стоптанных лаптях, обвисших портах и розовой рубаше, он глядел на сверкавшую ширь реки и от нечего делать переговаривался во всю глотку с проходившими мимо за версту от него дощаниками.

- Э-э-эй!.. С чем идетё-о? — вопрошал он, подходя к борту баржи.
- Тес во-о-о-зим! — отвечали те.
- По-о-чем брали?
- Дуб еловый — рубь целковый; клен с осинкой — рубь с полтиной.
- Бестолочь, дурахлеб! — орал обиженный водолив. — Толком просят.
- Губу подбери, распустеха! — кричали с дощаника.
- Смотри у меня!..

— Сам-то хлебало-то сомкни, раззявился: га-га-га!..

На якорях, носом против течения, стояли высоко-трубные, широкобокие буксиры. Но мальчики не смотрели на них. Они интересовались лишь пассажирскими пароходами. Буксирные пароходы были «ненастоящими». Та же, копотная и чумазая, шла на них береговая жизнь. Сушилось белье на поручнях. Женщина вылиwała из ведра помои за борт. И по глади реки плыли арбузные корки, шелуха и всякая дрянь.

Мальчики терпеливо ждали, когда подойдет настоящий пассажирский пароход. И вот раздавался где-то за песками сперва встречный гудок его, а потом показывался он сам, двухэтажный и долгожданный, оглашал берега величественным подходным гудком и медленно подваливал к пристани.

Тошка заранее, по гудку, издали угадывал имя парохода.

— «Кавказ и Меркурий» идет, — говорил Тошка. — Восточного общества «Кашгар» или «Маргелан».

Пароход подходил, и Женя видел на всех спасательных кругах его надпись: «Кашгар» — Восточное пароходство.

Так началась дружба. И через три дня Женя не мог уже представить, что было когда-то время, когда они не водились с Тошкой. Тошка стал вскоре непреложным авторитетом для Жени. Он не сходил у Жени с языка.

— В этом году в низовье на арбузы урожай хороший, — говорил вдруг за обедом Женя, когда Эмилия Андреевна подавала на третье арбуз.

— А ты откуда знаешь? — удивлялся отец.

— Так Тошка сказал, — отвечал Женя.

— Подумаешь, авторитет твой Тошка! — говорил отец.

Мальчики подолгу шатались по берегу, сидели на пристани, качались на привязанных лодках. Скоро и Женя начал различать пароходы издали. Выяснилось, что пароходы только для непонимающих похожи один на другой. На самом деле у каждого были свои особенности. Так, пароходы общества «Русь» гудели, словно шалашинский бас в граммофоне береговой чайной. На трубе «русинских» пароходов белел круг с буквой «Р». Задняя мачта стояла не на корме, а на верхней палубе. И лодка висела не на мачте, как у всех, а была подвешена горизонтально над кормой.

«Самолетские» пароходы были окрашены в розовый цвет, имели вокруг трубы красную полосу и широкую белую линию вдоль всего борта. Большею частью они назывались по именам писателей: «Гончаров», «Крылов», «Мельников-Печерский», «Тургенев». «Тургенева» можно было узнать издали по стеклянному колпаку над рубкой² первого класса и золотой звезде на носу. На «Тургеневе» ездил по Волге сам царь. (Царь, видимо, ничего не понимал в пароходах. Иначе бы он выбрал «Кавказ и Меркурий».)

Если розовый пароход был короче обыкновенного, значит, это был «Самолет» второй линии, ходящий не ниже Саратова. Тогда он мог называться «Князь Серебряный», «Иоанн Калита».

Пароходы общества «Волга» — «Вольские», как называл их Тошка, — распознавались по особому знаку на полукруглом кожухе колеса и имели голос залихватый, как у певчего в Троицкой церкви. Назывались эти пароходы аристократически: «Графиня», «Княгиня», «Царица» и так далее.

Были еще и презренные, грязные «купцы», пароходы Купеческого общества. Они не имели никаких особых признаков, и это тоже было их отличием.

Были пароходы старого Американского общества — «зебеки», как их называли на Волге. У них колеса были не сбоку, как у всех пароходов, а сзади, и были похожи эти пароходы на плавающие водяные мельницы. Назывались они «Ориноко», «Миссури».

Названия однотипных пароходов можно было угадать по количеству пожарных ведер

² Рубка — салон.

на крыше. По волжской традиции количество ведер соответствовало числу букв в названии. Редкой и особенной удачей считалось, увидеть пароход «Фельдмаршал Суворов» или теплоход общества «Кавказ и Меркурий» с круглым окном. «Фельдмаршал Суворов» был в то время последним и единственным двухтрубным пассажирским пароходом на Волге, а полукруглые окна в роскошных салонах первого класса были лишь на теплоходах самой последней стройки — «Петрограде», «Царьграде».

— Теплоход, — загадывали мальчики, увидев издали приближающуюся белую громаду. — Волны сзади идут, значит, не колесный. За капитанской рубкой белая трубочка, значит, не «Бородино»...

— Спереди палуба приподнятая, — перебивал Женю Тошка.

— Круглое окно, — восклицал Женя, — восемь ведер!

— «Э-р-з-е-р-у-м»! — решали оба.

И подходил «Эрзерум».

Вскоре мальчики знали уже все расписание. Им было известно, в какой день придет любой из пароходов. И, заслышав издали гудок парохода, не глядя, они знали уже его имя.

Они подолгу просиживали у пристаней. Когда приходил пароход с круглым окном (разумеется, из-за «купца» или «самолета» второй линии не стоило и беспокоиться), они с восторгом наблюдали, как вышедшие за покупками пассажиры, услышав три свистка своего парохода, бросали торговаться, совали наспех деньги торговцам и спешили на пристань, роняя огурцы, расплескивая молоко из крынок... Хотя всякому мало-мальски грамотному человеку известно, что три гудка — это лишь второй свисток парохода, а пароход уйдет после третьего, который состоит из четырех гудков — одного длинного, тягучего и трех отрывистых. Да потом еще будут три коротких пискливых, призывающих отдать чалки — носовую и кормовую. Но пассажиры во всем этом ничего не смыслили и волновались из-за пустяков.

— Тебе кем бы хотелось быть? — спросил раз Тошка.

— Капитаном, — не задумываясь, сказал Женя. — А тебе?

— И мне. Капитану хорошо: ездит бесплатно, и ему обед даже в каюту подают.

— И форма красивая, — сказал Женя.

Иногда Женя восторгался удивительной силой грузчиков, взваливавших себе на закорки чудовищную, многопудовую кладь.

— Вот силачи! — говорил Женя.

— Да, потаскай вот по копейке с пуда-то, — возражал Тошка.

Буксирные пароходы носили часто имена своих хозяев: «Башкиров», «Бугров», «Василий Лапшин».

— Подумаешь, — сказал как-то Тошка, когда мимо приятелей прошлепал пароход с купеческой фамилией, — назвался за свои деньги! Это мало радости... Знаешь, Женька, нет, я не капитаном буду, а вроде каким-нибудь великим моряком, и чтобы после через меня пароход назвали «Кандидов». А?

Он мечтательно прищурился, как бы представляя себе эту полукруглую надпись.

— Скажем, «Антон Кандидов», чтобы по всей Волге...

Тошка учился в начальном училище и презрительно отзывался о гимназистах. Но на самом деле он мучительно в душе завидовал Жене. Тошке нравился этот Худенький мальчик, деликатный, но неуступчивый. Он испытывал к Жене странную и непривычную нежность. Тошка знал очень много скверных вещей и мерзких слов, но он сгорел бы со стыда, если бы только Женя узнал, что такие слова сидят в Тошкиной голове.

Тошка быстро перечитал все книги, имевшиеся у Жени, Новые они читали уже вместе. Книги повествовали о славе, о битвах, о любви. Последняя не очень интересовала мальчиков. Но почти на каждой странице люди целовались, объяснялись в любви, страдали, и редко выпадали в книжках, рекомендованных отцом, счастливые странички, где герои дрались, путешествовали и воевали.

Весь воздух вокруг мальчиков был пропитан войной. На пароходах ехали солдаты.

Война была слышна в разговорах на берегу, на пристанях, в школе, войной были полны газеты. На войну уезжали, на войне пропадали знакомые люди. И, когда мальчики читали «Войну и мир», они выпускали все, что касается мира, и читали только о войне. Книги поразили воображение Тошки не только замечательными событиями, героями, приключениями, о которых там говорилось, но и непривычным звучанием слов, которыми все это было рассказано. И скоро Тошка стал щеголять целыми фразами, вычитанными и крепко засевшими в голове. Особенно нравилась ему одна. Надо или не надо, он употреблял ее во всех случаях жизни, произнося одним духом, без знаков препинания: «Пер-Бако³ это львенок а не ребенок клянусь душой о боже мой удар был верен я умираю».

Это было почище, чем его прежнее «раздался выстрел, и щека турка обагрилась кровью».

Иногда, зачитавшись с Женей, Тошка вдруг спохватывался, что пора нести отцу на пристань обед, который артельная кухарка варила на дворе, где жил отец Тошки. И тогда он вместе с Женей бегом мчался на берег, неся под мышкой каравай черного хлеба и в платке горячий чугунок с похлебкой.

Грузчики, потные, с лицами, выбеленными мукой, как у циркачей, в необъятной ширины портах и в лаптях, садились на берегу в кружок. Некоторые сперва, наклонись над водой, ополаскивали лица, обнаруживая загар чугунного отлива. Перекрестившись, они принимались за еду. Каждый вынимал деревянную ложку, просоленную и навсегда пропахшую луком и потом.

Отец Тошки, бывший в артели старшиной, или, как его звали грузчики, тамадой, разрезал широким ножом каравай на равные треугольные краюхи, пробовал похлебку, солил и первым зачерпывал ложкой горячую жижу. За ним совали свои ложки и другие. Ели молча, строго и вдумчиво. Когда в чугуне показывалось дно и супное мясо, отец разрезал ножом говядину на части и, стукнув ложкой по краю горшка, возглашал: «По мясам!» И так же по очереди каждый брал ложкой свою порцию.

Тошка приходил тоже всегда со своей ложкой, но по юности лет был последним в очереди.

Раз отец Тошки с добродушной насмешкой посмотрел на Женю, вынул из кармана чистую ложку и, протягивая, сказал:

— Подсаживайся к нам, молодой человек. Похлебай с нами. Попробуй нашего питания — не густо, да здорово.

Говорил он так же окая, как и Тошка. Он был родом с верховьев Волги. Грузчики засмеялись, очистили место для Жени. Женя всегда немножко робел перед этим человеком, с могучими, чересчур длинными руками и черными глазами, за насмешливым добродушием которых таилось какое-то умное знание, которое грузчик, видимо, не выдавал каждому встречному.

Конфузясь, Женя полез ложкой в общий чугунок. Он ел обжигаясь, не доносил до рта и половины ложки, думая о том, как ужаснулись бы папа и Эмилия Андреевна, если бы застали его за этой трапезой. Но похлебка показалась ему очень вкусной.

Потом отец-тамада брал за хвост воблу и бил ее с размаху о булыжник, чтобы она сделалась помягче, сдирал с нее золотистую кожу, разрывал пополам, как стрючок, выдавливал сухую икру. После ели арбуз, купленный тут же на берегу. Отец Тошки замечательно умел выбирать арбузы. Он подкидывал и шлепал их снизу, как ребенка; брал за поросычий хвостик и смотрел, не зеленый ли он; потом поднимал обеими руками арбуз на уровень лица, прикладывался ухом, давил и слушал; откладывая арбуз в сторону, брал новый, перебирал так штук пять — шесть и уверенно говорил: «Этот»...

Он клал арбуз на колени, вытирал о хлеб ножик, всаживал его в корку и делал движение на себя. Сразу по всему арбузу шел треск — трещина опережала разрез. Подцепив

³ Клянусь Вакхом — старинное выражение.

на кончик ножа, отец вынимал красный, сахаристый, сочащийся клин с черневшими в нем семечками. Потом он разрезал арбуз на доли и стряхивал косточки. Каждый брал долю и губами, носом, щеками по уши уходил в хрусткую, водянистую сладость. Арбуз всегда ели с хлебом.

Женя никак не мог привыкнуть к этому.

Тамада уговаривал его:

— Арбуз хорошо с хлебом идет, — говаривал он. — Без хлеба какая это пища, одна сласть. Арбуз — это наши коренные харчи. И для промытия внутренностей хорошо тоже...

Глава IV ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ

К пристаням и амбарам со стороны нефтяных баков подходила железнодорожная ветка. За глухим забором в выемке находилась таинственная зона всяческих запретов. Туда нельзя было ходить. На забор нельзя было лазить, и место там, за забором, так и называлось строго и потусторонне: полоса отчуждения. Между тем там происходило, должно быть, нечто очень интересное. Из-за забора вверх вырывался вдруг черный масляный дым или пыхали клубы пара. Иногда казалось, будто там стукались одна о другую разом много пустых бутылок. Высокими голосами кричали паровозы. Мальчики давно уже собирались проникнуть в это запретное местечко. Конечно, до знакомства с Тошкой Женя и помышлять об этом не мог.

И вот они отправились. Тошка знал, как пробраться туда незаметно. Со стороны баков, там, где железная дорога выходила на берег, ограждений не было. Там они попали в полосу отчуждения. Это была мертвая прогалина на волжском берегу, где ребята обычно видели кряжистые осокори, золотистые пески, траву. Казалось, что это место изъято из ведения природы. Суровые надписи — «Не курить», «Посторонним вход воспрещен» — относились, по-видимому, и к деревьям, траве, свежему воздуху. Ни травинки, ни листочка не было здесь. Земля была испорошенная, золотистая и ржавая, похожая на нюхательный табак. Кругом пахло железом и керосином. Лежали кучи шлака. Деревянные шпалы были просмолены и как будто старались скрыть, что когда-то они росли и зеленели.

Мальчики заблудились в длинных улицах из глухих и слепых товарных вагонов. Они пробирались между чугунными колесами цистерн, похожих на паровозы, которые обкарнали спереди и сзади. Вдруг приятели увидели перед собой настоящий паровоз. Это был маневренный локомотив. Стрелочник с маленьким колчаном на боку, в котором вместо стрел были зеленые и красные флажки, поднял рожок. Звук у рожка был детский, игрушечный. Паровоз коротко отозвался. В топке его усилилась дрожь и гул. Из цилиндра вышел голый поршень, весь в масле. Потные колеса локомотива медленно повернулись, паровоз мягко двинулся. Потом опять пропел младенческий рожок. Паровоз легонько рывкнул и бережно прикоснулся своими буферами к буферам переднего вагона ожидавшегося состава. Тарелки буферов сошлись, как сходятся ладони играющих в «капустку». И сейчас же пошел бутылочный разноголосый перезвон по всему составу.

К ужасу Жени, под паровоз бросился человек. Он юркнул под самые буфера, набросил тяжелую сцепку на крюк, что-то свинтил и выскочил невредимым на свет божий.

— Вот молодчина!

Паровоз стоял совсем близко от ребят. Они чувствовали его жар, слышали самоварное клокотанье, банный запах пара. Женя был начитанным мальчиком. Он совсем недавно прочел книжку о Стефенсоне и принялся сейчас объяснять Тошке устройство паровоза.

— Вот видишь, — говорил он, — это дымогарная труба. Вот тут дымовая коробка. Это вот сухопарник.

— Ну, ну, толкуй дальше, — раздался голос сверху. На мальчиков смотрел высунувшийся из окошка будки машинист. У него были длинные пышные усы, такие белые, словно он из обеих ноздрей выпустил подобно паровозу две струи пара.

— Молодец, молодец! — продолжал машинист. — Верно, не в гимназии этому

выучился? Как будто там это по программе не учат.

— Я сам про это читал, — объяснил Женя.

— А вы чьи это такие, что тут? — заинтересовался машинист.

Ребята назвали себя.

— О-о! — заулыбался машинист, и усы его совсем распушились. — Григория Аркадьевича, доктора, Михаила Егорыча, тамады, вот вы кто такие. Ну, а на паровозе никогда не катались?

— Нет. А на пароходе сколько раз!..

— Мы все пароходы наизусть выучили, — наперебой заговорили мальчики.

— То пароходы. А хотите на паровозе? Хотят ли они? Хотят ли они ехать на паровозе?! Многим ли удавалось в своей жизни ездить на паровозе в будке машиниста?! Сколько таких счастливых на свете? Раз-два — и обчелся. Машинист помог им влезть по стальной, скользкой лесенке. Наверху, еще не совсем веря своему счастью. Женя и Тошка первым делом увидели два ряда оскаленных белых зубов и два сверкающих глаза.

Это улыбался ребятам кочегар.

В будке было очень жарко. Машинист отпил из жестяного чайника, стоявшего на деревянной полке под самым окошком, очень домашней и совершенно не вяжущейся со всем железным машинным обиходом. Опять донесся звук рожка. Машинист за что-то потянул, и паровоз засвистел, заголосил с невероятной силой. Мальчики едва не оглохли, но не подали виду, что струхнули. Машинист взялся за рычаг. Кочегар поддал жара в огненное нутро локомотива. Из открытой топки на мальчиков полыхнуло нестерпимым жаром. Вдруг все заходило ходуном, под ногами задрожало и заскрежетало. Какая-то долго сдерживаемая сила вырвалась на волю.

«Ах-ах-ах!.. Ха-ха!» — заухала паровозная труба.

Локомотив мягко взял с места и пошел, пошел, дав задний ход, таща состав, чуть-чуть стуча. Так, пятясь, локомотив вывел вагоны на другой путь. Здесь он опять звонко и молодежато гаркнул, опять пошел перезвон буферов, как будто несколькими молоточками вразброд ударили по цимбалам, и локомотив пошел передним ходом, подталкивая перед собой вагоны.

Все это было так интересно, так необыкновенно, что мальчики готовы были уже изменить своим пароходам и сделаться в будущем не капитанами, а паровозными машинистами. Но нужно было выяснить еще один существенный пункт железнодорожной службы.

— А у паровозов названия бывают? — спросил Женя.

— А как же, — сказал машинист. — Разные системы. Допустим «Кукушка», «ОВЭ», «Щука».

— Нет, это что, а вот как у пароходов. «Князь Серебряный», «Цесаревич Алексей», «Княгиня»...

— Мы, железнодорожники, народ норовистый, — отвечал машинист, — народ гордый, лучше уж кукушкой или овечкой, чем волком именоваться — по всякому начальству да по князьям. Хотя я так полагаю, что придет время, когда и для паровозов, возможно, подходящие имена найдутся.

— А папаня так говорит насчет пароходов, — вмешался Тошка.

— Ну, вот видишь... — сказал машинист. — А нос наружу не высовывай, а то на стрелке отхватит. И не полагается мне по циркуляру посторонних возить...

Глава V МАШИНИСТ НАЗНАЧАЕТ НА ВОСЕМЬ

Когда ребята накатались и каждый по разу даже тянул за ручку, заставляя паровоз свистеть, машинист помог им слезть недалеко от пристани.

— Папаню увидишь, — сказал он на прощание Жене, — скажешь: Семенов,

машинист... запомнишь?.. Семенов просил прием на восемь часов перенести. Он знает. Не забудешь?

Женя в точности передал поручение машиниста Семенова папе.

— Хорошо, — сказал доктор. — Я знаю.

— А ты его слушаешься, папа?

— Кого слушаешься? — удивился отец.

— Машиниста Семенова?

— Иди и не путайся не в свои дела, — сказал папа и ушел в кабинет.

Женя редко приставал с расспросами к отцу, потому что и папа никогда не вмешивался в дела сына. Женя учился хорошо и никаких хлопот по этой части доктору не доставлял. Доктор был человеком очень уважаемым в городе. Он вел образ жизни замкнутый, но его все знали. Все знали, что он работал раньше в одном уездном городе, имел неприятности с полицией, потом приехал сюда. Вскоре после этого от него ушла жена, мать Жени, — бежала с богатым гуртовщиком, переправлявшим из-за волжских степей огромные стада. В доме всем заправляла старая экономка Эмилия Андреевна. Отец часто и надолго запирался в своем кабинете, а наутро вставал с опухшими глазами, опаздывал в больницу и старался не смотреть на Женю. А Эмилия Андреевна выносила потом пустую бутылку и качала головой. Иногда вечером, не зажигая огня, отец подходил к роялю и не очень чисто, но с настоящим чувством играл Грига. Женя тихонько входил, садился рядом. Доктор целовал Женю в лоб и уходил к себе. Он редко говорил с Женей о политике, но Женя сам рано стал читать газеты, и дома слово «царь» звучало совсем не так, как в гимназии, — словно с титула сдирали всю позолоту.

Была война. Люди говорили о политике с оглядкой, но Женя уже научился понимать, что белые места в газете, оставшиеся на месте вырезанных цензурой сообщений, говорят гораздо больше, чем аккуратно напечатанные строчки. Женя уже знал, что такое «гласные Думы»⁴ или «гласный надзор»⁵ и давно не путал этих понятий. Но то, что показывал ему Тошка и с чем сталкивался Женя во время своих походов с приятелем, очень многое ему объяснило, многое раскрыло по-настоящему. Раньше об этом он читал или слышал. Это казалось ему невероятным, а Тошка запросто подводил его к этим вещам и людям, словно говоря: на, смотри, вот какие штуки бывают в жизни...

На другой день после путешествия в «полосу отчуждения» доктор заявил Эмилии Андреевне, что он будет принимать в восемь. Прием был давно окончен, Эмилия Андреевна удивилась, а Женя подумал: «Значит, послушался машиниста».

Ровно в восемь пришел машинист Семенов. За ним вскоре позвонил с парадного пленный чех Балабуж, затем пришли еще трое: двое в солдатской форме, один в чесучовом пиджаке. И вдруг ввалился Тошкин отец, Михаиле Егорович Кандидов — тамада артели грузчиков.

Каждый входил и спрашивал у Эмилии Андреевны:

— Доктор принимает?

— Доктор? — недоверчиво переспрашивала экономка. — Войдите.

«Странно, — думал Женя, — что это они все заболели в один день? Никогда у папы не было такого большого приема». Женю неудержимо влекло заглянуть в кабинет или хотя бы послушать, о чем там говорят. Он уже подошел на цыпочках к двери. «Дышать невозможно», — услышал он голос одного из пациентов. Должно быть, доктор выслушивал его, как вдруг дверь распахнулась, вышел папа, схватил Женю за плечи и повел в детскую.

— Подслушивать непорядочно, — сказал отец. — Подслушивают филеры, понял? Шпики. Ты знаешь, что такое врачебная тайна?

⁴ Гласные Думы — избранные в орган самоуправления, в Думу.

⁵ Гласный надзор — открытый надзор полиции за лицами, которые казались подозрительными властям.

— Они вовсе не больны — они все здоровы! — обиделся Женя. — Что я, маленький, что ли? У вас там сходка, вот и всё!

— Женя, ты знаешь, что я живу в полном отчуждении от политики?

— Подумаешь, полоса отчуждения! — сдержил Женя. — Что, я не слышал, как машинист кричал: «кровавый произвол», «европейская бойня», «дышать невозможно».

— Я просто даю им возможность... Они нуждаются в пристанище, — сказал смущенно отец. — Сам я, ты знаешь, вне политики. Но отказать в праве убежища...

Удивительно красивые и веские слова знал папа — «право убежища», «пристанище». Это, пожалуй, даже почище, чем «полоса отчуждения». Женя помнил это слово «пристанище». Он слышал его еще в раннем детстве, когда отцу пришлось внезапно менять место работы и жительства. Но сегодня Женя почувствовал какую-то грозную и таинственную общность, связывающую таких разных и казавшихся незнакомыми людей, как машинист Семенов, грузчик Кандидов, чех Балабуж и доктор Карасик. Он вдруг уловил какую-то связь между казармами, стоящими за городом, где над далеким горизонтом дирижировали мельницы-ветряки, между пристанями, где пели бурлацкими голосами «разок еще», и полосой отчуждения, где запрещено было расти траве и где висели надписи «Огнеопасно».

Глава VI ВОЙНА И МИР

Мальчики по-прежнему увлекались книгами. Читали Фенимора Купера и Луи Буссенара и возмущались, что даже такие писатели никак не могут обойтись без того, чтобы не испортить хорошую книжку какой-нибудь любовной историей. Даже в электротeatре «Эльдорадо», где шли картины с достаточным количеством драк, убийств и путешествий, и там все-таки люди тоже страдали и целовались гораздо больше, чем надо бы... В конце концов мальчики пришли к выводу, что без этого, очевидно, нельзя. Все герои рано или поздно влюблялись. Придется и им... Решив так, они не откладывали дела в долгий ящик. Надо было спешить, каникулы кончались, приближались занятия.

Перебрав в памяти всех знакомых девчонок, они остановились на толстушке Рае Камориной с Большой Макарьевской улицы. Жене показалось, что она похожа на ту красавицу, что нарисована в книжке Майн Рида «Пропавшая сестра». Кроме того, Рая считалась на всей улице непобедимой по части скакалки. Она могла прыгнуть сто раз без передышки и ни разу не запутаться. Познакомиться не представляло как будто никакого труда. Но Женя и Тоша четырнадцать раз прошли мимо скамеечки, где сидела Рая. Знаменитая скакалка лежала свернутой рядом. Каждый раз они решали, что сейчас обязательно заговорят с девочкой, но, как только подходили к скамейке, вся решимость исчезала и они проходили мимо. Наконец, в пятнадцатый раз, когда Антон сказал: «Ну, это в последний раз», Женя, ужасно покраснев, обратился к девочке:

— Вы не дадите, пожалуйста, нам на минутку вашу скакалочку?

— Извините за беспокойство, — добавил тотчас Тошка, — только попробовать.

— Вы не подумайте, мы сейчас же отдадим, — сказал Женя.

Рая дала им свою скакалку — толстый белый шнур с лакированными деревянными ручками на концах. Но она продолжала глядеть в сторону, как будто все это ее не касалось. Тогда мальчики стали изображать, будто они первый раз в жизни прыгают через скакалку. Они топтались на месте, путались в веревке, нарочно падали.

Вскоре Рая стала улыбаться, потом она засмеялась и сказала:

— Не так совсем. Дайте я вам покажу, как надо.

Женя и Тошка как можно быстрее раскрутили скакалочку, так что ее почти не видно стало. Веревка, выгнувшись и мерцая в воздухе, описывала большой прозрачный шар, а Рая, легко вбежав в него, ловко заскакала, ни разу не зацепившись, как белка в колесе. Она прыгала вперед и назад, и обеими ногами сразу, на одной ножке и боком. Свистящая веревка

подсекала ее у земли и тотчас проносилась над головой, а она все прыгала, прыгала, прыгала.

Мальчики поняли, что они не ошиблись в своем выборе. На другой день они появились у дверей Раи с букетом георгинов и астр. Затем над двором Камориных появился необыкновенного вида змей. Он был сделан в форме сердца из розовой бумаги и на нем были инициалы Р. и К. Все это Рая должна была видеть, кое о чем разрешалось догадаться. Но не знать! Боже упаси, чтобы она узнала по-настоящему. Если бы она осмелилась спросить, не влюблены ли в нее мальчики, оба побожились бы, что ничего подобного у них и в мыслях нет.

В рассказах и романах мальчиков больше всего поражало бесстыдство героев: как это можно поцеловаться, а потом на другой день встретиться и ничего — посмотреть в глаза и даже поздороваться...

К тому времени выяснилось, что во двор к Рае Камориной слишком часто ходит пятиклассник Бугров Федор, племянник того Бугрова, имя которого было написано на одном буксире. Решено было его немедленно отвадить.

В тот же вечер Тошка подстерег Бугрова на углу Большой Макарьевской. Бугров Федор шел в начищенных ботинках, в белой легкой фуражке и благоухал одеколоном «Ландыш».

— Ты чего это на нашу улицу ходишь? — спросил его Тошка.

— А твое какое дело? — отвечал рослый Бугров, упираясь плечом в плечо Тошки. — Твоя улица?

— Узнаешь чья, когда получишь.

— Чего?

— «Чего, чего»! Села баба на чело да поехала в село и говорит: чаво.

Трах!..

— Ударил, кажется? — спокойно спросил Тошка. — Женька, отойди за ради бога, а то скажет — мы двое на одного... Так, значит, ударил? — спросил он, даже удивившись как будто. — А кого ты ударил, чувствуешь? Пер-Бако это львенок а не ребенок клянусь душой... Карасик, поддержи его фуражку, а то еще замараю — белая.

Женя принял на хранение фуражку гимназиста.

— Галах⁶ в рогожных штанах! — сказал Федор Бугров.

Через две минуты, когда Тошке надоело уже возить носом по пыли поверженного соперника, он спросил:

— Знаешь теперь, на чьей улице землю ешь?

Гимназист молчал. Тошка еще немного повозил его носом по земле.

— Ну?

— Знаю, — пробормотал побежденный.

— Какая улица?

— Большая Макарьевская.

— Врешь! — сказал Тошка. — Говори: Большая Кандидовская улица. Повтори три раза.

— Большая Кандидовская, — сказал Бугров, — Большая Кандидовская, Большая Кандидовская.

— То-то... Иди. Женька, почисть его сзади.

Большая Кандидовская! Здрово. Это, пожалуй, еще поинтереснее, чем пароход. Нет, все-таки пароход интереснее: он всюду бывает, во все города заходит, его все видят, а улица — на одном месте.

Но, чтобы твоим именем назвали улицу или пароход, для этого надо было стать или богатым мукомолом вроде Макарьева, Бугрова, или фельдмаршалом вроде Суворова. Первое казалось решительно невозможным, да и звучали эти имена в устах отца-грузчика и папы-доктора одинаково враждебно. Гораздо почетнее, интереснее и легче было, как уверял

⁶ Галахи — презрительное обозначение голытьбы, бродяг, нищих.

Женя, стать военным героем. Мальчики решили бежать на войну. Об этом они уже давно подумывали. Все уже было готово: и перочинный ножик, и сухари, и даже старые ефрейторские погоны, которые где-то раздобыл Тошка, выменяв их на книжку «Рейнеке-Лис», которую Женя пожертвовал для этой цели.

Жене очень жалко было расставаться с папой, но Эмилия Андреевна забрала в доме слишком большую власть. Она пыталась помешать дружбе Жени с Тошкой, который, по ее мнению, портил мальчика. А если так, то вот вам!.. Женя решил покинуть отчий дом.

Он предложил написать прощальное письмо Рае Камориной. Антон был против этого — он был менее доверчив, чем Женя.

— Лучше уж с фронта напишем, — говорил Тошка.

— А вдруг нас там сразу убьют, — возражал Женя. — Так она ничего и не узнает.

Они написали письмо:

«Рая! Мы на той неделе убежём (зачеркнуто) убежим на передовые позиции в действующую армию, то есть на войну. Если нас убьют, то помните нас, если останемся живы, то тогда еще увидимся, а мы вас будем помнить до нашей братской могилы. Никому про это не говорите. Разорвите это письмо. До свидания навеки,

Два известных вам друга».

Раина мама была пациенткой Жениного папы. На другой день доктор вошел в комнату Жени, где в это время мальчики изучали «Путеводитель по государственным железным дорогам Российской империи», папа вошел и закрыл за собой дверь.

— Слушайте, Женя, Антон, — сказал папа, — давайте будем мужчинами. Отвечайте прямо: вы хотели бежать?

Мальчики молчали.

— Ну, — продолжал доктор, — воевать могут только мужчины, давайте будем мужчинами. Собирались вы бежать?

— Откуда вы взяли?.. — начал Тошка.

— Собирались, — сказал Женя, обмирая от стыда и ужаса.

Тошка яростно повернулся к нему...

Тогда папа взял их обоих за руки и повел к себе в кабинет. Там сидел Балабуж — пленный чех с лицом, изглоданным постоянной тоской.

— Скажите им, — попросил доктор.

— Ай, млоды люди! — тихо и уныло сказал Балабуж.

Больные глаза его с красными, припухшими веками заглянули мальчикам словно в сердце.

— Это очень худо дело... Кровь вон, душа вон. Бога нет, человека нет, мертвый есть, — негромко говорил Балабуж.

Слова не давались ему. Он страдал, вставал, ловил слова руками в воздухе, и от этого рассказ его становился еще страшнее.

— И нет за что! — восклицал он и складывал худые, немощные пальцы в кулак. — За чужого пана, за пана добро.

Мальчики слушали, подавленные и переконфуженные.

— Я читал в газете... — начал было Женя.

Но Тошка перебил его:

— Молчи ты, Женька, мало что в газетах пишут!

Глава VII ОСКЛИЗ

Все тревожнее становился шепот, которым люди сообщали друг другу то, о чем не

писалось в газетах. Наступала осень, навигация подходила к концу. Люди говорили о несданных военных поставках. На Волге спешно грузили баржи. На пристанях работали днем и ночью до седьмого пота. Толковали о каких-то забастовках. И на волжском берегу слышалось глухое грозное ворчание, похожее на далекий приволжский гром.

Раз после уроков Женя пошел на пристань, где ждал его Тошка. Еще на базаре он услышал какой-то недобрый гомон, доносившийся с берега. Его обогнали два крючника. Они шли так быстро, что кожаные потники бились у них по спинам. Женя услышал страшное береговое слово — «осклиз».

У пристани стояла толпа: ломовики, грузчики, половые из чайной. Женя протискался вперед и увидел Тошкиного отца. Тамада лежал на земле боком, еще чернее обыкновенного. Посиневшая голова его была судорожно заведена за плечо. Огромный ящик, расколовшись при падении, лежал рядом. Доски расшились. Десятки банок с консервами раскатились во все стороны.

— Осклиз, — говорили вокруг.

— Становая жила хряснула. Позвонки с натуги тронулись, осклиз.

В пыли на корточках сидел Тошка. Его трясло так, что слышно было, как лязгают зубы.

— Папаня... — трясясь, тихо говорил Тошка. — Папаня, ты что?

— Все жадность человеческая одолевает, — сказал откуда-то сзади, из-за широких грузицких спин, человек монашеского облика. — Чрезмерно силой своей злоупотреблял...

— Ох ты, богова душа, — грозно обернулись к нему, — помолчи, пока не пришибли! Жил человек горбом, с горба и помирает.

— Прощай, Михаиле Егорович! — сказал сиплым голосом старый грузчик. — Прощай, тамада!

Сзади загремела извозчичья пролетка. Раздались голоса:

— Доктор приехал, доктор!.. Григорий Аркадьич!

Женя увидел отца, быстро пробиравшегося сквозь толпу. Стало очень тихо. Доктор, которого все в городе звали по имени-отчеству, быстро оглядел собравшихся, и те разом, словно сговорившись, отступили, расширив круг. Отец наклонился над неподвижно лежавшим Кандидовым.

Женя не видел, что делает отец, но слышал его негромкий, ровный и повелительный голос:

— Ну-ка, кто-нибудь... Вот так...

И вдруг Тошкин отец дернулся, открыл свои черные цыганские, как будто посеревшие глаза.

— Доктор... — сказал он, не говоря, а выдыхая каждое слово, — Григорий Аркадьевич, за Тошкой тут без меня... не оставьте. Чего, если надо, пропишите... А если потребуется, то и того...

Не перестававший трястись Тошка внезапно вскинулся, выгнулся, упал, стал кататься по земле и зубами хватать пыль... И дальше все произошло в одно мгновение. Доктор едва успел распорядиться и при помощи грузчиков уложить умирающего на подводу. К телеге подскочил вдруг бешеный крючник. Рыжий, в разорванной рубахе, бородатый, огненно-вихрастый, заросший до круглых выпученных глаз, с выкаченной косматой грудью, в коротких мохрастых портках, открывавших его заскорузлые ноги, он был похож на воинственного огненного петуха, только что бившегося насмерть.

— Народ! — закричал он. — Гляди своими глазами! Нет жизни людям. Загубляют! Не на фронте, так здесь пропадем. Холеры нет, так морят. Как скотину навьючат... не под силу, жилы рвутся!..

Лямки сползшего назад потника соскочили с беснующихся плеч на локти. Казалось, что у грузчика связаны руки сзади.

— Бей! — закричали за его спиной.

Доктор схватил притихшего Тошку и Женю, втащил их в пролетку. Извозчик погнал лошаденку. Они покатили, слыша за собой вой и шум, по временам взрывающийся треском.

Навстречу им бежала с базара толпа. Топая сапожищами, придерживая на ходу шашки-«селедки», верещали свистками городовые. Вдруг прерывисто и протяжно застонали пароходные гудки. На колокольне истерически забился набат. Пролетка была уже наверху, когда, оглянувшись. Женя и Тошка увидели, как на пристанях рубили чалки и канаты. Пароходы впопыхах отваливали. И мимо пролетки, по крутому взвозу, прыгая через булыжники, грохоча и раскалываясь, со смертоносной быстротой промчалась тяжелая бочка с соленой рыбой.

Прискакал, стоя в фэтоне, пристав. Полицейские сбегали вниз, к пристаням. Грузчики оказались прижатыми к мосткам и к воде. Тогда опять вперед выскочил краснобородый, петушиного вида крючник. Схватив со сложенной рядом груды арбуз покрупнее, он, занеся над головой, с остервенением бросил его в пристава. Арбуз перелетел через фэтон, ударился о берег треснул и разбрызгался во все стороны. И сейчас же в городских тучей полетели арбузы, дыни. Падавшие арбузы раскалывались, словно черепа. Мягко шлепались дыни, и зернистая жижка вытекала из них. Щелкнул револьверный выстрел. Извозчик погнал лошадь.

Больше Женя и Тошка ничего не видели.

Михаил Егорович Кандидов, тамада, умер через час в больнице. От непосильной тяжести у него оказался сдвинутым позвонок. Тошка ночевал на этот раз в квартире доктора.

Ночью набат снова перебудил всех. На улице было светло и красно. Мимо окон бежали люди. Мальчики слышали их голоса:

— У баков горит... Галахи подрались... Красного петуха пустили...

Женя ясно представил себе краснобородого крючника, с петушиным наскоком кинувшегося в бой. А через полчаса мальчики услышали протяжный вой сирены. Это пришел из Саратова быстроходный пожарный пароход «Самара», о котором на Волге была даже сложена песенка: «Эх, Сама-ара, качай воду...»

Утром сказали, что из-за борта «Самары» в эту ночь торчали не только брандспойты, но и пулеметы.

Утром Тошка ушел.

— Куда же ты теперь? — спросил Женя.

— В артель, — сказал Тошка.

Михаила Егоровича Кандидова полицейские хоронили украдкой. Опасались, что обычные похороны могут вызвать новые волнения в городке. Из близких допустили лишь Тошку. Тошка продал соседу лучших чеграшей и на эти деньги нанял певчего от Троицы, того самого, который имел голос, похожий на гудок парохода «Общества на Волге».

После похорон Тошка с Женей сидели на своем излюбленном местечке у пристани. Важно дымя, мимо них прошлепал большой желтый буксир. На колесном кожухе жирными буквами было написано: «Торговый дом Борель и с-ья», то есть «сыновья». Прежде всегда мальчики смеялись, видя этот пароход, и, сложив ладони трубой, кричали с берега: «Эй, Борель и свинья». А сегодня Тошка вдруг часто заморгал красными глазами и сердечным голосом сказал Жене:

— Нет, лучше пускай у моего парохода название будет «М. Кандидов и сын». Можно ведь так написать на круге.

— Кто же напишет?

— А Бореля кто написал? Купчина какой-то, и всё.

— Так это же его пароход.

— Без тебя знаю... А папаня говорил: «Погоди, время подойдет — не за рубль, а за честь пароходы называть будут».

Доктор пытался через благотворительный комитет определить Тошку стипендиатом в гимназию, на бесплатное обучение. Женя помог Тошке подготовиться. Но директор гимназии наотрез отказался принять Тошку на стипендию, как неблагонадежного.

Однажды ночью, поздней осенью, доктор. Женя и Тошка сидели на лавочке у парадного крыльца. Они говорили о звездах. Женя, только что прочитавший Фламариона, называл теперь звезды с такой же точностью, с какой отгадывал пароходы. Тошка даже

позавидовал ему. Голубей своих в небе Тошка отлично различал каждого по полету и повадке, но в звездах он путался.

— Там, может, люди тоже, — сказал Тошка. — Вот кто первый долетит, все визнает, вот знаменитый станет на весь мир!

В эту минуту мимо лавочки, где они сидели, очень быстро прошли трое людей. Несмотря на холодный и сырой вечер, они шли без шапок, в одних рубашках. Тошка разом замолчал и поглядел на Женю. Доктор и Женя тоже заметили прошедших и насторожились. Не прошло и трех минут, как послышался топот. Пробежали двое городских.

— Господин доктор, вы извините, не заметили тут... не проходили трое?

Женя открыл рот, но вдруг почувствовал, как рука отца крепко, до боли сдавила его локоть.

— Нет, — сказал доктор спокойно. — Мы тут давно сидим, никого не было.

— Прошу прощения, — шаркнул полицейский, откозырял.

И оба затопали обратно.

Некоторое время все трое сидели молча, потом Тошка, перегнувшись к доктору, зашептал:

— Эх, Григорий Аркадьевич, здорово вы как! Вот ловко вы их! Вы тоже какой смелый, оказывается.

— Я, правда, никого не видел, — сказал доктор.

— Да, да не видел! — не унимался Тошка. — Не видел, а сам подмаргивает мне... Не видел... Хитрый!..

Доктор, крайне довольный, скромно насвистывал вальс «На сопках Маньчжурии».

Глава VIII ТУРМАНЫ И ЗМЕИ

В феврале, когда ошеломляющая весть вошла во все двери и из всех дворов повалили на улицы бесконечные толпы людей, Женя встретил Тошку на площади. Тошка шел со своей артелью рядом с краснобородым и нес малиновое знамя.

Тошка очень вырос за эту зиму. Стал еще сильнее и плечистее. Летом он работал в артели наравне со всеми, и даже матерые крючники удивлялись его силе и выносливости. Змеи он забросил, но голубями занимался по-прежнему. Он подружился с солдатами, ходил на все митинги и часто таскал с собой в казармы Женю. В казармах спорили о политике и ругали Временное правительство такими словами, что Тошка конфузился и старался не смотреть в эти минуты на Женю. Это не мешало ему так же сердито, хотя и другими словами, крыть Керенского и всю буржуазию.

Затем он вдруг пропал, словно сгинул. Женя ходил к нему домой, но застал там лишь бестолкового и сонного жильца, которому, уезжая, Тошка поручил своих голубей.

Осенью 1917 года, в Октябрьские дни, Тошка опять появился.

Бежавшие из Саратова юнкера пытались укрепиться на другом берегу Волги. В городке загорелся бой. Отец не велел Жене выходить на улицу и даже приближаться к окнам. Над крышей дома что-то грохотало и рвалось, обдавая все нестерпимым громом и полыханьем. Потом вдруг кто-то крепко застучал в парадное. Эмилия Андреевна схватила Женю и затискала его в угол, за буфет. Отец, бледный, пошел открывать. Вошел патруль солдат. У всех на рукавах шинелей были красные повязки. Впереди патруля с винтовкой стоял Тошка.

— Здравствуйте, Григорий Аркадьевич, — сказал, потупившись, Тошка. — Мы квартал очистили, теперь глядим, не спрятался ли кто... Доктор за нас, товарищи, — продолжал уверенно Тошка, обращаясь к красногвардейцам.

По выражению доктора лица было довольно трудно судить, за кого он стоит в данную минуту.

— Я полагал бы, что неприкосновенность мирного населения... — начал он.

Но в это время громовой оранжевый вспых оглушил и ослепил всех.

— Вот беда, — сказал один из красногвардейцев, — это ведь наша батарея садит... не знают, что квартал уже отбит. Связи нет.

Необходимо было поднять над кварталом красный флаг. Но лезть на крышу было невозможно. Юнкера засели на колокольне и тотчас начинали обстреливать крышу из пулемета.

— Стойте-ка, — сказал вдруг Тошка. — Сейчас. Мне только на наш двор перелезть.

— Я не могу допустить, — сказал доктор. — Как можно под огонь... почти ребенка...

— Пер-Бако это львенок а не ребенок клянусь душой! — продекламировал Тошка, подмигнул Жене и выскочил на улицу.

— Что он такое выдумал? — спросил доктор.

— Да что-то сообразил, — отвечали ему. — Малый с головой.

Красногвардеец осторожно подошел к окну и выглянул из-за простенка.

— Смотрите! — сказал он.

Леток Тошкиной голубятни открылся как ни в чем не бывало, и знаменитые турманы, чеграши, москвичи выпорхнули в октябрьское серое небо, потрясенное орудийными ударами.

Женя, нарушив запрет, прижался к стеклу и увидел, что из-за слухового оконца высунулся Тошка. Его лицо было исполнено голубиной кротости. Он размахивал огромным шестом-пугалом, на котором вместо обычной грязной тряпки висел на этот раз чей-то красный шарф. Но, конечно, наивная Тошкина хитрость никого не провела. Раскаленная струя из пулемета ободрала штукатурку на карнизе дома, раздробила кирпичный гребень брандмауэра, по которому разом пошел розовый пыльный дымок. Тошке пришлось быстро убраться на чердак.

— Не прошел номер, — сказал высокий красногвардеец.

Все молчали.

Прошло минут пять. Тошка не появлялся.

Но вдруг над двором взметнулся и пошел забирать вверх самый большой Тошкин змей, розовый, в форме сердца с памятными буквами «Р» и «К». И по нити, туго натянувшейся между небом и крышей, побежала бумажная «телеграмма» с приколотым к ней красным платком. Но Тошка был слаб в расчетах. Перетяженный змей, резко козырнув вниз, зацепился длинным хвостом за водосточную трубу. Чтобы отцепить его, надо было пробраться к краю крыши. И Тошка выполз, прижимаясь лицом к холодному ржавому железу кровли. Он добрался до самого стока. Он слышал над собой легонькое: фьюить, цвик... Что-то стучало и лязгало о крышу... Летела во все стороны железная окалина. Вот опять что-то рассыпалось по железной крыше. Зажмурившись от страха, Тошка пополз дальше.

Когда Тошка заполз за скат крыши, Женя перестал его видеть. В комнате все молчали, уставясь в окно. И вдруг из-за крыши выскочил, метнулся в сторону и вознесся кверху большой змей — розовая бумага, натянутая на сердцеобразный каркас из ивовых прутьев. Посередине сердца бумага была пробита в двух местах пулями. И опять по туго натянутой между небом и крышей нити побежала «телеграмма», таща за собой алый лоскут.

Глава IX ПАРОХОД ОТВАЛИВАЕТ

Весной Женя провожал Тошку. Маленький отряд собрался у пристани. Здесь были широкоштантные грузчики, железнодорожники, слесари, с неотмываемыми тенями вокруг глаз.

Тошка расхаживал с винтовкой за плечами, с красной повязкой на рукаве. Он сплевывал семечки и говорил странным баском, к которому сам еще не совсем приспособился. От этого в голосе его, как в сломанной шарманке, неожиданно проскакивал смешной пискливый звук.

Отряд шел на белочехов⁷. Ждали парохода. Никакого расписания теперь уже не было. Пароходы приходили и уходили, когда им вздумается. Отгадывать их стало гораздо труднее. Тошка уверял Женю, что за ним пришлют обязательно теплоход с круглым окном.

И вот показался пароход. По густому мычащему гудку, которым он просил уйти подобру-поздорову сунувшуюся наперерез лодку, приятели сразу определили, что это не теплоход... Это шел пароход общества «Самолет». Но почему-то он был белого цвета. Когда пароход несколько приблизился, мальчики совсем растерялись. Судя по передним стеклам рубки, по двухсветным каютам, это должна была быть «Великая княжна Татьяна Николаевна». Но для такого длинного названия слишком мало ведерок было на палубе. И впервые в жизни мальчики не смогли отгадать пароход. Пароход подваливал, и можно было прочесть уже надпись на круге. «Спартак» — назывался пароход.

— Переназвали, — догадался Женя.

— Теперь это вполне свободно бывает, — сказал Тошка и поднял с земли вещевой мешок.

Счастливцем был этот Тошка и безусловно без пяти минут герой.

— Эх, я бы тоже! — вздохнул Женя.

— Нос не дорос, — сказал Антон и толкнул его пальцами в лоб.

Женя надулся.

— Ну, рассерчал уже, — сказал Тошка, — шутю я. Правда, Женька, это не все же могут. Я ведь здоровый, здоровше большого мужика. Видишь?.. А ты вон какой. Ты развивайся, тогда тоже примут.

Раздалась команда, отряд строился. Тошка на секунду замешкался.

— Слышь, Женя... Чего это я хотел тебе сказать?.. Забыл вот. Ну ладно, после когда-нибудь. Прощай, Евгений!

— До свиданья, Антон. Напиши про бои, про всё, всё.

— Ты газеты читай, — закричал с пристани Тошка, — там про все будет.

— Ну, а о тебе-то самом?

— Не беспокойся, и про меня — увидишь вот. Оркестр на «Спартаке» заиграл «Смело, товарищи, в ногу...». Отряд прокричал «ура». Пароход сразу дал третий свисток и ушел. Женя долго стоял на берегу. Антон махал ему с кормы удаляющегося парохода.

Женя очень внимательно читал газеты, но прошел год, прежде чем папа принес утром газету, напечатанную на оберточной желтой бумаге, и сказал:

— Женя, смотри, приятель-то твой отличился. Женя вырвал у него из рук желтый листок, едва не разорвав его, и прочел, что молодые бойцы из отряда имени Спартака Чубченко, Беркович и Кандидов во главе с комиссаром Кротовым совершили героический поступок, угнав от белых большой пароход, груженный боеприпасами и продовольствием. Нигде только не было сказано, что пароход переименован в честь Антона Кандидова. Возможно, что его и не переименовывали вовсе...

И опять о Тошке не было ни слуху, ни духу.

Пошли тяжелые, голодные дни. Папа уехал на фронт. Кругом был тиф. Каждый день приносил новые события, знакомства с новыми людьми. У Жени появились новые товарищи.

Глава X ИОРДАНЬ

Крещенский благовест. Ахали колокола Михаила-архангела, звонили у Покровского монастыря, трезвонил старый собор. Иордань.

Бежали мальчишки, укутанные в рваньё. В солдатских котелках бренчали ложки.

⁷ Белочехи — участники контрреволюционного восстания чешских военнопленных, служивших ранее в австрийской армии и временно задержавшихся в России после первой мировой войны (1914— 1918 годы).

— Колька-а-а, американцы сегодня какао выдают!

Двадцать первый год. Тридцать градусов мороза на термометре желтого казенного здания. На Немецкой заколочены витрины. Улицы в яминах. Обнажены разгороженные дворы. У консерватории на перекрестке пала лошадь. Стужа такая, что в носу мерзнет.

Вниз, к Волге, по взвозу сползал крестный ход. В дымном дыхании задрогшей толпы колыхалась полинялая хоругвь. Впереди шли заиндевшие попы, позлащенные сверх шуб. Сзади — «разжалованные» фуражки, башлыки, невянувшие цветочки на шляпках под пуховыми шалями.

У Волги над откосом стоял матрос в черных наушниках. Стоял и лушил семечки. Вились в ветре ленты бескозырки, сдвинутой на брови. Ветру и стуже был открыт наголо стриженный крепкий затылок. Матрос повел застывшим квадратным плечом. У ног его клубилась вьюга. Внизу, под ним, лежала окостенелая Волга, ветряная студеная даль.

Крестный ход полз мимо. Матрос стоял спиной к нему, грыз подсолнухи. Спина его, широкая и уверенная, была полна неприязни к происходящему. Внизу, под откосом, на Тарханке, как называют рукав Волги у Саратова, дымилась крестообразная прорубь. У выточенного ледяного креста амвон, также изо льда, искрился и сек лучи, как стеклянная призма. На солнце ярилась сусальная позолота. Черная дымная вода качалась в проруби.

Вдруг матрос оглянулся. Теперь все увидели его лицо. Оно оказалось несколько неожиданным. Это было лицо молодого парнишки, лицо главаря мальчишеских орав, озорная и немножко мечтательная физиономия второгодника. Все на матросе было с чужого узкого плеча.

В толпе говорили:

— Ишь стоит, демон... озирается. Интересно небось посмотреть, как это у нас в Иордани купаются. А никто не идет.

— Холодно...

— Нонче никого в воду не заманишь. Подмельчал народ. Раньше тебе хоть сорок градусов мороз, а купцы в прорубь только бултых, бултых... Подвезут их в санях, шубы раскроют, вынут это его оттуда, разоблаченного окунут троекратно, опять в шубу, бутылку в зубы и домой. Что за люди были!

— Духа нет того, святости.

— Не в том дело... Прогреться после нечем. Вот чего... Испанку⁸ захватишь.

— Где же, где же она, а? Где она, господа, я спрашиваю, удаль былая? Не вижу, — заговорил привычным, гладким голосом господин в бекеше, с широкой, думской бородой.

— Чего это он, а? — заинтересовались в толпе.

Господин уничтожающе, через плечо, оглядел публику.

— Да, печальное зрелище, — продолжал он. — Я говорю, господа, вместе с верой угас и... э-э... священный богатырский дух русского народа. И что же осталось? Безбожие и инфлуэнца⁹.

Верующие смущенно переглядывались.

— Сам пускай лезет! — проговорил кто-то.

Вдруг, легко распарывая толпу, к краю проруби подошел матрос. Он был слегка увалень и размашист в движениях.

— А ну, позво-о-оль! — деловито сказал матрос. — Куда тут нырять?

Он не спеша раздевался. Сбросил бушлат, расстелил на льду, сел, стал стягивать штаны. Снял тельняшку и через минуту стоял на льду, голый, мускулистый, похлопывая себя по груди. На груди синела татуировка — якорь, сердце, змея. Слева под соском виднелись

⁸ Испанка — тяжелое эпидемическое заболевание гриппозного характера, свирепствовавшее в то время по всей Западной Европе и России.

⁹ Инфлуэнца — грипп.

слова девиза: «Любовь до гроба, честь навечно, слава на весь мир». Матрос держал кобуру и искал в толпе надежного человека. Взгляд его остановился на худеньком юном студентике. Ноги студента были обернуты солдатскими обмотками и обуты в полудетские ботики на застёжках-защелочках.

— Эй, студент, — сказал матрос, — будь друг, поддержи эту петрушку, покарауль, пока я управлюсь.

Студентик почтительно принял кобуру. Он хотел что-то сказать, но покраснел, сконфузился. Матрос почесал под мышкой, потянулся.

Священник подошел к нему с крестом и хотел благословить его. Герой легонько отстранил его локтем.

— Ты бы перекрестился, — посоветовали из публики.

— Не требуется, — отвечал матрос.

— Смерзнешь, поживей хотя.

— Нам спешить некуда, — сказал матрос и полез в прорубь.

Голый. В лютую, перестылую хлябь, стекленевшую от стужи. Он окунулся и вылез. Мокрые волосы его разом смерзлись. Тело у него теперь было красное, с легким сизым налетом.

Он быстро одевался и говорил, подмигивая:

— Так и скажи вон тому патлатому, что вот, мол, боевой красный волгарь Антон Кандидов совсем обратное доказал. Без всякого святого духа. Раз, два — и будь здоров! Антон Кандидов. Запомнишь? Можешь повторить? Пока.

Матрос, не удостоив взглядом студента, взял у него наган и пошел по взвозу в город.

Студентик бежал за ним, дую на обмороженные пальцы в дырявых варежках.

— Тоша!..

Матрос остановился, посмотрел сперва подозрительно на полудетские, полудамские ботики на защелочках, потом перевел взор на лицо студентика, быстро поднял за козырек его студенческую фуражку, заглянул в лицо.

— О, Карасик! — восторженно закричал он. — Женька! Здорово во! Ну, как поживаешь? Ничего? Ты что-то плохой, длинный какой вытянулся. Голодуешь?

Карасик уже неделю ничего не видел, кроме колоба¹⁰ и чечевицы. Он промолчал.

— А ты уже студентом заделался? — с завистью говорил Антон. — На кого жмешь?

— Да думаю художником...

— Ага. Малюешь, значит?

— Пишу.

— Красками с натуры уже можешь?

— Могу.

— Знаешь, Женька, срисуй с меня портрет. Только я другой бушлат надену. У нас один парень себе новый оторвал, всем сниматься дает... Нет, знаешь, ты лучше картину нарисуй: как мы у белочехов «Лермонтова» увели. Я тебе вот расскажу...

— А я знаю, — сказал Карасик.

— Что?! Неужели в университете уже про это учат?

— Во-первых, я не в университете, а в институте. А во-вторых, я об этом в газете читал.

— Ну! Было? — удивился Антон. — И мое фамилие было? Эх, вот бы почитать! Надо найти будет.

— А пароход не переименовали? — ехидно спросил Карасик, снова чувствуя мучительную зависть.

— Ну, веришь ты, Женька... — заговорил Антон. Лицо его вдруг странно похорошело. — Ну, чудная получается петрушка! Вот когда пароход тогда забирали, я же мог очень просто с башкой распрощаться... Раз, два — и будь здоров! Веришь ты, честное

¹⁰ Колоб, или жмых — прессованные отходы, остающиеся после отжима масла из подсолнечных семян.

слово, забыл даже думать насчет прославиться там... Нас из пулеметов крошат с берега, а я как прыгнул на мостик к ихнему командиру, по нагану в каждой руке: «Именем революции — полный ход!» Писали там в приказе после о героизме... Вот почитай, документ есть.

Он вынул из кармана удостоверение, расправил аккуратно сложенную бумажку.

— А вот, как нарочно, когда ловчишься, лезешь напередки, ну, можешь поверить, ни шиша не получается, ей-богу... А ты, значит, тоже за славой ударяешь, только по художественной части. Так. А батька где?

— Папа умер, — сказал Карасик.

— Эх, вон как, Женя... Это мне жаль. Как же это Григорий Аркадьевич-то?.. А? Он сочувствующий нам был. Эх... А ты, значит, тоже один? Компанию себе завел хоть?

Карасик мотнул головой отрицательно.

— Это, по-моему, зря, — серьезно сказал Антон. — Смотри, так живо скуксишься.

— А у тебя? — ревниво спрашивает Женя.

— Странное дело, а как же! А комсомол?

— Комсомол...

Карасику опять стало завидно и одиноко. Ему захотелось побить спеси у друга.

— Слушай, Антон, — сказал он, — а для чего ты в прорубь лез?

— А это мне не впервой. Я уже раз мырял за замком от орудия. Ну, а потом закаляться стал.

— Ну, а здесь перед кем красовался? Все за славой гонишься?

— Это ни при чем тут, — смущенно заикался Антон. — Я им доказать хотел, что не в святом духе суть. Во мне духу натошак четыре тысячи девятьсот по спирометру.

— Эх, Тошка, Тошка, — солидно проговорил Карасик, — вырос, а такой же.

— Ты больно умно-о-й! — смешно прогнусавил Антон.

Он схватил Карасика, легко подбросил его вверх и поставил на землю:

— Проси пощады!

Карасик подставил ногу. Антон споткнулся. Женя бросился бежать. Антон поймал его. Он поднял Женю и воткнул его головой в сугроб. Из сугроба смешно торчали худые ноги в суконных ботинках на защелочках. Антон корчился от хохота, приседал, хватался за живот и в конце концов в изнеможении свалился на снег.

— Женька, Женька, ой, помру!..

Карасик вылез из сугроба и отряхивался.

— Вот дурак! — сердился он. — У, дурак здоровый. Честное слово, дурак. Что у тебя за привычка — обязательно шею ломать?.. Дал бог силу, он уж и рад. Иди ты, ей-богу... Как дам!..

— Ну дай, дай! — приставал Кандидов.

— Отстань, а то как стукну...

— Ну стукни, стукни! Слабу?

Карасик шлепнул Антона по шее.

— Еще! — не унимался Антон.

Карасик с ожесточением ударил Антона в плечо.

— Как муха! Ты как следует, не бойся.

Стиснув зубы. Женя со всей силы ткнул Антона в грудь... В груди у Тошки только ахнуло, как в бочке.

— Силенка имеется, — одобрил Антон, — а бьешь по-девчачьи. Кулак надо вот как складывать.

И Антон поднес к носу Карасика свой огромный кулак, медленно поворачивая его, как на вертеле.

— Во, видал? Тяп — и ваших нет.

Прохожие, опасливо косясь, сторонкой обходили разбушевавшихся приятелей. От возни оба разгорячились. Антон распахнул бушлат на крутой и просторной груди.

— Здрово это, что мы вот опять оба два...

Но вдруг Карасик пошатнулся. Его словно ветром снесло вбок, и он схватился за выступ дома. На позеленевшем лице резко выступили дымчатые круги под глазами.

— Что? — Антон испуганно и заботливо нагнулся к нему. — Ты что, Женя?

— Ничего, пройдет... — бормотал Карасик.

Но Антон перевидел на своем веку достаточно голодающих и знал, как они выглядят.

— Что же ты. Женя, мне не скажешь? — проговорил он с укоризной. — А я, дурной, развозился здесь. Э!.. — И, окончательно расстроившись, он с силой ударил себя кулаком в голову:

— Аида к нам! У меня паек... И я тебя к столовке прикреплю.

Глава XI «ФИОЛОВАЯ ВОБЛА»

Поев в столовке маисовой каши и выпив какао со сгущенным молоком, Карасик пресытился.

— Э, плохой с тебя едок, — сказал Антон. — Я тебе на два своих талона набрал. Придется мне передним числом напиться.

Он аккуратно доел все, что было на тарелках. Собрал со стола хлебные крошки в ладонь и тоже отправил их в рот. За едой разговорились. Выяснилось, что Антон работает сейчас по судоремонту. Революция требовала, чтобы пароходы не только забирались, но я починались.

Поев, Карасик воспрянул и заторопился.

— Куда? — огорчился Антон. — А я хотел с тобой в цирк сегодня: на борьбу, там чемпионат.

— Нет, мне надо, — уклончиво бормотал Карасик.

— С кем это? — понимающе подмигнул Антон. — Молодец Карась! Познакомь когда-нибудь. Иди, иди...

— Да нет, честное слово!

— Да ладно, ладно уж... чувствую.

Пришлось Карасику сознаться, что он ищет славы не только в живописи, но пробует себя также по части изящной словесности. Он писал стихи. Сегодня его ждали в литературном подвальчике «Фиоловая вобла». Там проводились диспуты, литературные суды, поэтические рауты.

— Ладно, — решил Кандидов, — и я с тобой.

Карасик испугался. Куда такого кита в тесный садок для воблы?

— Нельзя, — сказал он.

— Что за петрушка? Что это значит — нельзя?.. Нет такого места теперь, куда нельзя. А если есть, так надо быстренько в Чека заявить: раз, два — и будь здоров!

«Фиоловая вобла» помещалась в нетопленном подвальчике на бывшей Немецкой, ныне улице Республики. Некогда здесь была шашлычная. Теперь стены были испещрены угловатой кабалистикой, оранжевыми угольниками, зелеными кубами, серебряными спиралями и параллелограммами, рыжими кругами, пересеченными пучком прямых линий.

Антон долго смотрел на картину, висевшую у входа. Картина должна была изображать скрипача. Из невообразимой и пестрой неразберихи торчал настоящий смычок, деревянный, с белым конским волосом. А в левом углу, у самой рамы, была вделана в холст электрическая лампочка. Очевидно, по случаю сбора лампа горела.

Скоро пришли два недоедающих, худых актера из ТЭПа — Театра эксцентрических представлений. За ними, держась около стен, пачкаясь клеевой краской, вошли пятеро застенчивых, но старавшихся казаться бывалыми, молодых людей из частного кружка «Эго — я, влетающий, или прыжок в бесконечность». Потом набились какие-то дамы в пенсне и капорах. Пришел и сел в стороне нечесаный старик профессорского вида в золотых очках. Явилась мужеподобная, коренастая, коротко стриженная девица в папаше и гроыхающих

сапогах, одетая, как ей, видно, казалось, «под комиссара».

Она размашисто подошла к Антону и хриплым басом спросила:

— Свернуть есть?

Оробевший Антон дал ей закурить.

— Будем знакомы! — сказала она и сплюнула. — Василиса Бурундук. Прозу работаете или стихи?

— Я так... тут, сбоку-припеку, — сознался Антон.

Все сидели в шапках, шинелях, шубах, кто в валенках, кто в солдатских обмотках и толстых американских ботинках.

— Господа, пора бы уже, — сказала дама в вязаном капоре.

Услышав «господа», Антон качнулся и хотел было уже что-то сказать, но Карасик молитвенно сложил ладони, и Антон смирился. Председатель, в стеганых ватных штанах, в красных высоких шнурованных ботинках и в пиджаке с шелковыми лацканами — реверами, поднялся на эстраду. Он снял шапку, пригладил волосы, зачесанные от левого уха через лысину направо.

— Сегодня мы, — произнес он необычайно отчетливо, как конферансье, — собрались, чтобы заслушать творческие опусы наших собратьев. Первой выступает со своими стихами наша подруга по лире Василиса Бурундук.

Василиса шагнула на шаткую эстраду. Доски закрипели под ее сапожищами. Она вынула изо рта сигарку, метко плюнула на нее и отбросила в сторону.

— «Беатриче, или Ведьма на кресте», — возвестила она и заломила папаху.

У нее был голос парохода общества «Русь» и замашки брандмейстера.

Антон прыснул.

— Не в склад, не в лад, поцелуй блоху в кирпич! — шепнул он на ухо Жене.

На него обернулись. Женя укоризненно посмотрел на Антона.

Следующим читал Карасик. Он полез на эстраду, споткнулся. Все увидели его детские ботики. Голос его стал низким и неверным. Антон страшно волновался за Женю. Но стихи Карасика даже понравились ему. В стихах говорилось о том, как белые офицеры разыграли в чет и нечет жизнь пленницы... А потом над убитой летал крик. Почему крик — это было не совсем понятно. Но рифмовалось это с «нечет» превосходно.

Антон пушечно зааплодировал. От него шарахнулись. Так как почти никто не аплодировал, то его хлопки грянули, как выстрел. Антон смутился. Карасик сел на место, ни на кого не глядя. Антон не решался сразу заговорить с ним. Женя еще тяжело дышал и был весь как будто в другом измерении. С ним нельзя было еще общаться так, запросто. Как водолаз с большой глубины не может быть сразу поднят на поверхность, а должен быть проведен через промежуточные уровни и давления, так и Карасик отходил медленно. Когда он выплыл на поверхность, на эстраде подвизался самоуверенный молодой человек с моноклем. Он поднял руку, откинул волосы со лба, подтянул пальцами шею и завыл и заныл:

Нервов нарыв,
Проклятое ноющее Я.

Антон подозрительно и настороженно слушал.

— Надо ему из другого глаза очко выбить, — сказал он на ухо Жене.

И, дослушав, вдруг поднялся, наклонился вперед, навис огромным своим телом над рядами.

— Что ты хочешь делать? — спросил в ужасе Карасик.

— Могу я? — спросил Антон.

— Пожалуйста... — сказал председатель, пожимая плечами, и пояснил присутствующим: — Это наш гость, рекомендованный сегодня...

Антон уже стоял на эстраде, упираясь макушкой в сводчатый потолок подвала. Он громогласно откашлялся. Высокий, горластый, высился он над сидевшими, как большой

пароход среди лодок. Он тряхнул головой. Седая прядь его вскинулась.

— Пер-Бако это львенок а не ребенок клянусь душой о боже мой удар был верен я умираю! — проревел Антон, ударил себя в грудь и прыгнул с настила.

Последовало неловкое молчание. Кто-то нерешительно хлопнул. Карасик готов был исчезнуть сквозь пол. Хоть бы свет погас!.. Но электричество, как назло, горело сегодня отлично.

— Все? — спросил председатель.

— Все. Могу еще раз, если понравилось.

— Господа, товарищи! — закричал поэт со стеклышком. — Я не понимаю, что это за издевательство. Ведь это же стихи Ростана...

— Я и не говорю, что мои, — сказал Антон невозмутимо. — А ты вот сдул чужие, а под своей маркой продаешь! Эх ты, вобла!

Поднялся страшный шум и визг. Скамейки сдвинулись с места.

— Позвольте!.. Как!.. Что такое!

— Кто его пустил?..

— А ну, позво-о-оль! — громким, пристанским голосом сказал Антон, легонько отстраняя наседавших на него. — Раз это не его стихи. К нам в столовую один чудак приходил, голодающий. За какао стихи читал от недоедания. За сочинение какого-то центрального поэта... Из Питера. Я и фамилию знал. На «Зе»... Нам тогда объясняли, да забыл.

— Докажите! — закричал поэт, выронив из глаза стеклышко и постыдно краснея. — Предъявите факты...

— Поз-во-о-оль! — опять сказал Антон. — Не махайся ты перед глазами!

И Карасик двинулся к выходу под прикрытием его широких плеч.

Они вышли в черный морозный воздух.

— Ну, зачем тебе это? — спросил Карасик.

— А чего они воображают?

— Неудобно вышло.

— Брось, Женька! Охота была тебе с ними связываться. Выродки какие-то, тьфу! Мы с тобой, помнишь, какие книжки читали, а? А это ни красоты, ни радости.

— Много ты смыслишь! — рассердился Карасик.

— Я, конечно, в этом деле глубоко не разбираюсь, — признался Антон. — Но у меня, веришь ты, Карасик, у меня нюх, знаешь? Носом чую, что не подходящая это тебе компания. Брось ты эту петрушку, Женька, записывайся к нам... Вот где люди, Женька, а? Можешь поверить, сам даже иногда радуюсь. Честное слово! Я не сразу тебя зову. Поработай, увидишь. Свяжешься с нами, плакаты будешь у нас делать, сойдешься с ребятами... Слышь, Женька?.. — Антон, пораженный какой-то внезапной мыслью, даже остановился. — Знаешь что, возьмешься ты у нас раз в неделю занятия вести? С ребятами насчет искусства потолковать. Скажем, Леонардо да Винчи и этот... как его?.. вот вылетело... Рафаэль, что ли?

— Выдумываешь ты, Антон. Фантазия у тебя богатая. Леонардо да Винчи! Очень это им нужно.

— Женька, дурной! Слушать будут, как проклятые! Это тебе не сиреневая вобла твоя. Люди в полном смысле! Разве тебе понять!.. Пошли в цирк, как раз к третьему отделению, к борьбе попадем. Там сегодня бенефис Маски.

И Антон принялся рассказывать Жене о чемпионате, о борьбе и даже признался, что у него есть свои планы в этой области. Его увлекала теперь слава чемпионов, французская борьба, призы, медали, аплодисменты. Он уже знал назубок все приемы: бра-руле, «макароны»... — все это он изучил до тонкостей. Он мечтал сам под маской сделать вызов всем борцам, выступать инкогнито, перевалить всех до одного на обе лопатки, получить приз и в последний день самому раскрыться под гром аплодисментов и туш оркестра («Под маской боролся непобедимый молодой волгарь, бывший грузчик, Антон Кандидов, ура!..»).

Все дело было только за маской. У Антона не было мануфактуры.

Они шагали через черный, выставший и словно помертвевший город. Тьма, полная колючего снега, шастала по улицам. Черны были окна. Пурга продувала улицу из конца в конец. Сугробы переваливали с середины мостовой, подбирались к окнам домов. Где-то свистели. Раскатился выстрел.

Они шли, легонько и дружно шатаясь из озорства, как два одноклассника после уроков, шагая в такт только им ведомому маршу. Его не надо было даже петь. Он звучал сам где-то очень глубоко. Рука друга, тяжелая и надежная, давила плечо Карасика. От этого делалось теплее на душе. Между идущими образовался участок уюта и родства, укрытый от ветра, тьмы, стужи. Они прошли мимо сгоревшего Гостиного двора, мимо музея, где за решеткой, уткнувшись в сугроб чугунным носом, лежал царь, свергнутый с памятника у Липок.

Глава XII В ЗАТОНЕ

Зима, голодная и глухая, проходила в работе, в дружбе. В холодной комнатухе Карасика, у распаленной печурки-буржуйки, Женя разводил свою кухню: раскладывал шпатели, мыл в жестянке с керосином кисти, грунтовал. Антон любил, придя после работы, смотреть, как работает Карасик. Он с уважением прислушивался к вкусным названиям: умбра¹¹, сиенская зелень, поль-веронез, зелень перманентная, голландская сажа, берлинская лазурь, кобальт, сепия.

Карасик уже перенял всю жестикуляцию художников. Он научился соответственным образом отставлять большой палец, потом медленно прижимать его к остальным четырем, сомкнутым в кулак. Отогнутым кончиком большого пальца, упирающимся в воображаемую кисть, он округло и пластично — обязательно пластично! — вписывал что-то в воздух, толкуя о форме и цвете. Так, водя выгнутым большим пальцем в иссиня-дымном воздухе, он объяснял товарищам антона, комсомольцам-водникам, классические формы и линии. Огромным, докрасна накалившимся прозрачным кристаллом выглядела печурка в домике-временке на затоне. Одетые во что попало, полуголодные, с помороженными руками и ознобленными лицами, слушали Карасика молодые ребята с затона.

Карасик пришел к ним в первый раз с великим страхом. Он был уверен, что его поднимут на смех, что никто его и слушать не станет. Глядя поверх лиц, осекаясь, начал он лекцию.

— Величайший мастер итальянского Возрождения гениальный Микельанджело Буонаротти был несчастлив в своей великой жизни, — сказал Карасик и тут же смущенно словил себя на том, что в одной фразе сказал «величайший» и «великий».

Но тут он рискнул взглянуть на лица и поразился. На него смотрело столько глаз, полных сочувствия и интереса, что следующая фраза, казалось, сама легко и уверенно шла на язык. Карасик удивился вниманию, с каким слушали рассказ о жизни далекого флорентийского мастера. Никто не перебивал Женю, только один раз на задней скамейке угрюмый и бледный от недоедания парень поднял руку, как школьник. Карасик настороженно поглядел на него.

— Давайте здесь не курить, — сказал парень и сел.

Карасик стал завсегдатаем в домике на затоне. За четверть пайка в месяц он рисовал плакаты по судоремонту. Водники дивились его быстрому искусству, задавали ему вопросы наивные, но неизменно благожелательные. Угрюмый парень, просивший на первом занятии не курить, приходил на занятия всегда самый первый и однажды принес показать Карасику тетрадку, куда он перерисовал виды с открыток.

¹¹ Умбра... сепия — названия красок, употребляемых в живописи и применяемых при тонировании фотографий.

Работа в затоне была тяжела. Приходилось оттирать примерзшие к берегу катера, производить обколку льда. Зброшенные, заржавленные буксирь ваялись на берегу, как издыхающие киты. Было так холодно, что знобило при одной мысли о прикосновении к морозному металлу.

Однажды во время лекции по затону раскатился выстрел. Нервно залился гудок. В мастерских все вскочили и кинулись к дверям. Перепуганный Женя побежал за всеми.

— Сиди, сиди! — остановил его Антон. — Запомни, на чем остановился. Не беспокойся: комсомольская тревога, тебя не касается.

Антон, вероятно, хотел просто успокоить Женю. Но Карасик почувствовал себя глубоко обиженным. Опять какая-то полоса отчуждения прошла между ним и Антоном с его ребятами.

К весне в затоне все пришло в движение, как в гусятнике. Красили, шпаклевали, выводили новые названия: «Свобода», «Заря Революции», «Память тов. Маркина»... Ледокол «Громобой» уже вспорол Тарханку, торопя весну. Но черная вода среди белизны берегов выглядела неестественной, озябшей, как цыпленок в разбитом раньше времени яйце.

Потом наступил день, когда с коренной Волги, из-за Зеленого острова, донеслась канонада ледохода. И, грохая, двинула Волга, вертя, круша и выжимая на берег тяжелые льдины с обрывками дорог, с вешками, с конским навозом.

Началась весна. И как знак новой экономической политики, как первое доказательство нэпа, открылась на Немецкой кондитерская с настоящими, давно невиданными пирожными, сдобами, слоями.

Антон и Карасик никогда не ходили по той стороне улицы и стойко отворачивались, когда им приходилось быть поблизости от соблазнительной витрины. Иногда, в праздник, друзья устраивали роскошный ужин. Они покупали в складчину белую булку, разрезали ее пополам и медленно съедали, совершенно счастливые.

Саратов давно славился своим пристрастием не только к французской борьбе, но и к музыке. Это один из самых музыкальных городов в стране. Концертанты всего мира знают это.

Весной открылся городской парк «Липки». В уцелевших садах закипела сирень, распахнулись окна, и чуть ли не из каждого открытого окна понеслись экзерсисы и гаммы. В тенистых улицах с развороченными тротуарами стало звучно и разноголосно, как в коридоре консерватории, что на углу Никольской и Немецкой. Под сенью «Липок» тихо миловались влюбленные. Полая вода укоротила взвозы. Пристани теперь жались к самым домам. У пристаней закричали первые пароходы. Как истые волжане, Антон и Карасик все свободное время толкались на берегу. Берег был загажен мешочниками, вонью тянуло из разрушенных пакгаузов. Но Волга оставалась Волгой, всегда новой, не знающей застоя, просторно текущей. И вода была большой, прекрасной водой.

Пароходы ходили не по расписанию и с новыми именами, но голоса у них были знакомые с детства. И друзьям было приятно узнавать старых горластых подфрантившихся знакомцев, заимевших новые паспорта. И Антон и Женя могли рассказать всю родословную каждого парохода. Им были известны все победы, подвиги и судьбы пароходов. С горечью узнавали они о гибели судов — взорванных, сожженных, потопленных.

Глава XIII ТОСЯ

Волга в тот вечерний час то розовела, то подергивалась опаловой поволокой, бесконечно широкая, поглотившая берега, выливающаяся из-за горизонта и за горизонт заплывающая.

По краю откоса шли четыре захмелевших цыгана, неправдоподобно живописные. Они шли, обнявшись, к взвозу. Шаровары черного бархата были на них. Скрипели сапоги на неверных ногах. Белые рубахи были выпущены из-под козовых жилеток. Смоляные бороды

горели зеленым, бронзовым огнем, курчавые волосы над медными шеями искрились радужным блеском, прохваченные лучами низкого солнца. Жгучий цыганский глаз косил по сторонам. Воздух вокруг них был оранжевый, плотный, как на старых картинах.

— Фу ты, черт! — залюбовался Антон. — Знатно ступают, фасону сколько. Вот вольная жизнь!

— Завидуешь? — колко спросил Карасик.

— При чем тут завидуешь, полюбоваться нельзя?

Он помолчал.

— А если и завидую, так что? — спросил он. — Я в душе сам, может, шатуший. Отцов дед цыганил, с табором ходил. Симпатия там у него, что ли, завелась. Фамилию даже новую взял. Вот наша фамилия и пошла чудная такая.

Но все это — и тона, положенные на стены закатом, и Волга, и цыгане, вольно вступающие в город, — все это было так торжественно и тревожно, что друзья замолчали в странном предчувствии каких-то событий. Кто видел такие закаты на Волге, тот знает это странное ожидание, тот испытывал непонятное разочарование, когда вот солнце село и ничего не произошло... На этот раз ожидания не обманули. Приятели увидели девушку, сидевшую на скамейке у края откоса. Не сговариваясь, оба нашли ее прекрасной. Да и могла разве в такой вечер появиться обыкновенная девушка!

Девушка сидела и читала. Ее косы, толстые, как пристанские канаты, лежали у нее на коленях. Время от времени она перебирала их, словно четки. Антон и Женья, беспрерывно подталкивая друг друга локтями в бок, осторожно присели на кончик скамейки. Антон подтолкнул локтем Карасика в бок и начал:

— Пер-Бако!..

Но острый локоть Карасика вонзился ему под ребро так, что он чуть не охнул.

— Мы вам не препятствуем? — вежливо спросил Антон.

— Нет.

Молчание.

— Извиняюсь, — решительно начал Антон, — это не вы случайно вчера были в «Гранд-Мишеле» на картине «Серая тень», четвертая серия?

— Нет.

— Тогда, извиняюсь, обознался. А в «Зеркале жизни» на «Человеке без имени»?

— Нет.

— А на юбилее Слонова¹² тоже нет?..

Этими расспросами достигались сразу две цели — знакомство и сообщение о своем светском, широком образе жизни.

— Тогда извиняюсь... Удивительное, понимаешь, Женька, сходство!

— Да, есть некоторое, — сказал Карасик. — Не так уж, конечно. У той глаза разве такие?

— Нет, конечно, та и равняться не может, — поспешно заверил Антон.

Приятели переглянулись. Тактика была давно выработана. Они работали на пару, как разговорный дуэт в цирке. Один должен был задавать вопросы, а другой ловко отвечать на них. Карасик не был силен по этой части — он был нужен как подручный. Выигрышная роль всегда доставалась Антону.

— Как ты думаешь, Женья? — начал Антон, скосив глаза на девушку. — Отчего это, Женья, у меня такая натура, что я до сих пор никак не могу увлечься?

— Я думаю, Тоша, — заученно отвечал Карасик, — что это оттого, что ты не встретился с достойным человеком.

— Да, я тоже так думаю, — продолжал Антон значительным голосом, — что не было

¹² Слонов Иван Артемьевич — народный артист РСФСР, много лет проработавший в Саратове и снискавший там огромную популярность.

подходящего знакомства.

И они посмотрели на девушку. Но та продолжала читать, облизывая пальцы и перелистывая желтые страницы. На коленях у девушки лежала большая папка «мюзик». На ней лежала другая книжка.

Антон заглянул на обложку книги, которую девушка читала, — Сенкевич, «Камо грядеши». Ничего, подходящая, хотя, правда, религии много, но зато — Урс! Такого силача не в каждой книжке сыщешь.

— Можно посмотреть книжку? — вежливо попросил Антон.

— Можно, — отвечала девушка и протянула ему книгу, лежавшую у нее на коленях.

Антон многозначительно подтолкнул опять Карасика.

— Гвидо де Верона, — прочитал вслух Антон. — «Жизнь начинается завтра»... А сегодня нельзя?

Карасик жестоко ткнул его.

— Женька, давай ты! — шепнул Антон.

Карасик голосом «фиоловой воблы» сказал:

— Как обворожительно прекрасна в эти весенние часы Волга, каким величавым спокойствием дышит она!

Так как девушка все молчала, то Карасик спросил:

— Правда, какая ширь, Антон?

— Факт, — сказал Антон. — И глыбоко тут сейчас — тридцать сажен!

Но и глубина не поразила девушку. Тогда Карасик решил действовать от себя.

— Меня, собственно, интересует чисто живописная задача, — медленно сказал Карасик и, согнув палец, как на выставке, обвел им горизонт. — Хочется разложить на цветовые множители эту гамму оттенков...

При слове гамма девушка подняла глаза на Карасика.

— Смотри, — продолжал Карасик, — вот берлинская лазурь, кобальт, ультрамарин, краплак, лакфиоль... (Ой-ой, черт! Это, кажется, цветок вовсе...)

Девушка с интересом смотрела на Волгу.

— И вохрой¹³ еще пройтись, — сказал Антон, считавший, что последнее слово должно всегда остаться за ним. — Песок вон...

С низовьев, от Увека, донесся глухой пароходный баритон. Очень далеко показался пассажирский пароход. Девушка забеспокоилась. Сложив книжки, она всматривалась в даль.

— Вы не знаете случайно, какой это пароход идет? — спросила она вдруг.

Приятели вскочили. Теперь они могли себя показать! Но тут же они сели. Зачем, однако, нужен был ей пароход?

— Встречаете кого? — ревниво спросил Антон.

— Папу жду.

— А, папу! Сейчас мы вам все узнаем с ручательством! — воскликнул Антон. — Ну, давай разберемся, Женя.

— Что мы тут имеем? — сказал профессиональным тоном Женя. — Не теплоход — это ясно.

— Факт. Колеса бьют.

— А свисток, как у «Кавказ и Меркурия»...

— По кожуху — бывший «самолетский», только в белый перекрашен.

— Спереди у рубки поднято, значит, одно из двух — «Татьяна» или «Анастасия»...

— «Татьяна» в ремонте.

— Тогда ясно какой.

Консилиум кончился. Друзья подошли к девушке.

— Это «Володарский» идет, — сказал Карасик, — бывший «самолетский» «Великая

¹³ Вохра — значит охра.

княжна Анастасия Николаевна». Год постройки 1916.

— Только, извините, не теплоход, — с сожалением сказал Антон. — Но это ничего, из «самолетов» самый лучший.

— А как же вы отсюда узнали? — удивилась девушка.

— Знаем уж, знаем, — отвечал скромно Антон.

— Вы, наверное, заранее знали.

— Кто же теперь знает заранее?.. Теперь и капитан свой пароход перепутает.

Но оба друга немножко волновались, а вдруг ошиблись — не «Володарский». Пароход подходил ближе, разворачивался. У трубы забился ватный комочек пара, и в улицы, заглушая экзерсисы, вошел долгий гудок, медленно опадающий, как взброшенный песок. Антон предложил провести девушку на пристань, куда никого не пускали, но где Кандидов был своим человеком. Они сбежали вниз, пароход уже подчаливал. Все трое встретили папу и помогли ему вынести вещи — довольно тяжелые, так как папа был запаслив и вез из командировки картошку и соль. Но Антон легко ухватил два мешка и потащил их с пристани. Папаша сперва забеспокоился, но дочка поспешила всех перепознакомить.

Тут произошло маленькое замешательство, так как выяснилось, что дочка еще тоже не знакомилась со своими новыми друзьями и не знала их фамилий. Но все быстро уладилось. Тоша и Карасик представились, узнав, в свою очередь, что девушку зовут Тосей, а фамилия папы Густоваров и он работник финотдела, бывший податной инспектор, как выяснилось впоследствии.

Приятеля героически дотасовали папашино добро до самого дома, на Приютской. При этом Карасик совершенно выбился из сил, хотя Антон отлично распределил кладь и, пристроив ляжки, главную тяжесть взвалил на себя.

Папаша стал рыться в кармане, но Тося покраснела, и папаша поспешно потряс руки Карасику и Антону. Приятеля были приглашены на воскресенье. Они пришли, ели коржики с «арбузным медом», познакомились с Тосиной мамой. А Тося играла на рояле «Смерть Азы».

В каждом хорошем городе есть свой заветный маршрут, обязательный для влюбленных. В Саратове он обычно начинался встречей на Немецкой и знакомством на углу у консерватории. Первая прогулка пролегла через «Липки», вторая приводила на площадку Народного дворца. Затем следовало свидание на волжском берегу.

Тося училась в консерватории. Женя и Антон по очереди ждали ее на углу у памятника Чернышевского. Оба, Антон и Карасик, в это время ходили в деревянных сандалиях-стукалках с сыромятными ремешками. Походка получалась звучная, как чечетка. Они встречали Тосю и, стуча на всю улицу, по очереди носили за толстые шнуры «мюзик» — черную папку с вытисненным медальоном Антона Рубинштейна, с белыми муаровыми крышками. Деньги у приятелей водились очень редко, но все же им удавалось иногда угостить Тосю пирожными-безе в кондитерской Василевича на улице Республики.

Пресловутый маршрут был уже пройден, и теперь они часто катались втроем на лодке по Волге. Антон греб.

Лодочку легко несло вбок могучее течение. И было немножко страшно чувствовать, как там, под тонкоробрым и утлым донышком, огромная литая сила плыла в полупрозрачной глубине, хватала лодку и сносила в сторону, стоило только на секунду перестать грести. Но Антон легко выгребал на самом быстряке. С лодки были видны исподние части пароходов — мокрые, красные, как жабры, толстые плиты колес, скрытые кронштейны пароходных надстроек, ржавчина и сурик ватерлиний. У самого лица проходили крупные цифры на шкалах осадки судов.

Карасику, конечно, доставалось место на руле. Тося поэтому сидела спиной к нему. Он тихо терзался, сидя позади, и правил плохо.

— Куда ты правишь? Смотреть надо! — кричал ему обидно Антон.

— Вы утопить меня хотите? — смеялась Тося оборачиваясь.

Всегда в присутствии Антона она была насмешлива с Женей, говорила ему колкости и

подчеркивала свое внимание к Антону. С Карасиком она говорила как с маленьким, и он чувствовал себя глубоко несчастным, Антон и в доме у Густоваровых имел больший успех, чем Женя. Ему наливали морковный чай в первую очередь, подавали в подстаканнике, а Карасику — в чашке. Папаша называл Кандидова Антоном Михайловичем, а к Карасику обращался официально: товарищ Карасик. Карасик страдал. Иногда вдруг, поймав себя на ревнивом чувстве к Антону, он жестоко распекал самого себя... Но странно, когда Женя оставался с Тосей вдвоем, она внезапно менялась. Внимательно слушала его рассказы, расспрашивала о живописи.

У Карасика была привычка всегда кем-нибудь увлекаться, иметь предмет восхищения, живой или вычитанный. И всякий раз, когда Женя встречался с Тосей в отсутствие Антона, он беспрерывно повествовал о своем замечательном друге, не щадя красок, расписывал Антона, его отвагу, силу, доброту.

— Все Антон и Антон... Почему вы о себе никогда ничего не рассказываете? — говорила Тося.

— О себе? — удивлялся Карасик. — А что я? У меня нет никакой биографии.

В тот вечер, запомнившийся на всю жизнь, Антон был занят, и Карасик один отправился на свидание с Тосей.

Стоял теплый летний вечер. Из «Липок» от английского цветника доносилась музыка. Женя и Тося сидели на паперти старого собора, у толстой белой колонны, исчерченной тоскующими парочками нескольких поколений. Вечер был душный и сладкий. Тося доверчиво положила голову на худое плечо Карасика.

— Тося, — прошептал Карасик, — можно вас поцеловать?

— Не надо, Женя.

— Я вас сейчас поцелую, — сказал Женя решительнее.

— Не надо лучше...

— Почему не надо?

— Так... зачем...

— Нет, я все-таки поцелую, — упрямо сказал Карасик.

Он осторожно коснулся губами ее щеки. Щека была такая нежная, такая беспомощная, что страшно было нечаянно сделать ей больно. У Карасика перехватило горло от восторженной жалости.

— Тося, вы не рассердились? — спросил он.

— Нет.

— Ни капельки?

— Ни капельки...

И вдруг она резко повернулась к нему. Карасик почувствовал, как Тосина рука обхватила его шею, и понял, что его целуют. Но Тося сейчас же откинулась назад и так замотала головой, что концы тяжелых ее кос разлетелись в стороны.

— Я нехорошая, Женя... — зашептала она. — Я очень плохая, Женечка, я скоро замуж выйду. За Василевича.

За Василевича? Нэпач, владелец кондитерской. Человек с голыми сизыми надбровьями, хрящеватый весь, с тяжелым прикусом длинного рта.

— За пирожное? — шепотом спросил Карасик, разом отодвигаясь.

— Ну, так за пирожное...

— Но ведь ваш папа...

— Подумаешь, папа! — злобно перебила его Тося. — Спекулянт он, мой папа, вместе с Василевичем. Женечка, это очень гадко!.. — бормотала она, плача, тесно прижимаясь к Карасику. — Вы меня не будете презирать? Поймите, ведь это только так, для устройства... А так мы будем с вами. Вы ведь будете ко мне приходить? Только вы, пожалуйста, без Антона. Чего вы нашли в нем такого, не понимаю.

— А вы сами? — поразился Карасик.

— Я? Ничуть! Это папа его просил попридержать. Он через него провизионку получил,

провоз на пароходе... Ему Антон свою отдал...

— Придержаться?! — с ужасом чуть не закричал Карасик.

— Ну, обиделся уже за друга, сентиментальности какие! Вы ужасный мальчишка все-таки, Женечка, вы поймите, у вас душа хорошая... Ну что вы на меня так уставились?

— Эх, Тося, противно даже! — тихо сказал Карасик, отодвигаясь, и его всего передернуло.

...Женя шел по опустевшей улице Республики. Было тихо. Небо было ясное и светлое. Резким колючим силуэтом были вырезаны на нем готические шпили консерватории. Карасику прежде очень нравилось это здание, похожее на средневековый замок, у которого он поджидал принцессу. Сегодня фальшивая аляповатая готика раздражала Женю. Из ресторанчика, что напротив консерватории, из-за розовеющих занавесок в открытом окне доносилось: «Сшей ты мне из котика манто...» Он перешел на другую сторону, чтобы не проходить мимо вывески Василевича.

Карасик еле достучался до Антона. Антон уже спал. Он открыл дверь совершенно голый, вернулся в комнату и сел почесываясь. В комнате носился легкий запах его чистого и ладного тела.

— Ну, что такое? — сквозь зевоту спросил Антон. Карасик, глотая комки обиды, рассказал. Он скрыл лишь, что Тося говорила об Антоне. Антон сразу очухался. Он потянул штаны со стула.

— Это допускать невозможно! — заорал он. — Она не такая! Силком ее хотят. Прошло такой петрушке время. Я им всем головы пообрываю! Айда сейчас же!

Тогда Карасик рассказал все. Антон помолчал.

— Так она и сказала?

— Так и сказала.

— Ну, а ты что?

— Что ж я? Плюнул и... вот...

Антон достал со стола коробку с махрой, бумажку, свернул и закурил.

— Ну, спасибо, Женя! — И он крепко сжал плечо Карасику. — Ночуй уж у меня. Ложись к стенке, я с краю.

И Карасик лег на узкую скрипучую койку. Антон примостился сбоку. Он лежал большой, жаркий, ровно и сильно дыша. Мерно отвешивало полновесные удары его сердце. Женя слушал жизнь этого здорового тела.

— Женька! — сказал вдруг Антон, приподнимаясь. — Слушай, Женька... только откровенно. Ты с нею целовался когда?

— Целовался.

— И со мной целовалась... А мамаша-то, мамаша... Коржики... У-у, жаба!.. — И он уткнулся головой в подушку.

Глава XIV В РАЗНЫЕ КОНЦЫ

Карасик все ближе и ближе сходил с товарищами Антона. Бывать в затоне, толковать с затонскими ребятами — это скоро стало для него потребностью. И тут Карасик заметил странное обстоятельство. Раньше он шел в затон потому, что это казалось ему выполнением какого-то большого долга, без которого нельзя жить в такое серьезное время. Теперь он спешил туда, потому что ему было интересно там, интереснее, чем где бы то ни было. Дело тут было не только в Антоне. Женю влекли и восхищали эти грубоватые, крепко стоявшие друг за дружку, все очень разные и все-таки чем-то друг на друга похожие парни. Его уж давно в затоне считали своим. Никто не спрашивал у него пропуска. «Художник пришел!» — кричал сторож у ворот, возвещая о приходе Карасика. Но все-таки Женя чувствовал себя немножко гостем, пусть желанным и приятным, но тестем, а не хозяином. И в обращении с ним ребят тоже чувствовалось подчеркнутое гостеприимство. Это можно было бы устранить,

надо было лишь записаться... Но Карасик не решался. Ему казалось, что он этим разжалует себя в рядовые, потеряет личную свободу. Ему хотелось быть похожим на этих затонских ребят, но оставаться все-таки не таким, особым. Объяснить бы это, вероятно, и сам Женя не мог. И поэтому Антон, не раз заводивший с ним разговоры на такую тему, ничего не понимал.

Вскоре Антон получил новое назначение. Его направляли под Астрахань вести работу среди грузчиков на низовье. Дело было почетное. Жаль только было опять расставаться с другом. Но как раз в это время Карасику предложили командировку в вуз, в Москву.

— Счастливый ты уродился, Женька! — вздыхал Антон, узнав об этом.

— Ну вот... нашел кому завидовать, — говорил Карасик, стараясь скрыть прыгавшую в нем радость.

— Нет, везет, везет тебе, Евгений! И так уже сколько всего выучил, а теперь уж вовсе образованный станешь... Ну, да ни черта. Дойдет черед и до меня.

Под Астраханью Кандидов проработал несколько лет. Потом пришел год призыва. Антон мечтал о флоте, но комплект там был заполнен. Кандидова зачислили в части пограничной охраны. Ему довелось служить в отряде, охраняющем большую пограничную станцию.

Антон тянуло в родные края — на Волгу. Отбыв срок службы, он вернулся в свой городок и снова стал работать комсоргом среди грузчиков. Он стал учиться и кончил курсы бригадиров Волгогруза. По его предложению, работа на пристанях была рационализирована. Антон был хитер на практические выдумки. И ему удалось многое сделать, чтобы облегчить и упорядочить хорошо знакомый с детства тяжелый труд грузчиков. Артели стали хорошо зарабатывать.

Старые грузчики, знавшие его отца, величали теперь Тошку Кандидова Антоном-тамадой. Молодежная артель «Чайка», в которой был бригадиром-тамадой Антон Кандидов, ставила рекорд за рекордом. Она уже второй год подряд держала переходящее знамя Волгогруза. Приезжали подзаянять опыт с далеких пристаней. Пробовали переманить Антона. Но Кандидов оставался верен себе и своей «Чайке».

Глава XV **«АРАПСКИЙ НОМЕР»**

Сперва Карасику в Москве пришлось туго.

Когда прошли волнения первых хлопот и улеглись восторги от московской новизны, для Жени наступили дни жестокого разочарования. Его провинциальные успехи по части живописи никого здесь не удовлетворили. Во многом ему пришлось переучиваться. Он увидел, что умение его пока не выходит за пределы любительства. Когда же его призвал к ответу голос настоящего искусства, он почувствовал себя немоощным и вскоре — сперва это было мучительным подозрением, но потом оно превратилось в жестокую уверенность — он понял, что художником ему не стать. Он поступил в университет на физико-математический факультет. Здесь он сперва учился с огромным увлечением, пораженный величиим высшей математики, ее стройностью и таинственными умозрительными красотами. После расплывчатых, выписанных в воздухе большим пальцем деклараций искусства его потянуло к формулам точного знания, высеченным словно из твердых кристаллов. Но все-таки в душе он все время ощущал, что это еще не то, не настоящий путь, это лишь промежуточная станция. Иногда на самой интересной лекции, очнувшись и оглядывая сидящих вокруг него, он вдруг понимал, что забрел сюда случайно, что впереди его ждет что-то другое. И долгие часы просиживал он в большом зале библиотеки, полном тишины и премудрости, часами рылся на развалке у букинистов Китайгородской стены и выискивал редкие книжки, предаваясь величайшему из наслаждений — блужданию по книгам.

Теперь он с жадностью перечитывал как раз те страницы, которые в детстве они с

Тошкой пропускали. Оказалось, что там-то и находились слова, объяснявшие жизнь, оказалось, что там-то и скрывалась вся мудрость, скромная, остающаяся в тени, не лезущая в глаза.

Он читал книги по истории. Теперь его интересовали не только баррикады и битвы, не только великолепные поступки, афоризмы и исторические тирады, но и заседания, но и съезды, но и цены на товары.

Так незаметно для себя он вырос. Жилось ему нелегко. Им «уплотнились» дальние родственники отца. Он жил в кабинете врача, весело посмеиваясь над собой и уверяя, что для него все входы и выходы в жизни плотно забиты докторами. От четырех до семи врач принимал, и Карасик должен был три часа гулять по улицам, если он был свободен от лекций. Поэтому он очень быстро и хорошо узнал Москву. Ему давно уже сказали, что у него «скорее графические способности, нежели живописные». Однако совсем бросить рисование ему в то время еще не пришлось — он писал плакаты для магазинов и желто-зеленых пивных: «Всегда свежие раки» — и выводил устрашающие клешни.

Вечером после лекций он возвращался в докторский кабинет, пахнувший йодоформом, и ложился спать на врачебную клеенчатую кушетку, неудобную и холодную. Что может быть лютее, чем холод операционной клеенки, проникающий сквозь простыню! Над головой Карасика висела эсмархова кружка с клистиром, огромным, как брандспойт.

В университете он мало с кем сошелся. Но один человек его внезапно заинтересовал. Это был Димочка Шнейс, «великий арап», как он сам себя отрекомендовал.

Димочка Шнейс с удовольствием слушал и о Волге, и о пароходах. Но он нашел, что Карасик ничего не умеет брать от Москвы, взялся руководить воспитанием Жени и сделать его настоящим москвичом.

«Жизнь — это сплошной арапский номер, — говаривал Димочка Шнейс. — Жизнь надо разыгрывать».

Для него не было ничего серьезного в жизни. Все он обращал в шутку, обо всем говорил, как о пустяках. Язык у Димочки был тоже свой, особенный, «арапизированный», как он выражался. Он переиначивал слова, подхватывал каждое ходячее новое выражение. «Блатовать», «красота, кто понимает», «во, и боле ничего». Речь Димочки была до отказа перегружена этой дребеденью.

Он ходил в театры принципиально лишь по контрамаркам. Не было такого места, куда бы он не мог проникнуть. Он хвастался тем, что ему знакомы все милиционеры в Москве, и на пари здоровался с каждым постовым за руку. Милиционеры удивлялись, но вежливо козыряли. Входя в трамвай, он раскланивался с кондукторшей, снимал калоши, ставил их у входа и вешал кепку на поручень.

У Димочки была очень веселая компания. Он называл ее «содружество арапов».

Он работал репортером в ведомственной газетке. Деньги у него водились, но он не вел им счета и вечно сидел в долгах, которых, кстати, никогда не отдавал. Он развлекался как мог: мистифицировал незнакомых людей по телефону, рассказывал невероятные, самым им выдуманные истории и клялся при этом, что он «очевидец и ушеслышец» происшествия. Жил он налегке, весь как будто подбитый ветром.

— Димочка дома? — спрашивал Женя, придя к нему.

— Нет, — говорили ему, — за папиросами ушел.

— Давно?

— Дня два.

Карасик был сперва подавлен великолепием Димочкиного нахальства, обилием контрамарок во все театры, количеством анекдотов, записанных в специальной тетрадке, невозмутимой наглостью, всем блеском арапского аксессуара Димочки Шнейса. Неизвестно каким образом и непонятно для чего Димочка оказался студентом и даже ухитрился иногда сдавать зачеты, тоже, разумеется, на арапа.

Первое время Женя с увлечением сопровождал Димочку в его похождениях. Они проникали бесплатно во все театры, знакомились с каким-нибудь захмелевшим посетителем

в пивной, пили сообща, а затем уходили с черного хода, предоставляя случайному собутыльнику расплачиваться за троих.

Но вскоре Женя обнаружил, что Димочка Шнейс, помимо всего, грязный человек. Не стесняясь, он рассказывал вслух о таких своих похождениях, о которых другим бы даже про себя вспомнить было совестно. И была за всем этим ухарством, бесстыдством и пошлостью страшная пустота, тоскливая и неприкаянная.

Разглядев ее, Карасик опомнился, испугался и понял, что попал в скверную компанию. С тоской вспоминал он о своей дружбе с Кандидовым. Тошка как в воду канул. Конечно, можно было бы, если постараться, найти его, но Карасик был самолюбив. Он был уверен, что Антон вышел в большие люди. И Жене не хотелось предстать перед старым другом вот таким, никак еще не получившимся, ни до чего не дошедшим. Но он часто вспоминал о Кандидове. Антон спился ему в окружении сугробов, паровозных труб. Ему сопутствовали в снах Карасика толпы и бури.

После этого Димочка казался Карасику еще мельче и пустее.

Глава XVI ЕВГЕНИЙ КАР

В то время Карасик стал ощущать с каждым днем все растущую потребность записывать свои мысли, впечатления, особенно поражавшие его события. К стихотворениям он давно остыл. Вести дневник ему не хватало терпения. Кроме того, ему казалось нелепым писать, адресуясь к самому себе. Он должен был видеть сквозь строки написанного глаза читающего, иначе он не мог выдать из себя ни слова. Он старался ставить себе читателя. Читатель сидел в высокой просторной тишине Ленинской библиотеки, тихо шелестел страницами и делал выписки. Иногда это был суровый и лохматый юноша, в железных очках, с проступающей тенью бородки, или серьезная стриженная девушка в верблюжьем свитере, беззвучно шевелившая нежными губами. И Карасику страшно захотелось быть прочитанным и узанным этими читателями. Ему захотелось писать, ему захотелось «глаголом жечь сердца людей». Он написал рассказ об арапах, где изобразил под вымышленными именами себя и Диму. Рассказ был написан очень пышными и густо взбитыми словами. Фразы были усеяны сравнениями. В постскриптуме автор сообщал, что рассказ этот основан на истинном происшествии. Но это не помогло. Рассказ через три недели был возвращен из журнала, куда его сдал Карасик, и на полях рукописи красным карандашом начертаны были две зловещие буквы: «НП».

Карасик переписал рассказ заново и послал в другой журнал. И оттуда рукопись вернулась через месяц, неся на себе таинственные инициалы — «НП». Куда бы ни посылал свой злополучный рассказ Женя, всюду настигали его эти таинственные «Н» и «П». «Что это такое? — доискивался Женя. — Николай Палыч, Никита Петров...» И, получив уже сам, лично, в пятой редакции возвращенную рукопись, он осмелился спросить у секретарши:

— А кто это — НП?

— Не кто, а что. Это значит не пойдет, — отвечала секретарша.

Карасик уничтожил рассказ, но писать не бросил. Он почувствовал, что ему интересно писать о вещах, мимо которых, не замечая их, проходят люди, в то время как мелочи эти раскрывают огромный смысл времени. Когда он говорил кому-нибудь об этом, люди сперва с удивлением смотрели на него, а потом говорили:

— А действительно!.. Вот странно, никому это в голову не приходило.

Тогда Карасик понял, что он видит многое из того, что другие не подмечают. Он стал внимательно присматриваться к окружающему и уловил множество замечательных черточек, мелочей, признаков, качеств, которыми можно было определить существо происходящего гораздо точнее, ярче и убедительнее, чем простым подробным описанием. Он стал писать, стремясь всегда по-своему увидеть предмет. Он писал о Москве, о ее улицах, старых бульварах, схватывал трамвайные разговоры, уличные шутки. Когда он писал, он всегда

видел тех своих читателей из Ленинской библиотеки, скромных и вдумчивых, или ему казалось, что он пишет своему другу, и, может быть, Антон где-нибудь найдет и прочтет написанное. Поэтому ему хотелось отыскать особенно теплые слова, и он вскакивал, отбрасывая в отчаянии ручку, шалея от помарок, судорожно сжимая голову, подыскивая нужное, искомое, единственно верное понятие или звучание. Ему не хотелось писать про выдуманное. Ему хотелось лишь передать по-своему, как можно убедительнее, настоящее, виденное, узнанное. Так, он написал большой очерк о Моховой улице, о книжных развалках, о студентах, бегущих на лекции, о чугунных глобусах университетской решетки, о Ломоносове, глядящем с постамента на новых пришельцев.

Он отнес очерк в редакцию большой газеты, где у него был знакомый журналист. С ним Карасика когда-то познакомил Дима. По тому, как пренебрежительно говорил тогда этот человек с великим арапом, Карасик понял, что он ничего общего с Димой не имеет.

Знакомый этот встретил Карасика довольно хмуро.

— Ага, — припомнил он, — вы, кажется, приятель этого... Шнейса... Где он, кстати, обретается? Вот арап!

Журналист обещал прочитать рукопись и через три дня дать ответ.

Карасик пришел в назначенный день, но журналист сказал, что он еще не успел прочесть, и просил зайти через недельку. Карасик явился через неделю, но журналист был занят, и Карасик не смог его дождаться. Он решил плюнуть на эту затею. Но через два дня Карасик получил городскую телеграмму, в которой его просили немедленно зайти в редакцию. Карасик опрометью кинулся. Он влетел в подъезд, ворвался в подъемник, едва не опрокинул лифтера. Лифт полз невероятно медленно, слегка пощелкивая на этажах.

Карасик был полон надежд. Ему казалось, что он поднимается на воздушном шаре к облакам, но уже у четвертого этажа его охватило сомнение. На седьмом этаже он вылез.

— Молодец! — сказал, увидя его, знакомый, оказавшийся заведующим отделом. — Мы тут все читали вслух. Мнение общее. Давно вы пишете? Мы сдаем в завтрашний номер. Тут кое-что надо выправить и подсократить.

И он защелкал огромными портновскими ножницами.

— Подпись какую поставим?

— Если можно, то Евгений Кар, — сказал Карасик и почувствовал, что он готов кинуться на шею заведующему и перецеловать всех сидевших в этой прокуренной и забросанной бумагой комнате.

Утром он встал чуть свет и долго стоял у киоска, дожидаясь, когда принесут свежие газеты. Он схватил еще пахнувший типографской краской лист и развернул.

Сердце у него оборвалось. Очерка не было. Он пробежал всю страницу, ища заголовков «Проспект юности и книги», но такого не было. И вдруг ему бросилось в глаза: «Моховая улица. — Евгений Кар». Напечатали, напечатали! Правда, название заменили, и от очерка осталось меньше половины. Начинался очерк с середины и кончался фразой, которую Карасик никогда в жизни не писал. «Это заставляет со всей решительностью поставить вопрос об организации разумного досуга студентов», — с изумлением прочел он. И после первой минуты восторга он почувствовал страшную обиду и разочарование. Пропали замечательные образы и сравнения, над которыми столько трудился Карасик.

Все это осталось в зловещей редакционной корзине. Но в редакции все поздравляли Карасика. В комнату специально приходили сотрудники, чтобы взглянуть, кто это такой — Евгений Кар. Карасику сообщили, что звонили уже из университета, Наркомпроса, что досуг студентов будет организован. Из секретариата принесли первые письма студентов, отклики. Потом Женю вызвал сам редактор. Карасик заробел. Редактор, человек с полулегендарным именем, ученый, большевик, желал видеть Евгения Кара. Кар вошел в большой кабинет. Высокий человек, с прямыми плечами и военной выправкой, в сапогах и в тужурке со стоячим воротничком, голубоглазый, усатый, приветливо встретил Карасика, усадил его в большое кожаное кресло, а сам сел напротив, на диван.

— Это у вас очень здорово получилось, — сказал редактор. — Давно пишете? Связаны

с какой-нибудь редакцией?.. Нет? У нас хотите? Тогда я скажу, чтобы вас оформили... Там заполните, что надо...

И редактор позвонил.

— Очень здорово написали! И язык у вас хороший, острый. Только меньше сравнениями щеголяйте.

— От них же ничего не осталось, — не выдержал Карасик.

— Ничего, ничего, хватит, больше чем достаточно, — сказал редактор.

Так Женя Карасик превратился в Евгения Кар. Его знакомый, заведующий отделом информации, рекомендовал ему использовать для фельетона похождения арапов. Он помог Жене раскусить истинный смысл этого 'безобидного как будто озорства.

Женя писал фельетон и помнил своих читателей за столиком в Ленинской библиотеке. Он писал, и ему нестерпимо хотелось, чтобы эти читатели согласились с ним, чтобы они были убеждены и поверили Карасику.

Фельетон Евгения Кара «Арапы», напечатанный подвалом, прошел с шумом, вызвал поток писем и дискуссии в вузах. Карасик слышал свое имя на улицах, в трамвае.

После этого Карасику пришлось написать ряд мелких полуделовых, полухудожественных очерков. Его гоняли и по репортерским заданиям. Он не отказывался. Корреспондентский билет открывал ему все двери. Он написал очерки о советских исправительных учреждениях, ездил в карете скорой помощи, сидел в школе на уроках, принимал участие в перелете нового пятимоторного самолета.

Раз от разу он писал все проще и проще. Охота за диковинными образами, ошеломляющими сравнениями прискучила ему. Он понял, что в конце концов все на свете похоже на что-нибудь — находить сравнения не представляет большого труда. Мир был полон совпадений, созвучий, сходств. Стоило лишь прислушаться внимательно и настроить себя на этот лад. И вот, лежа утром на колхозном сеновале, во время своих корреспондентских странствий, Карасик, играя созвучиями, слышал, как петух распевал свой «курикулум», лягушки кричат «кэкуок», воробей чирикает «Рейкъявик», «рококо» бормочет курица и баран вспоминает «Мекку». Это были скучные книжные, вычитанные ассоциации. Они начинали раздражать Карасика. Ему теперь казались отвратительными и безвкусными «игрища слов», в которых был таким специалистом его прежний приятель Димочка. У Жени появлялся настоящий вкус к словам. И слова стали открывать ему свой полный смысл, ничего не утаивая.

Работа газетчика, нервная и неблагодарная, сегодня требующая бешеного напряжения всех сил, а завтра, казалось, исчезающая бесследно, увлекала Карасика, хотя он проклинал бессонными ночами свою газетную судьбу, ссорился и хлопал дверьми, когда его очерки сокращались и уродовались в суматохе боевых ночей редакции, грызся с критиками на летучках¹⁴, но в душе он любил газету и только здесь чувствовал себя на месте, в своей тарелке.

На летучке аплодировали его задорным тирадам, посмеивались, но не старались особенно охладить пыл Карасика. «Невзрачен, но взрывчат», — говорили о Жене.

Однако после первых удачных лет Карасик почувствовал серьезные затруднения в работе. Он посещал заводы, рабочие клубы, подолгу беседовал с молодыми рабочими, работницами, комсомольцами, но всегда в самую душевную беседу проникал холодок интервью. Чутье Карасика подсказывало ему, что люди при нем держатся не так, как обычно. Все они начинали говорить неестественными, книжными фразами и старались выглядеть похожими на тех людей, которых они вычитали в очерках. В то же время это на самом деле были люди замечательных биографий, люди замечательного трудового примера, а Карасик, бывая среди них, с болью чувствовал, что он все-таки посторонний, свой, но не совсем. Это

¹⁴ Летучка — ежедневное короткое собрание работников редакции, на котором обсуждается вышедший номер и планируется очередная.

чувство было ему знакомо еще с того времени, когда он вел кружок в саратовском затоне.

— Я человек без биографии, — жаловался он товарищам. — У меня огромная личная заинтересованность в построении социализма, но решительно никакой биографии. Все эти люди, о которых я пытаюсь писать, они родные дети страны, они росли вместе с ней, их биография — это часть истории.

— Ерундите вы, — говорил ему редактор. — Что это значит — нет биографии? Это все старомодная интеллигентщина, дорогой мой. Не биография делает человека, а человек — биографию. С биографией рождаются только наследные принцы. Вы ведь не наследный принц?

— Нет, — смущенно смеялся Карасик.

— Я тоже так думаю, а то вот с такой биографией мы бы вас выкинули из редакции.

Однажды редактор вызвал к себе Карасика.

— Слушайте, Карасюк, — начал редактор, любивший шутивно переименовывать фамилии сотрудников, — как это вы на днях толковали, что ищите, мол, мужественный...

— Коллектив, — подсказал Карасик.

— Да, коллектив... Ну что же, я вам могу кое-что предложить. Вы плаваете?

— На воде держусь, — уклончиво ответил Карасик.

— Ну, держитесь, — сказал редактор. — Мы вас хотим направить спецкором в поход глассеров. Знаете, что такое глассер?.. Слышали? Ну так вот, послезавтра начинается большой испытательный пробег. Дело это очень интересное. А вам это будет полезно — вы какой-то нестройной все-таки...

Карасик слышал о глассере еще на физмате. Глассер — замечательное вездеходное судно с особым устройством плоского днища, позволяющим ему на ходу почти совершенно вылезать из воды. Глассер — новое слово в судостроении, машина огромной скорости, не страшная мелководья... Люди, вероятно, на глассере особенные.

Карасик с восторгом согласился.

Он много раз собирался начать новую жизнь: вставать рано, делать утреннюю зарядку, посещать каток, ходить на лыжах. Он назначал себе сроки, устанавливал точный день, когда откроет новую эру в своей биографии, но как раз в этот день назначалось какое-нибудь важное заседание или ему поручались спешные задания, и все планы шли прахом. Но на этот раз сама судьба благоприятствовала: редакция направляла его на искомый путь. Решено! Завтра начинается совсем иная, настоящая жизнь — жизнь с людьми мужественными и суровыми.

Ночью, накануне старта, он ехал домой в машине. День был каторжный. Фельетон его десять раз сокращали, ночью пришли какие-то срочные материалы. Фельетон гулял с полосы на полосу. Надо было его резать с мясом... А в самую последнюю минуту пришлось неожиданно дописывать несколько строк, так как весь макет номера полетел к черту и условия верстки требовали добавочных строк. Все в редакции сбилось с ног. На столах давно остыл недопитый чай. В окна уже смотрело залитое бледной голубиной рассветное небо.

Сонный Карасик ехал на машине рядом с шофером. Он любил эти поздние возвращения. В эти минуты, когда каждый сустав пел и гудел на свой манер от усталости, Карасику казалось, что и он является сейчас маленьким носителем огромной ответственности за мир и покой спящей страны. Ему было приятно, что он на дозоре, что он бодрствует вместе с постовыми милиционерами, стынущими на перекрестках; вместе с дворниками, вышедшими уже подметать улицы; вместе с ночными сменами на заводах; вместе с шофером Гришиным, который легко держал рулевую баранку в пяти сантиметрах от локтя Карасика.

Выехали на Красную площадь. Дремали пепельно-синие ели у стены Кремля; лицом друг к другу, неподвижно, словно сращенные с гранитом, стояли часовые у входа в Мавзолей. За зубцами Кремлевской стены горел медленным огнем флаг, подсвеченный снизу. Кричали галки над Александровским садом. Москва спала, спали миллионы наработавшихся за день людей.

А вот он, Карасик, бодрствовал. Когда они подъезжали к дому, совсем было светло.

Дворники начинали поливку. Бородачи в фартуках хлестали улицу длинными водяными бичами. Первый солнечный луч ударил из-за крыш, и теперь каждый дворник держал в руке по радуге.

Глава XVII СТАРТ

Карасик носил шляпу. Он носил ее с жестоким упорством и никогда не изменял ей, хотя шляпа весьма осложняла ему жизнь. Его часто принимали за иностранца. Мальчишки окружали его излишним вниманием. Куда бы ни шел Карасик, где бы он ни появлялся, все равно шепотом или вслух, в лицо ему или за спиной, произносилось: «Чемберлен... американец!.. Джентльмен... Чарли Чаплин...» Эти уличные прозвища страшно допекали Карасика. Он стал так мнителен, что ему всегда чудились за спиной эти шепотом произнесенные слова. В конце концов он привык к этому и переносил насмешки с грустной стойкостью. И сейчас, направляясь к месту старта, он знал заранее, что кто-нибудь да уж непременно ляпнет Чемберлена (или Чарли Чаплина) и испортит торжественные минуты.

Глиссеры стояли у пристани водной станции. В походе участвовали две машины. Это были сильные спортивные суда. Все у них стремилось вперед, все было скошено, зализано, подобрано.

Одна из машин была изящно отделана. Вся она словно только что соскользнула с цветной обложки технического журнала. Отливал красный лак, под которым струились прожилки благородного дерева. Играли на солнце медь и хромировка. Маленькая уютная каютка была отлично скомпонована с корпусом, Карасика сразу потянуло к этой элегантной машине.

Второй глиссер был проще. У него были строгие аскетические очертания — суровые линии рывка. Тут все предназначалось исключительно для движения. Все жило за свой счет. Не было ни каюты, ни мягких сидений. Все было наружу, все обнажено в своем машинном естестве, как на паровозе. Здесь, по-видимому, не помышляли об удобствах. Видно было, что этот глиссер готовится в поход, а не на прогулку.

«Этот повоенней», — подумал Карасик.

Пахло рекой, нагретой водой. Солнце калило сверху и, отражаясь в слепящей глади, жгло снизу. Карасик в шляпе, с чемоданом в руке, пробирался среди полуголых юношей и девушек. На дощатых мостках не просыхали мокрые следы купальщиков.

Карасик привык видеть все это издали, с трибуны стадиона, из-за барьера. А тут он сам, как-никак, был участником похода, законным обитателем этого чудесного, отраженного в воде и оттого дважды прекрасного мира.

Карасик ощутил необычайный прилив сил. Он воодушевился, расправил плечи. Ноздри его воинственно раздулись, вдыхая запах воды. Облака неслись над флагштоками станции. Казалось, что сама станция уже плывет куда-то. Ветер рвал полотнище транспаранта, мотая его из стороны в сторону, как щенок, вцепившийся в подол, и транспарант хлопал, подобно парусу на рее. Все это напомнило Карасику о предстоящем путешествии. Ожидание странствий, опасностей, приключений развеселило его. Вот она начинается — настоящая жизнь!

Участники похода стояли на плоту у машин. Большинство были в синих комбинезонах с вышитыми серебряными значками на груди. Белели верхи фуражек-капитанок. Из-под лакированных козырьков глядели смуглые лица с резкими и уверенными, точно размеченными, чертами. У матросов, летчиков, чекистов видел Карасик такие лица. Среди глиссерщиков Карасик заметил строгую ясноглазую девушку в авиационном шлеме. Тоненькая, подвижная, она легко прыгнула в нарядную машину. Карасик еще пуще приосанился. Надо было представиться, а он внезапно заробел. Вот сейчас кто-нибудь непременно крикнет: «Чарли Чаплин, Чемберлен, американец...» Однако делать было нечего. Да и хотелось как можно скорее сблизиться с этими людьми, скорее уж считаться

среди них своим. Глиссерщики стояли, картинно обнявшись, и принужденно улыбались.

— Здравствуйте, — сказал Карасик.

Но те и глазом не моргнули.

— Товарищ, вы мешаете, — услышал Карасик сзади. — Будьте добры, в сторонку.

И Карасик послушно отошел в сторону. Тут только он увидел позади себя несколько фоторепортеров. Они снимали группу участников.

Щелкнули затворы, и к смущенному Карасику подошел высокий человек. Лицо его показалось Карасику страшным. Нос его был перебит и расплюсчен. Растекшаяся переносица закрывала углы глаз.

— От газеты, да? — спросил высокий. — Очень приятно. Командор пробега — Баграш.

— Кар... — пробормотал Карасик, краснея от пяток до макушки. (Черт его знает, зачем он взял этот каркающий псевдоним!)

— Какой Кар? Евгений? — спросил Баграш.

Он внимательно оглядел Карасика и удовлетворенно отметил про себя, что на корреспонденте нет штанов-гольф, краг, круглых очков. Все это, по мнению Баграша, было неизменным признаком шелкоперов. Но редакция обещала командировать в поход Грохотова. Грохотов был парень здоровый. Поехал бы — мог сгодиться, а это... Ну и послали дохлика!

— Как же, читаем, читаем, — сказал он однако. — Очень приятно. Это вы недавно насчет воробьев писали?.. Что? Это Кольцов? Возможно, возможно... Значит, вы с нами, а не Грохотов?

Он еще раз внимательно оглядел Карасика и вздохнул. Мозгляк...

— Шляпу придется оставить, — сказал он грубовато.

— А я ее в чемодан, — поспешно сказал Карасик.

— И чемодан тоже, — сказал Баграш, прикинув на руке багаж Карасика. — Для нас каждый килограмм — обуза.

— Так выходит — я шестьдесят три килограмма обузы?

— А вы как думаете? — сказал не очень любезно командор, но, решив исправить неловкость, смягчился и добавил: — Ну, вы, так сказать, полезная нагрузка. Так? Ну, вот познакомьтесь. Это наша, так сказать, центровая тройка, а в жизни техники, механики, вообще ребята хоть куда. Вот прошу...

Карасик сжимал одну за другой горячие шершавые ладони, стесняясь, как всегда, своих белых и мягких рук. Он старался стискивать как можно крепче. Но вдруг почувствовал в своей руке такую тонкую нежную кисть, что невольно ослабил пожатие и поднял глаза. Девушка смотрела на него ободряюще, очень славная девушка.

— Это наша конструкторша, Валежная Анастасия Петровна, — представил ее Баграш. — Наша Настя. Она на том, американском глиссере идет. Там каютка есть... Да и спокойнее на том, — добавил вполголоса Баграш, когда они с Карасиком отошли в сторону, — безопаснее, а то ведь наша — экспериментальная машина, мало ли что... Вы, кстати, как, плаваете?

— На воде держусь... — глядя в сторону, пробормотал Карасик.

— Хорошо, если есть, за что держаться, — сказал Баграш. — Ну ладно, вон там пояс лежит в носу. Вот за него и будете держаться, если перекинемся. Так?

Карасик вздохнул, посмотрел на красивую, сверкающую машину и направился к утлону, неприветливому глиссеру.

— Ты не гляди, что тот с виду покрасивше, — горячо и слегка заикаясь, сказал толстый парень со смешливой веснушчатой физиономией. — Отделка у них, это верно, шиказная, зато перетяжелена машина. Поглядишь вот, наплачутся на перекатах, как чай пить дать. А у нашей, знаешь, осадка!.. Восемь сантиметров — кругом проходимость имеет. В чайном блюдечке пройдет — дна не чиркнет! Вот только вы там напишите, что жеклеры ¹⁵

¹⁵ Жеклер — одна из деталей мотора.

администрация хорошие не дает, а мотор сношенный.

— Фома! — деловито позвал его хмурый механик.

— Чего? — откликнулся Фома.

— Опять?

— Чего опять?

— Опять заливаешь? — сказал хмурый.

Все засмеялись. Фома с сердцем плюнул.

— Ну, устраивайтесь, — радушно сказал Баграш. — Ехать будете вот тут... — И он весело указал на ребристую алюминиевую скамью. — Бухвостов, подложи под товарища кошму, а то, знаете, гофра... она весь зад исполосует. А подушки мы кожаные сняли — лишний вес, баловство.

— А каюты нет?

— На кой она нужна...

— А если дождь? — спросил Карасик и тут же пожалел — не надо было спрашивать.

— Если дождика бояться, — сказал угрюмый механик, — тогда, чтобы сверху не промокнуть, надо в воду по шею лезть...

У машины сгрудились провожающие. Толкались под локтями мальчишки.

Вдруг все расступились.

— Здравствуйте, здравствуйте!.. — послышалось со всех сторон.

В сопровождении дамы, занимавшей много места, и белокурой смазливой девицы подошел человек в светлой щегольской панаме и кремовом костюме, с дорогой тростью. Он приподнял шляпу, приветственно помахал ею. Седые волосы его подчеркивали румяный загар веселого лица. Глаза были живые и хитрые. Человек, видно, знал себе цену. С юношеской легкостью он спрыгнул в машину.

— Арди, ты выпачкаешься весь! — воскликнула дама.

— Это технический директор наш, — шепотом пояснил Карасику Фома, толстый белобрысый парень в комбинезоне. — Профессор Токарцев, знаменитый. А это его семейство.

Профессор потрогал рулевую баранку глссера, поднял стлань, посмотрел, нет ли воды, сел на корточки, заглянул в носовую часть, просунув туда руку, вылез с побагровевшим от натуги лицом.

— Пробные ездки были сегодня?.. — спросил он. — Ну как, не зарывается теперь?

— Нет, теперь, как бачок переставили, скулы выправили, он так и прет на редан... Да и центровка теперь иная.

— Я говорил на канале еще. Все дело в обводах. Мидель немножко перехватили все-таки. Что?

Карасик, как непосвященный, с благоговением вслушивался во все эти реданы, скулы, обводы... Ничего, ничего, к вечеру он тоже все это будет знать.

— Надо журнал завести и чтобы точно все было. Хорошо прикинуть расход горючего, — сказал профессор.

— Журнал у нас поведет по специальности товарищ корреспондент.

— А! — сказал профессор и весело потрянул руку Карасику.

Карасика познакомили с семейством. Профессорша очень милостиво улыбнулась журналисту, дочка подарила Карасику благосклонный взгляд и сказала, протянув руку:

— Лада. А мы о вас много слышали. Нам про вас рассказывал ваш друг Димочка Шнейс.

— О, Димочка! — сказала профессорша. — Он у нас в доме совсем как свой. Ужасный шалопай, не правда ли? Но блестящий человек.

— Да, — сказал Карасик.

— Ну, с богом, ни пуха ни пера, — сказал профессор. — Только не резаться. Прошу

вас... Что? Впрочем, проси вас не проси, все равно будете гнаться.

— Экипаж по местам, машины на старт! — раздался откуда-то сверху безличный и пресный голос мегафона, голос, никому не принадлежащий, но всех касающийся, вещий, как сама судьба.

Загремел оркестр, глассерщики попрыгали в машины. Они снимали кепки и надевали шлемы. Стартер поднял свой флаг. Вот она, торжественная минута старта.

Карасик поспешно выгребал из чемодана все самое необходимое и запихивал вещи в принесенный кем-то берестяной баульчик, напомнивший ему детский ботанический короб.

Ужасно унижительно было при всех ворошить свое белье, вытаскивать галстуки, подтяжки.

— Товарищ корреспондент, займите место.

— Есть занять место! — браво ответил Карасик... и, оступившись, свалился в воду, так как освобожденная от пут машина слегка отплыла и между ней и мостками образовался просвет, полный воды.

— Корреспондент за бортом! — закричал кто-то.

— Стоп, отставить! — приказал Баграш.

Все бросились к плоту.

Карасик барахтался и ухватился за борт. Толстый белобрысый глассерщик, которого звали Фомой, легко втащил его на машину. С Карасика текло и капало. Все смеялись.

— Шляпа! — закричал чей-то женский голос.

Шляпа Карасика, покачиваясь, плыла вдоль плота. Кто-то выловил ее и подал Карасику. Тот машинально надел ее, мокрую, и тотчас сдернул. Но было поздно...

— Чарли Чаплин! — закричали мальчишки сверху.

Карасик готов был разорвать себя на части. Тут он увидел Настю Валежную. Она стояла на нарядной американской машине и, вытянув подбородок, с любопытством глядела на Карасика. Карасик видел, что она кусает губы, чтобы не рассмеяться. Потом вдруг она закрыла лицо руками и присела за каюту. Она понимала, что нельзя смеяться, что сию же минуту надо сделаться серьезной, но ничего не могла поделать с собой.

— Ну ничего, на воде дйржитесь, — сердито сказал Баграш. — Идите, быстренько переоденьтесь и больше таких номеров не отрывайте.

Карасик сбегал в раздевалку, напялил на себя все чужое и, путаясь в длинных штанах, завернув рукава непомерно огромного пиджака, снова появился на мостках.

Все пошло к черту. И как это его угораздило плюхнуться? «Ах, будь я проклят, шляпа несчастная!» — ругал себя Карасик.

Все смотрели на него, улыбались и почему-то отворачивались. Только мрачный механик Бухвостов с завода Гидраэр смотрел на него ненавидящими и презрительными глазами.

Нахлобучив на голову шлем с очками, Карасик в отчаянии влез на свое место.

— Ну, сели? — оглядываясь, спросил Баграш и взялся за пусковую рукоятку стартера. — От вин-та!

Командующий стартом поднял флаг:

— Стартует глассер Гидраэра!

Стало тихо, так тихо, что Карасик слышал, как прежний мальчишка сказал сверху:

— Гарри Пиль!

— Эй, вы! — закричал вдруг сверху шикарно одетый молодчик, с нагловатым лицом, с подбритыми под бокс висками. — Вы зря большой-то чемодан не берете! Куда голы складывать будете?

Тут наступила очередь смущаться всем глассерщикам. Все они делали вид, что не слышат насмешливого голоса, что все это вообще не к ним относится.

— Они сухую везут, думают — на воде размочат! — опять закричали сверху.

Все это было непонятно Карасику. Он не знал, что футбольная команда гидраэровцев недавно отчаянно проиграла магнетовцам, вбившим глассерщикам три сухих, то есть

совершенно неотыгранных мяча.

— Максим Осьпич, — умоляюще зашептал механик, — запусти ты скорее!

На глассере шел традиционный разговор моторного старта:

— Выключен?

— Выключен.

— Контакт?

— Есть контакт...

Грохот, рев, рывок вперед. Мотор, вода и воздух взбеленились. Откинутая в пену и брызги, ушла пристань в мельканье рук, платков, шляп. Там остался позор Карасика, все там осталось. Начался поход. Началась новая, настоящая жизнь.

Баграш повернул рычаг:

— Полный газ!

Позади вскинулся белый смерч.

— Скорость семьдесят. Старт взят!

Глава XVIII НА РЕДАН!

— На редан вышел! — кричит сквозь оглушительный скрежет мотора Бухвостов.

На редан — значит машина касается воды лишь в двух местах: уступом днища и кормой. Все остальное в воздухе. Баграш наклоняется над бортом, опускает руку, подводит ее под днище. Потом он показывает руку Карасику — рука сухая. Машина вышла на редан.

— На редан, на редан! — Карасик сам вышел на редан. Он поет какую-то чушь: — Как сказал Шеридан, сам я вышел на редан.

Никто не слышит. Мотор ревет. Вкусный воздух рвется в легкие.

— Видали, как прет? — орет ему в ухо Баграш. — Здрово!.. А «американец»? Красота!..

Пронесясь под гулким решетчатым сумраком Крымского моста, они прогремели по водоотводному каналу и через шлюз у островка снова вылетели на реку. После тесной канавы река показалась просторной и светлой.

Баграш газанул. Ревущий скрежет мотора оглушил Карасика. Река зеркально гладка, как студень. Карасику мнится, будто он ощущает упругое натяжение этой сверкающей плевры. Рой маленьких радуг сопровождает их. Сзади бежит хрустальный столбик взвинченной воды.

Редан высекает из воды искрящиеся выгнутые струи. Два широких водяных крыла. У борта, где сидит Карасик, солнце подсвечивает струю снизу, и хрустальное крыло становится лазоревым, как у сизоворонки.

Ленивое утро выходного дня лежит на берегу. Взволнованная собачонка со всех ног улепетывает по песку. Чайка тяжело пытается уйти от настигающего глассера. Она висит в воздухе на неподвижных крыльях, ветер сносит ее, и она сползает, скользит по невидимому откосу.

— Хорошо! — кричит во все горло Баграш.

— Хорошо! — орет Карасик.

— А они злы на меня, как собаки!.. — кричит Баграш и подмигивает на сидящих сзади Фому и Бухвостова.

— За что?!

— Вы им не говорите!.. Это я нарочно Настю на «американца» посадил. Теперь наши не отстанут, расшибутся, но не отстанут! И гначки не будет, а то бы непременно гоняться стали. Я их как облупленных знаю.

Так они секретничают во все горло, надсаживая глотки. Но гром мотора плотно законопатил уши и заложил все щели вокруг.

— Они славные! — орет опять Баграш. — Узнаете поближе... Ребята отличные.

Культуры бы им набратся только. Не хватает иногда. Вот вы с нами свяжитесь крепче... Люди нам нужны до смерти, да и вам полезно будет! Верно?

Карасик что есть силы мотает утверждающе головой.

— Конечно, — слышит он сквозь неистовство мотора, — а то вы немножко, заметно, небоевитый какой-то...

Но тут в реве мотора происходит какая-то заминка. Мотор дает перебои. Карасик бы ничего не заметил, но у Баграша приподнимается с одной стороны клапан шлема, как ухо у умного пса. Водитель вслушивается в путаницу ревов и тресков. Карасик смотрит на него. Водитель очень худ и мускулист. Типичный человек машинных скоростей, человек точной жизни, где части плотно пригнаны одна к другой. Лицо грубоватое, расплющенный нос уродует его. Но глаза хороши — зоркие, развеселые глаза лоцмана и хорошего товарища. У него цепкие, длинные руки. И по тому, как ведет он машину, как, не глядя, тянется к нужной рукоятке, видно, что человек любит свое дело и знает его до конца.

Фома, перегнувшись через сиденье, что-то кричит под самый шлем водителю. Баграш вслепую спокойно берется за рычажок. Грохот сразу резко спадает, машина делает кивок и, козырнув, как змей, зарывается носом в воду. Глиссер подруливает к берегу. Лопасты винта два раза рубанули воздух и сразу стали неподвижными. Мотор смолк. И Карасику сперва кажется, что он оглох, Мир невероятно тих. Потом возникает звон в усталых ушах, и до слуха Карасика начинают пробиваться шумы оседлой жизни, лай собак и скрип телеги. Он разбирает уже голоса переругивающихся между собой гидразовцев.

— Жеклеры? — спрашивает Баграш.

— Это тоже надо отметить, — говорит Бухвостов. — Масло какое дали!

Жеклеры промывают в керосине. Все снова усаживаются в машину, запускают мотор — и снова грохот, скольжение, воздух, рвущий ноздри. Карасика смущает нос Баграша. Он старается не смотреть на этот изъян в физиономии командора, но глаза, как нарочно, так и косят сами, куда не надо. Баграш, очевидно, заметил в конце концов это.

— Отметиной моей интересуетесь? Капот! — кричит Баграш, показывая на свой нос.

— Капут? — переспрашивает Карасик.

— Действительно, мог капут, а вышел капот... — Но тут Баграш опять насторожился: — Слышите, барахлит?

Опять надо останавливаться, снова лезть в мотор, мазаться, утирать тыльной стороной руки и сгибом локтя пот со лба — руки в масле. И каждый раз Карасик боится, что мотор вдруг возьмет да и не заведется. Они так и не пойдут дальше. В нем еще живет смутное неверие. Ему кажется, что должно что-нибудь случиться: один раз завелся, а другой раз возьмет да и нет. Его поражает спокойствие гидразовцев, их ангельское терпение.

— Вот проклятый! — говорит он, чтобы посочувствовать.

— Мотор не виноват, — убежденно говорит Бухвостов. — Масло паршивое, а мотор — будьте покойны.

Глиссерщики относятся к неполадкам мотора как к капризам ребенка. Если все в порядке, мотор должен работать. Надо найти, в чем дело. Безропотный Фома в десятый раз сегодня лезет в мотор, копается там, отвинчивает, продувает. Карасику неловко сидеть без дела. Он предлагает помощь. В его голосе слышится такая мольба, что ему дают промыть свечу. Карасик счастлив. Чумазый, заляпанный — рукава засучены до локтя — он утирает взмокший лоб великолепным жестом, подняв локоть.

«Машина — великий коллективизатор, — заносит он в блокнот для своего первого очерка, — она спланирует, Прошли первый километр нашего знаменитого пути, и все мы четверо уже одно целое, люди одной машины и единого движения».

Они проходят через шлюзы. Карасику доверяют багор, он неумело отпихивается от наседающих на машину осклизлых берегов. При этом приходится стоять на борту, не держась, а это, конечно, дело нелегкое. Но Карасик готов снести что угодно. К вечеру Карасик знает уже решительно все. Со вкусом, надо и не надо, произносит он новые, узнанные за этот день слова и беспрестанно уснащает свою речь столь приятными на слух

выражениями, как редан, обводы, жеклер, топливо.

— Не топливо, а горючее, — поправляет его сердито Бухвостов.

На стоянке Карасик, между прочим, узнает, что Максим Баграш, Николай Бухвостов и Фома Русёлкин не только глассерщики, но и первоклассные футболисты, центровая тройка нападения команды Гидраэра. Карасику втолковывают, что это команда классная и только происки врагов задвигают ее в группу «Б». А по игре ей давно место в группе «А». Правда, тут недавно пришлось проиграть магнетовцам.

— Судья, скот, подыгрывал! — сказал Фома так убежденно, что нельзя было ему не поверить. — Два гола неправильные, а один так, дуриком.

— И состав не полный, — сказал Баграш.

— Вообще случайность и чистое невезение, — добавил Бухвостов.

— Первый мяч — офсайд¹⁶ чистейший, даже публика и то свистела.

— А так мы их, как мальчиков! — вошел в раж Фома.

— Опять? — спросил Бухвостов иронически.

— Чего опять?

— Опять заливаешь?

Карасик чувствует, что ему уже немножко неприятно: почему это гидраэровцы проиграли магнетовцам? Было бы лучше, если бы они выиграли. Он чувствует искреннюю ненависть к судьбе, который неправильно судил матч. О футболе говорят много и ожесточенно. Потом начинают таким же тоном, с таким же увлечением спорить о достоинствах глассера Гидраэра. Оказывается, это совершенно непобедимая машина и может идти черт знает как быстро. Карасику непонятно лишь, почему в походе глассер Гидраэра все время немножко отстает от нарядного «американца».

— Станный вопрос! — говорит Бухвостов. — У них какая отделка!

— Скольжение иное, — поясняет Баграш.

— А мы водовозы! — горячится Фома.

— Это верно, — говорит Баграш, — воды с собой много тащим. Отделка не только для красоты важна. Тут вопрос скольжения.

— А по проходимости мы им сто очков дадим! — говорит Фома и сам смотрит на Бухвостова.

— Опять? — говорит Бухвостов.

Фома машет рукой.

Жеклеры, свечи — все промыто. И более частные сведения доходят до Карасика уже на полном ходу, обрывками пробиваясь сквозь дрожкий, вибрирующий скрежет. Маленький флажок Осоавиахима фамильярно и больно хлопает Карасика по макушке. Пространство впереди распахивается. Глассер несется на грани двух стихий. На ходу он весь принадлежит воздуху, лишь легонько касаясь воды. Он скользит по реке, слегка ссаживаясь налево и направо. Он бежит, как капля по раскаленной сковородке. Река извилиста — берега то раздвигаются вширь, то сдвигаются. Глассер молниеносно огибает один из поворотов, и вдруг все видят, что в нескольких метрах перед машиной неожиданный паром поднимает из воды протянутый через реку трос. Стальной жгут уже начинает рисоваться над поверхностью воды, испарывая ее. С него капает. Гидраэр полным ходом несется прямо на трос. Остановиться уже невыносимо.

У всех четверых в то мгновение одна и та же мысль, сверкнувшая, как занесенный топор: сейчас наскочим, разобьемся, или трос срежет всем...

— Головы!!! — кричит Баграш и порывисто до отказа нажимает рычаг.

Взревев, глассер, совсем почти отделившись от воды, проносится над тросом. Что-то взвизгнуло под ногами, и машина уже далеко оставила за собой паром, где, сбившись у

¹⁶ Офсайд (англ.) — положение «вне игры», оказавшись в котором, футболист не имеет права принимать участия в борьбе.

борта, кричат что-то и машут руками перепуганные люди. Баграш слегка сбавляет газ.

— Без пяти минут гроб был!.. — кричит он и снимает левой рукой шлем. Лоб у него совершенно мокрый. — Запишите: машина легко прошла над тросом, совершив прыжок в два — два с половиной метра по горизонтали.

Карасик записывает. Славная, хорошая машина, ни одно другое судно не могло бы проделать это!

Потом опять шлюз. Сруб в тине, сырой, осклизлый. Машина медленно опускается вниз, в колодезный сумрак шлюза, потом торжественно, как театральные занавесы, раскрываются ворота. Видна река. Гидразовцы торопятся выйти на простор. Мотор включили, и глиссер мчится на берег. Кто-то сует наспех в руки Карасика багор. Карасик что есть силы отталкивает машину от свай. Теперь занесло корму с мотором. Бухвостов вырывает багор. Он пытается отстоять корму, он высаживает багор в сруб, как гарпун. «Тра-рах!..» — багор в щепки. Глиссер с ходу ударяется о сваи. Резкий треск. Взлетели над головой осколки пропеллера и щепки свай. Карасик зажмуривается. Ему кажется, что он, именно он, виноват во всем.

В наступившей тишине Баграш спокойно говорит:

— Кончили винт.

Но оказывается, на машине есть запасной пропеллер. Он уложен вдоль днища. Утопая по колени в густой тине, глиссер выводят на открытую реку. Молча меняют винт, Карасик не решается предложить свою помощь.

— Запишите, — говорит Баграш: — на смену винта ушло двадцать восемь минут.

Уже темно. Мотор включен. Грохот, мрак и мчанье, Баграш слегка сдерживает ход. Фома просит прибавить.

— Газаните, Максим Осипович, — умоляет он, — газаните!

Он зудит над самым ухом водителя, как муха.

— Убью я тебя, Фомочка, — ласково говорит Баграш. — Напоремся в темноте — убью я тебя!

Но Карасик видит, как украдкой он двигает рычажок на одно деление. Рев усиливается. Что-то светлеет впереди. Машина, задрожав на всем ходу, проносится над отмелью. Песчаная коса подсекла машину под днище. Но глиссер неуязвим. Мотор окружен грохочущим, пылающим в темноте венчиком выхлопов. Машина ввинчивается в черный массив ночи.

Так ездят на глиссере.

Глава XIX ПЕРВЫЙ УРОК

Хороша картошка с золой и дымом, копченый чай, отзывающий селедкой!.. Глиссерщики сидят у костра. На черной воде покачивается глиссер. Мотор накрыт брезентом. За день все устали, но, прежде чем разводить костер, Фома, Баграш, Бухвостов долго и бережно укрывали мотор. Сейчас, сев кружком, достают из золы горячие клубни, перекладывая их с руки на руку. Едят так быстро, что Карасику мало что достается.

— Вы не зевайте, — говорит Баграш.

Распределяют вахты. Первая — Карасика. Ужасно хочется спать. Карасик таращит слипающиеся глаза. Три глиссерщика спят как убитые. Время Карасика давно истекло. Но ему жаль будить своего подменного — Фому. Тот смачно посапывает, уткнувшись головой в кошму сиденья. Карасик поеживается. Ночная сырость заползает ему за воротник. Вдруг он видит, что Бухвостов сел и смотрит на него, что-то медленно соображая.

— Который час? — спрашивает он.

— Три без четверти.

— А Фома что?

— Ничего, пускай поспит.

— Это вы бросьте! — говорит Бухвостов. — У нас это не полагается. Напишите потом с недосыпу ерунду какую-нибудь.

И он начинает трясти Фому так жестоко, что тот мигом очухивается.

Утром все купаются. Гидраэровцы с шумом бросаются в воду, плавают, кувыркаются, хлопают себя по плечам, по животу, по груди.

— А-а... хорош-шо!..

Они вылезают из воды. Тела их осыпаны радужными каплями.

— А вы что же не окунетесь? — спрашивает Баграш Карасика.

Этого Карасик боялся больше всего. Он всегда старался быть застегнутым, носил пиджак, покррой которого скрывал его немощность. Но тут делать нечего. Он извлекает из куртки и из штанов свое тело, которое ему кажется до неприличия белым по сравнению с шафрановыми фигурами гидраэровцев. Ежась, он аккуратно макает свои невзрачные стати в воду. Вода довольно холодная. Карасик делает усилие и, бултыхнувшись, влезает поглубже.

— Вид у меня... — говорит он виновато.

— Подправиться вам следует, — говорит Баграш. В голосе его нет насмешки. — На солнце побольше, спортом занимайтесь, это все дело наживное. Кость имеется.

Между тем Фома и Бухвостов, голые, бегают по песку. Фома идет вприсядку, выворачивая босыми пятками песок. Бухвостов сделал стойку и пошел на руках. Солнце всходит с реки. День будет чудесный.

— Постучим? — говорит Фома.

— Пошли, — отвечает Бухвостов.

Откуда-то, из-под сиденья, вытаскивается футбольный мяч.

— Ах, сукины дети, — говорит Баграш, — захватили-таки! Давайте сюда, принимайте!.. Раз! — кричит он Карасику.

Мяч, как болид, пронесся над самым ухом. Карасик слышал легкий шорох, с которым мяч рассекал воздух, и невольно отпрянул в сторону.

— Главное, мяча не бояться, — сказал Фома.

— Мяча бояться — ничего не выйдет, — подтвердил Бухвостов, нацеливаясь с другого боку.

И Карасик с размаху сел на песок, с гудящей головой, от которой отскочил твердый, как чугунное ядро, мяч.

— Вот так, — удовлетворенно заметил Фома, — хорошо! Головой приняли.

Они воткнули два прутика, отчеркнули ворота на песке.

— Только не больше пяти минут, — предупредил Баграш. — Начали!

— Есть!

— Принял...

— Подача...

— Сильно!..

И мяч, понукаемый этими короткими возгласами, резво заходил от ноги к ноге.

— Беру!

— Перевод.

— Даю...

— Пас!

— Сади!

— Гол?

— Там!

— Сидит!..

Стиснув зубы, Карасик лягнул катящийся на него мяч.

— Хорошо! — сказал Баграш. — Первое дело — мяча не трусить.

Карасик, подбодренный, бросился грудью на мяч и получил удар под ложечку. Он сел на песок задохнувшись. Он вдруг разучился дышать, потом вспомнил, как это делается, и втянул воздух широко открытым ртом.

— Кончили, кончили! — кричал Баграш.

Но гидразовцы разыгрались и гоняли мяч. Тогда Баграш вынул маленькую судейскую сирену и свистнул. Звук этот вмиг отрезвил глассерщиков. Фома поймал мяч, сдул с него песок. Бухвостов взял за брезент, которым укрыли мотор.

— Выключен?

— Выключен.

— Контакт?

— Есть контакт...

Машина рванулась, толкнула воду, потом выдрала нос и начала свой скользящий бег. И пошла колесом вода с боков. Понеслись справа, слева берега.

Глава XX «ЛЕРМОНТОВ»

С реки идет прогретый ветерок. Волга отдает накопленное за день тепло. Зеленая звезда бросила прерывистую дорожку поперек реки. У острова горит багровый огонек бакена и шевелит в воде хвостиком отражения. Вода тихонько чмокает берег и поблескивает, как станиоль¹⁷. А у того берега все черно и тихо. Только иногда продернется вдруг серебряная нить и оборвется, словно струна беззвучно лопнула.

Где-то далеко, на коренной, гулко бьет колесами о воду тяжелый буксир. По зеркальной целине плывет ноющее гудение тяги в топках и доносится глухое биение, будто кровь стучит в ушах.

— Э-э-эй!.. На плоту-у...

— Ого-о-о?

— Ло-от поднимай...

— Ладно-оть...

Ночь тычется в лицо и ладони, теплая, шершавая, влажная, как губы жеребенка. Кандидов сидит на причальной тумбе. Он вяло тренькает на балалайке и ловко во время паузы подбрасывает в рот подсолнухи. Потник валяется вместе с рукавицами на палубе. Плывет мимо вода, огромная, нескончаемая. Антон вдыхает во всю грудь сыроватый воздух надволжья и чуть не захлебывается. До чего ж хорошо! Плакать хочется или заорать во всю глотку, чтобы спало это томительное оцепенение! И внезапно, расправив плечи, Антон орет:

— Ого-го-го!.. Кан-ди-до-ов Ан-то-о-он!..

— О-он!.. — далеко отзывается эхо.

Просыпается дед-водолив. Он чешет кадык, зевает, утирая рот бородой.

— Что ты народ тревожишь, оглашенный?

Кандидов смолкает. Ему неловко, что он забылся. В такие вечера он сам не свой. Опять просыпается в нем и начинает баламутить с бешеной силой жажда какой-то необыкновенной жизни, а пора бы уже уgomониться.

В комнате для пассажиров мирно похрапывают люди. Они лежат вповалку, на скамьях, на полу.

Они ждут парохода, и у каждого есть свое направление в жизни, лишь бы билет достать.

Мерцают топовые и сторожевые огни на мачтах. Антон плюет в воду, полную звезд. Вода у пристани течет воронками, маленький водоворотик уносит плевков.

— Сегодня сверху какой идет? — спрашивает он водолива.

— «Пушкин» сегодня.

— «Пушкин», — повторяет Антон. — Вот знаменитый был человек! Поэт... Сколько с тех пор навигаций прошло, а фамилия все гудит! И ведь при каких условиях жил, притесняли

¹⁷ Станиоль — тончайший лист олова или свинца.

как! А выбился все-таки, как-никак. А теперь, возьмем, я — все дурак дураком.

— Тебе грех жаловаться. Тебе фарватер кругом свободный. На большой реке живем, воды хватает. Плыви, пожалуйста, куда требуется. Ты бы учиться шел. Вон Петька Косой старшим помощником на «Льве Толстом», Сережка — летчик. Я вот и то из бакенщиков в водоливы произведен.

— А я все никак себя доказать не могу. Был Кандидов, и есть Кандидов. Тошка Кандидов, и всё. А кто такой Кандидов? Чего такое Кандидов? Зачем ему вообще фамилия дадена — неизвестно. Канди-до-о-ов! — орет во все горло Антон. — До того берега еле дойдет.

Он спрыгнул с причала и направился к куче арбузов. Водолив молчит: он знает — сейчас этот оглашенный загубит один арбуз. Бог с ним — раз тоска у человека, можно один арбуз и сгубить.

— Грешишь, тамада, — говорит он все-таки, — с жиру бесишься. Да тебя ж по всей Волге знают!

— Э, что там знают! — отмахивается Антон и выбирает арбуз.

С арбузом под мышкой он возвращается обратно. Забирается опять на тумбу, вынимает складной нож. Шлепает холодный шар. Щелкает пальцем. Арбуз отзывается добрым звоном. Он спел, налит соками. Антон сжимает его, поднося к уху. Слышится легкий хруст. Пристроив арбуз на колени, Антон старательно выцарапывает на гладкой корке: Антон Кандидов. Он подходит к фонарю, любуется на свою работу и, размахнувшись, швыряет арбуз в Волгу.

— Плыви, друг, на низ! Пускай знают — есть, мол, на Среднем плесе такой Антон Кандидов... существует.

— Тамада, не балуй! — говорит водолив, привыкший к чудачествам Антона. — Что ты в конце концов мальчика строишь!

Великолепный бас профундо большого парохода... Гудок повис над рекой и заглох потом, как будто взяли аккорд на органе.

— Низовой почтовый подходит, — говорит водолив.

Антон не спрашивает, какой пароход идет снизу. Это его пароход. Сегодня проходит «Лермонтов», тот самый, на мостик которого он взбегал ночью восемнадцатого года с наганами в каждой руке. А теперь этот пароход ходит от Нижнего до Астрахани, ходит нарядный, везет веселых пассажиров. И никто из них не знает, что на маленькой пристани ждет грузчик Антон Кандидов, красный волгарь, завоеватель парохода.

Уже видны отличительные огни — изумрудно-зеленый и раскаленно-красный. Сотрясая звездные миры, пароход дает подходный. Гудок медленно оседает, и окрестности долго истолковывают его так и этак.

Вот уже дали свет на верхней палубе. Пароход подваливает — огромный, ослепительный, он начисто заслоняет собой ночь. Колеса работают то вперед, то назад. Борты пристани и парохода сближаются. Между бортами хлопочет, всплескивает бестолочь воды. Скрипят кранцы. И все на пристани приосанилось, преобразилось. Темнота сбежала и стоит за мостками на берегу. И водолив уже не вялый непроспавшийся дед, а расторопный заведующий пристанью.

Старпом, блестя пуговицами, сбегает на пристань:

— Выгрузка сорок восемь мест. Есть что грузить?

У касс толпятся пассажиры. Начинается посадка. Гремя чайниками, волоча по трапу тяжелые мешки, пассажиры перебираются на пароход.

Застенчивый человек в легком подплатии провожает дочку. Девочке лет тринадцать. На ней пуховый платок, завязанный крест-накрест на спине. Девочка ушла на пароход, а отец все втолковывает ей, перегибаясь через перила:

— Так ты, Нюша, маме твоей и передашь — хорошо, мол, устроился, слава богу, и приглашает опять, мол, к себе. Поняла?

— Поняла... — ворчливо отвечает Нюша.

— Не забудешь?
— Да не забуду же!..
— И не пьет, скажи, в рот не берет, ни боже мой! Сегодня не в счет... Гостинец не потеряла?
— Давай, давай на погрузку, — раздается с мостка женский голос, глубокий и низкий. — Поживей там на пристани. Хочу в Вольск вовремя прийти.
На пристань сходит с парохода маленькая коренастая женщина в форменном кителе и фуражке.
— Кандидов есть?
— Есть, товарищ капитан.
Подбегает Антон.
— Здорово, тамада! А ну, давай по-кандидовски, раз-два...
— По-о-озволь! — кричит Кандидов.
Скрипят мостки. Идет погрузка. Ритмически прыскает помпа на пароходе.
— А я тебе книжки сменить привезла. Успеваешь? — говорит капитан подбегающему Кандидову. — Прочитал?
— Ясное дело... По-о-о-зволь!
— Ваня, дай ему книжки! У меня там отложены, — кричит вверх энергичная водительница «Лермонтова».
Муж капитанши, учитель в пенсне, проводящий на пароходе каникулы, приносит книжки.
— Вот списочек, — кричит Антон, пробегая с кладью на спине. — По-о-озволь!..
— Ньюша, — не унимается провожающий, — ты где?.. Граждане, извиняюсь, там девочка такая едет, Ньюша. Позовите ее...
Хмурая Ньюша выходит на нижнюю палубу парохода.
— Ньюша, ты не забудешь? Ты скажи — папа на низ работать нанялся. Насчет одежды, обуви пусть не сомневается.
Третий гудок и два коротких отрывистых, чтобы скинули чалки.
— Тих-ай!
Шипит пар. Под кожухом пришли в движение большие многолопастные колеса.
— Тамада, поступай ко мне помощником по грузовой части! — кричит с мостка веселая капитанша. — Судно тебе известное.
Черный раскол встает между пристанью и пароходом. За колесом пошла вода. Белая пена, завиваясь кругами, закипела позади.
— Ньюша, ты так, стало быть, и скажи — папа прокормит, мол, скажи.
— Да ну тебя, уже сто раз сказал! — буркнула девочка с парохода.
— Вот, — закричал в ночь провожающий, — а если она, мама твоя, значит, не согласна... тогда скажи... папа говорит... — И он заплакал.
Пароход унес в ночь свои огни и шум. И тотчас ночь заняла свое место у пристани, вернула тишину, утихомирила воду, пролегла черными мерцающими далями.
Кандидов сбросил рукавицы и скинул потник. Он собрал книги и пошел спать.
У берега качнулась, заплюхала об воду лодка, подошли и побежали вдоль берега валы от разворачивающегося «Лермонтова».

Глава XXI

ГИДРАЗРОВЦЫ

Пока дошли до Горького, Карасик успел близко сойтись с ребятами из Гидраэра. С Баграшом и Фомой он сблизился очень быстро. Как-то на стоянке у Муромы Баграш разговорился, и Карасик узнал, что водитель глиссера был когда-то одним из первых русских летчиков.

— Летали мы на этажерках тогда. Форменные этажерки, — говорил Баграш. — Летишь

на такой ширмочке. Ветер треплет матерчатую перепонку на деревянных ребрышках, а между собственными ногами землю видишь. Летишь себе, машина козыряет, валится, руками за стойки хватаешься, а на земле инструктор отвернулся, руками за голову хватается и спрашивает у окружающих: «Ну, как? Гробанулся уже или падает еще?» А нос это у меня в 1919 году на Западном фронте. Совсем я еще тогда был мальчишкой. Перебило мне пулей бензинопровод. До своих я кое-как дотянул, а у земли мотор отказал. Я и вмазал в канаву. За боевую операцию — орден, а за капот — вот это украшение на всю жизнь. И после этого... стал как-то летать не совсем точно, не то, что вылетался, но так как-то уверенность ушла. — Он угрюмо отвернулся. — Ну, глиссер тоже дела отличное. На торпедных катерах не приходилось вам? Тоже ведь принцип глиссера.

— А в воздух не тянет? — спросил Карасик, в котором любопытство журналиста пересилило деликатность.

— Смешно спрашивать! — сказал Баграш и отошел в сторону.

От Фомы Карасик узнал, что хотя Баграш замечательный знаток глиссеров и все свои силы, все свое время, все свои знания отдал им, но об авиации говорить с ним не надо. Это его болезненное место.

— Вылетался старик и страдает.

— Какой же он старик? — удивился Карасик. — Ему и тридцати пяти еще нет, верно...

— Мало что, — сказал Фома.

С Фомой Карасику было легче всего. Когда не было рядом Бухвостова, чья хмурая насмешливость угнетала Фому, — тот был болтлив и откровенен. К Карасику он относился с уважением.

— Ваше дело тоже, наверное, трудное, — говорил он. — Нервов стоит.

Карасик привык, что всюду, куда бы он ни приезжал, люди, с которыми он знакомился, обязательно спрашивали — сколько ему платят за строчку в газете. Только здесь, на глиссере, никто не спрашивал об этом. Фома интересовался, как Карасик пишет, что он выдумывает, а что правда, и как одно с другим соединяется. Карасик с удовольствием объяснял, а Фома платил ему, в свою очередь, полной откровенностью. Он признался раз, что заветная его мечта — это пойти на новом, собственной системы глиссере мимо деревни, где он когда-то работал на кузнице.

С Бухвостовым сговориться было труднее — он был молчалив. Карасик чувствовал, что механик относится к нему с некоторой подозрительностью. От Фомы Карасик узнал, что Бухвостов из бывших беспризорников, жил в одном детском доме с конструкторшей Настей Валежной и до сих пор томится из-за нее. А Настя держится со всеми ровно, и Бухвостов страдает и злится.

В Москве Баграш, Фома, Настя Валежная и Бухвостов жили в маленьком общежитии. Все работали и учились в заводском учебном комбинате Гидраэра. Баграш был главой маленькой коммуны. На одной из стоянок, когда глиссер гидраэровцев нагнал ожидавшего их «американца», Карасику удалось наконец поговорить толком с очень ему приглянувшейся конструкторшей Гидраэра — Настей Валежной.

Глиссеры стояли рядом. Корректные, молчаливые американцы, ведущие глиссер по поручению своей фирмы, скребли и чистили машину, а Настя, сделав нужные записи в бортовом журнале, прибежала к своим.

— Умираю... пить! — сказала она, обмахиваясь рукой. — Только скорее, мне некогда.

Все наперебой кинулись поить ее. Только Бухвостов стойко продолжал копошиться в моторе.

Настя заглянула в глиссер. Фома пытался что-то прикрыть, но Настя уже заметила беспорядок, мусор на дне, объедки, завернутые в газету и засунутые под сиденье. Потом она внезапно подошла к Бухвостову и отвернула ворот его рубашки.

— Фу, — сказала она, — не смотреть за вами, так зарастете... как маленькие, честное слово!

— Это на американском, на моем, можно в крахмальной гаврилке щеголять, —

оправдывался Бухвостов. — А тут живо к черту вымажешься...

Но Настя распекла всех за грязь, беспорядок.

— Вы что думаете, футболисты? — сказала она. — Я вот тоже сперва относилась так к американской машине. Лишний шик, мол, а теперь вижу, какая у них замечательная машина, сколько у нас наша неряшливость километров в час съедает. Сколько воды тащили из-за этого!..

Она говорила, энергично потряхивая волосами, задорная и строгая. Карасик улыбкой участвовал в беседе глассерщиков. Ему очень хотелось поговорить с Настей, Настя оглянулась на него:

— Ну, товарищ Евгений Кар, как вам у нас?

К Карасику не прививался псевдоним. Все просто его называли Карасиком. Но тут как раз он предпочитал, чтобы конструкторша называла его интимно — Карасик. Обращение «Евгений Кар» огорчило его официальностью.

— Корреспондент наш — молодец! — сказал Баграш. — Он уже в футбол стучает...

— И от мяча не бегают, — отвечал Бухвостов.

— И в воду больше не падает, — добавил Фома.

— А вы, видно, так меня и не признаёте? — сказала вдруг Настя, смотря на Карасика.

Карасик давно уже мучился, стараясь вспомнить, где он встречался с этой девушкой. И теперь только он вспомнил.

Глава XXII НАСТЯ

С Настей Валежной он познакомился в воздухе на высоте девятьсот пятьдесят метров три года назад. Это был первый дальний рейс нового советского многомоторного самолета. Летели строители, инженеры, члены правительства, журналисты. Карасик был командирован спецкором. Пассажиры дремали в мягких креслах, убаюканные шумом мотора. Самолет слегка бросало. Ветер был сильный, и вскоре шатание усилилось. Горизонт то закрывал, вздымаясь, все окно, то заваливался куда-то под пол. Земля качалась внизу, как качается плоскость воды в резко сдвинутой кадучке. Самолет лез, слегка покачиваясь, в воздушную гору, потом вдруг ухал носом в бездну. Ноги никак не могли достать уходящий из-под них пол. Хотелось схватиться за ручку кресла, за сиденье, за что-нибудь надежное, неподвижное. Но все летело к черту в прозрачную яму, в воздушный провал. Начиналась болтанка.

Позади Карасика в кресле страдал плотный военный. Это был почтеннейший из пассажиров. Его грудь была украшена не одним орденом Красного Знамени. Ему было душно, он расстегнул ворот и с отвращением посматривал в окно, где пучился и опадал горизонт. Проклятая болтанка! Его, одного из славнейших героев гражданской войны, участника лихих боев, трясло сейчас, как пехотинца в седле. Ему было неловко, ему было худо. Его мутило. Глядя на него, стали страдать и другие. В это время в потолке кабины открылась дверца люка. Показались маленькие ноги в штанинах комбинезона, потом по стальной отвесной лесенке мигом спустилась проворная, тоненькая девушка. Ее появление сверху было неожиданно и даже несколько обидно для пассажиров. Все считали себя гордо реющими выше всех, а тут, на поди, оказывается, над ними, выше них была какая-то девчонка.

Пассажиры забыли, что над ними помещение для борт-механиков и мотористов. Девушка, нагнувшись, долго и внимательно глядела через окно кабины на вросшие в крылья моторы. Потом она взглянула на пассажиров и улыбнулась. Улыбка у нее была славная, необходимая, подбадривающая. Приосанились даже самые укачавшиеся пассажиры. Военный на минутку тоже подобрался было, но самолет резко осел вбок и вниз. Тошнота скрутила военного. Девушка, уверенно ступая по шаткому полу, подошла и заботливо склонилась к нему. Карасик увидел, что к ее комбинезону, рядом со значком «КИМ», приколоты крохотная тряпичная куколочка: футболист с круглой пуговкой, изображающей мяч. Военный силялся

улыбнуться.

— Что, мутит вас, товарищ? — просто спросила девушка.

Она открыла шкафчик на переборке кабины и вынула оттуда несколько пергаментных пакетов.

— Пожалуйста, товарищ, — сказала она. — Вот берите. Вы не стесняйтесь... если мутит...

— Ну, ну, ладно, — пробормотал военный. — Оставьте, я уж как-нибудь обойдусь сам.

— Тут ничего такого нет. Закачало, и всё. Это со всеми может быть.

Она достала какой-то флакон, смочила полотенце и обтерла лицо военного. Тот уже не сопротивлялся. Девушка обращалась с ним просто, ласково и весело. Исчезла напряженная неловкость. И Карасику даже стало обидно, что его не берет тошнота и девушке нет причины подойти к нему.

— Вы борт-механик?! — крикнул он, стараясь переорать мотор.

— Нет еще, куда там, — отвечала девушка. Ее высокий голос легко проходил сквозь моторный гром и рычание выхлопов. — Я мотористка-студентка на практике. Ну и к пассажирам приставлена по совместительству.

Они разговорились, раскричались. Рев мотора плотно со всех сторон окружил их, как бы укрывая от постороннего слуха. Девушка рассказала.

Ее зовут Анастасией, в общем Настя. Она из детского дома, комсомолка. Любит воздух и быстроту. Еще в детском доме увлекалась книжками о самолетах, о моторах. Все смеялись: куда такой малявке да с моторами. Работала в авиамастерской, теперь мотористка, хочет быть авиаинженером...

Тут Настя внезапно насторожилась, прислушалась и рванулась к окну. Пассажиры побледнели. Карасик вгляделся и увидел, что большая дюралюминиевая заслонка от болтанки и ветра отодралась от наружного борта. Она билась, металась на проволоке и каждую секунду могла быть захвачена пропеллером или втянута в мотор. Это грозило разворотить мотор. Настя резко сдвинула вбок стекло окна. Мокрый ветер ворвался с огромной силой в кабину.

— Держите меня за ноги! — крикнула Настя и полезла в окно.

— Что вы хотите делать? Оставьте! — крикнул военный.

— Держите, вам говорят, некогда тут джентльменничать!

Настя нахлобучила шлем, упрятала в него волосы и далеко высунулась из окна. Пассажиры неловко и крепко держали ее. Она висела над тысячеметровой пропастью. Воздух бил ее, воздух рвал ее. Футболистик на комбинезоне прыгал как сумасшедший. Ветер выхватил у Насти заслонку, она не давалась в руки. Но Настя, вся повиснув над бездной, дотянулась все-таки, уцепилась, поставила сорванную заслонку на место и крепко прикрутила проволокой. Пассажиры потащили Настю обратно в кабину. Она была немного бледна.

— Ну, ну! — сказал военный. — И не страшно вам так?

— Ы! — мотнула головой Настя.

Когда сели на аэродром вечером, все сошли на сырую траву. Настя полезла под самолет, чтобы осмотреть хвостовой костыль. Вдруг она пронзительно закричала и кинулась из-под машины. Карасик подбежал к ней.

— Ой, как я напугалась! — виноватым тоном сказала Настя.

— Да что такое случилось?

— Вон там в траве... лягушка как прыгнет!

— Эх вы, храбрючка! — снисходительно сказал военный. Его давно уже не тошнило.

Мгновенно Карасик вспомнил все это. Как он мог забыть?

— Ну, а как насчет лягушек? — спросил он.

— Боюсь до смерти.

В эту ночь, черную и душную, Настя спала в легкой палатке. Ее соорудили молчаливые, корректные Настины спутники. Затем, отсчитав тридцать шагов, они ушли

курить. Около машины запрещалось даже вынимать спички из кармана.

Настя показала у выхода из палатки. Он была без комбинезона, в уютном домашнем халатике. Карасик почувствовал сосущее умиление.

— Ну, до утра, мальчики, спокойной ночи, — сказала Настя.

— Ах, Настасья Сергеевна, — сказал, отставив ногу и подбоченясь, Фома, — замкнутая вы натура, какие люди вокруг вас, а вы ноль внимания!

— Фома! — крикнул Бухвостов издали.

— Ну?

— Опять?..

Фома подмигнул Карасику.

Скоро все спали. Только Карасик никак не мог устроиться, ворочался с боку на бок. Потом и он затих. Лишь всхлипывала вода у песка. Вахту нес Бухвостов. Он ходил около палатки мерным шагом часового. Вдруг Карасику послышался тихий разговор.

— Настя, к тебе можно? Тебе не очень некогда?

Карасик не слышал, что ответила Настя, и ревниво насторожился.

— Господи, опять! — сказала Настя. — Да что такое? Я не понимаю, что ты хочешь?

— Ничего не хочу, я хочу только, чтобы ты ко мне по-человечески относилась, а ты со мной хуже, чем со всеми.

— Брось, Николай! Я к тебе прекрасно отношусь. Мы с тобой уже говорим на эту тему не первый раз.

— Настя!.. — умоляюще прошептал Бухвостов.

До Карасика донесся сердитый голос Насти:

— Ну, ну, Николай!.. Покойной ночи.

Карасик поспешно зажмурился, услышав у самой головы шаги Бухвостова.

Но тут раздался голос Фомы:

— Что, Коленька, вахту несешь?

— Пошел ты!.. — рассердился Бухвостов.

— Будет моя вахта — и пойду, — сказал Фома, повернулся на другой бок и вызывающе захрапел.

Настя не сразу смогла заснуть. Неожиданный приход Бухвостова рассердил ее. Она знала Бухвостова еще по детскому дому. Угрюмый, лобастый беспризорник помогал ей строить авиамодели. Мальчишки в детском доме были озорные, часто говорили всякие гадости. Коля Бухвостов однажды жестоко избил одного из них. Так Настя и Коля подружились. Потом Настя стала замечать, что Бухвостов смотрит на нее восторженными глазами. Ее сперва забавляло это мальчишеское обожание. Хотя она была моложе на год Бухвостова, но считала себя взрослее его. Настя помнила свою мать — она была сестрой милосердия в прифронтовом городе и умерла от сыпняка. Насте было тогда пять лет. Но в памяти ее сохранились трогательные гостинцы, которые приносила мать: ириски, постный сахар. Помнилась суховатая кожа щеки, о которую Настя любила тереться маленькой.

Бухвостов ничего этого не знал. Он не знал и не помнил своих родителей. Он мотался с солдатскими эшелонами. Люди менялись вокруг него. Не было ни ласки, ни привязанности. Настя была первым человеком, о котором он скучал, если не видел несколько часов, первым человеком, которому захотелось сказать что-нибудь ласковое. Но такие слова у Бухвостова не получались. Настя подозревала, что и в коммуны Гидраэра механик Бухвостов поступил из-за нее. Он был отличным работником, безупречным комсомольцем. Он дружил с Фомой и жил в одной с ним комнате общежития. Улыбчивый, добродушный Фома казался антиподом серьезного и мрачного Бухвостова. Но это не мешало дружбе. Они вместе работали, учились, вместе чертили. Часто из их комнаты доносились громкие, рассерженные голоса, что-то летело на пол, громыхали стулья. Из комнаты выскакивал распаленный Фома, зло одергивал рубашку, обводил всех осоловелыми глазами и опять скрывался за дверью. Часа через полтора оба выходили в самом лучшем расположении духа.

— Что у вас там такое? — озабоченно спрашивала Настя.

— Да чего он уверяет, что на его модели кривая завихрения...

— Опять? — говорил Бухвостов.

И Фома замолкал.

Они спорили по любому поводу: вздорили из-за погоды, галстука, из-за мяча... Фома был музыкален. Вставая по утрам, он пел.

— Опять? — кричал Бухвостов.

— Что опять?

— Опять мотив врешь. Слуха нет, а орешь.

— У меня слуха нет?

— Ясное дело, нет.

— Ну, знаешь, Коля...

— Надо так, слушай: та-ри-ра-там-та-ту...

— И врешь: совсем не там-та-ту, а тим-ти-ри... пам-пам.

Иногда выбегал вдруг озабоченный Фома.

— Баграш! — кричал он. — Плеве ведь палач рабочего класса? Да?.. Спасибо!

И он исчезал снова в свою комнатку, где они с Бухвостовым решали вместе шараду: Плеве-л...

Они были совершенно неразлучны, но при людях вечно шпыняли друг друга. И, если кто-нибудь сказал бы им, что они дружны, оба побожились бы, что ничего подобного нет, и долго отплевывались бы.

Глава XXIII ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

За Горьким началась родная Карасику Волга. Встречные землечерпалки, словно узнав его, поднимали, как бесконечные тосты, свои ковши. Знакомые пароходы приветствовали Карасика помолодевшими голосами и отмахивали ему на сторону белыми флажками. Здесь, на знакомой реке, Карасик чувствовал себя увереннее. И глиссерщики с почтением слушали описания примет, по которым корреспондент безошибочно узнавал встречные пароходы. Нос у Карасика был опален солнцем и ветром. Вид Карасик приобрел загорелый и воинственный. На стоянках он успевал сбегать на ближайший телеграф, дать корреспонденцию в газету. Потом помогал грузить горючее. Взмкнув под палящим солнцем, он таскал, обнимая обеими руками, прижимая к животу, тяжелые бидоны и канистры с бензином. Пока шла заправка, он объяснял собравшейся толпе любопытных устройство глиссера, его значение. Он рассказывал необыкновенные истории из жизни гонщиков. Голос у Карасика был такой авторитетный, вид столь бывалый и нос до того облупленный, что не верить ему было невозможно.

— Корреспондент-то наш, — говорил уморившийся Фома, — вот малый двужильный. С виду посмотреть — чихом убить можно, а гляди какой!

— Нервом берет, — объяснил Бухвостов.

Карасик слышал это и радовался.

— Душа во мне на честном слове держится, — шутил он. — Если я еще слово не сдержу, которое себе дал, так мне совсем крышка.

— Но, должно быть, тяжеловато вам все-таки? — спрашивал его Баграш. — Вы не стесняйтесь, скажите, если вам с публикой разговаривать трудно.

— Ничего, ничего, речь держать легче, чем слово, — отшучивался Карасик.

Километрах в двадцати от Ставрополя, в Жигулях, навстречу им, наискось, налетел грозовой шторм. Впереди грозы бежал ураган. Ветер шел по берегу, вминая леса; вмятина эта неслась навстречу глиссеру. Волга помрачнела и взъерошилась. С левого берега заходила клочкастая фиолетовая туча. Глиссер мчался по освещенной еще воде, и здесь ярко желтели на солнце пески, зеленели прибрежные луга, а впереди все уже было черно и тревожно. Потом навстречу машине в белом паре сплошным свинцовым массивом двинулся ливень.

Машина грудью ринулась на него. Туча сразу зашла флангом, вода ударила сверху и снизу, сверкнули молнии.

Машина с наскоку брала волну, пробиваясь сквозь стену ливня, расколотую молниями. Мотор заглушал раскаты. Великолепное молчание нерасслышимой грозы окружало глссер. Ослепительные штывы молнии беззвучно вонзались в закурлесившую воду. Больно стегали по лицам плети ливня. Глссер трясло и било, как на мостовой. Гофра впивалась в тело. Все вымокли до костей. Бег машины был пределен. И она пробилась.

Баграш сбавил газ и повернул к берегу. На берегу виднелся домик бакенщика. В маленькой бухточке стоял, пережидая бурю, укрываясь от непогоды, американский глссер. Бухвостов бросил якорь-кошку. Бакенщик в намокшем чапане подтащил машину к берегу. Мокрые, иссеченные, сидели они в избушке. Вода стекала с лиц, шлемов, одежды. Крытый брезентом, качался глссер у крутого берега.

Выжимая куртку, Баграш проговорил:

— Ну, кто скажет, что плохая машина?

Чем ближе подходили к Саратову, тем роднее и знакомее были для Карасика места. Здесь чувствовал он себя как дома, узнавал села, помогал Баграшу находить наиболее краткий путь. Недалеко от Саратова по луговому берегу можно было пройти маленькой, полужасохшей Воложкой. Когда-то в детстве Карасик ездил на лодке с Антоном. Воложка называлась Дохлой, и она была намечена на карте-трехверстке, по которой ориентировался Баграш. Воложка была очень мелка, но значительно сокращала путь. Шедший впереди американский глссер пошел по коренному руслу. Баграш решил рискнуть и пройти Дохлой Воложкой.

— Перетяжелены мы, — сказал Бухвостов и с неудовольствием посмотрел на Карасика.

— Да, есть немножко, — задумался Баграш.

— Постой! — сказал Фома. — Давай я сзади на акваплане пройду.

— Оставь, Фома.

— Максим Осьпич, — взмолился Фома, — позволь!

Карасик слышал, что езда на акваплане — одна из самых отчаянных и любимых забав гонщиков на глссере.

— Вот и будет машине облегчение, — сказал Фома и тотчас начал раздеваться.

Нашлась хорошо оструганная широкая доска. Бухвостов подвязал под мотором прочную веревку, Баграш сбавил число оборотов винта. Голый Фома прыгнул в воду.

— Газуй! — крикнул он.

Баграш стал прибавлять ходу. Сначала Фома волочился на животе, отфыркиваясь, с головой уходя в пену, потом глссер пошел быстрее, вышел на редан. Стало выносить вверх и Фому. Машина вошла в Дохлую Воложку. Впереди просвечивала сквозь тонкий слой воды песчаная отмель. Баграш оглянулся, кивнул головой и дал полный газ. Вокруг Фомы все закипело, швырками полетели клочья пены. Через плечи его хлестали рыхлые пузырчатые струи, но он крепко держался за веревку. Подобравшись в комок, Фома сидел сперва на доске на корточках, потом подтянулся, встал на колени, побалансировал немножко и вдруг выпрямился во весь рост. Из-под ног его выхлестывалась вода. Прозрачные крылышки струй бились у лодыжек. И он несся за машиной, крылоногий, стоя на бешеной воде. Так они прошли над отмелью. Машина замедлила ход, и Фому втащили на борт. Он был возбужден и красен.

Машина давно уже вышла из Воложки. Вдруг Фома схватил багор, перегнулся через борт, клюнул что-то зеленое, круглое и вытащил арбуз.

Карасик сидел на переднем сиденье рядом с водителем. Машина снова рванулась и заскользила. Карасик не видел, что происходило у него за спиной. А Фома оделся, обтер веретнем арбуз, ударил о колено. Арбуз треснул сразу в четырех местах, развалился. Он оказался переспелым. На полосатой его корке белели буквы. Фома повернул арбуз и прочел.

— Ну и дурак, что Кандидов! — сказал он и выбросил арбуз за борт.

Вскоре глссер вышел из Воложки. На берегу молодые грузчицы разгружали баржу с

арбузами. Высокий парень стоял на дощанике. В него летели арбузы. Он ловко принимал их сразу по два, укладывал позади себя, выпрямлялся, прыгал, пригибался. Фома и Бухвостов залюбовались им. Потом они разом перегнулись через спинку переднего сиденья и закричали Баграшу в оба уха:

— Видал хватку? Вот это да! Нам бы такого в ворота!

Глава XXIV АРТЕЛЬ «ЧАЙКА»

Рокот приближался. Вот уже десять минут, как он возник за песками, превратился в грозное урчанье и с каждым мгновением делался все громче. Откуда он шел, нельзя было понять. Кандидов уже не раз, прикрывая глаза ладонью, поглядывал на небо. Но самолета не было видно. С неба палило. И Волга у горизонта, накаленная добела, горела жгучим и нестерпимым блеском. Дощаник ходко плыл к пристани. Его длинный, острый нос напоминал струг. К мачте дощаника была прибита доска, и на ней черной краской выведено:

«Первая ударная женская артель грузщиц „Чайка“. Тамада Антон Кандидов. Погрузка — на 230 процентов. Выгрузка — 235 процентов».

Плыла большая, тяжелая, медленная вода. Горячим суховеем дуло с берега, и пески легонько звенели в ветре. На дощанике гребли девушки. Они гребли, сидя попарно на банках¹⁸. Крепкие ноги их упирались в ребра днища. Они гребли, легонько привставая и дружно откидываясь назад. Кофты плотно охватывали крепкие плечи. Лица их были полузакрыты белыми платочками от загара. От передних скамеек до кормы все было завалено арбузами. Урожай в этом году на бахчах выдался небывалый. На берегу были сложены арбузы пирамидами, бастионами, горами.

Антон стоял на борту, правил кормовиком.

Пароход идет, Анюта...
Волга, матушка река.
На ём белая каюта...
Заливает берега.

— Навались! — негромко покрикивал Антон. — Ровно! Табань, говорю, левым.

У пристани арбузы перегружались на баржи. Расставив своих грузщиц по три шеренги от дощаника, Антон взлезал на палубу баржи. Девушки, подоткнув подола, начинали разгрузку. Арбуз шел по каждой шеренге из рук в руки и затем, пущенный рукой крайней девушки, летел в Антона. В этом и заключалась его, кандидовская, нехитрая система. Она значительно ускоряла разгрузку. Антона как бы бомбардировали арбузами. Одно за другим летели в него зеленые увесистые полосатые ядра. Антон так наловчился, что никогда не ронял. Широко и устойчиво расставив ноги, он изгибался, приседал, легко взлетал вверх или почти распластывался в воздухе, устремляясь за неточно брошенным арбузом, Работу, которую в других артелях проделывали пять человек, он делал один.

Тем временем таинственный рев усиливался, приближался, рос. Казалось, он идет из Дохлой Воложки. Но Кандидов знал, что рукав Волги к середине лета почти пересыхает, становится воробью по щиколотку. Лодки и то местами приходится тащить волоком. Но вдруг над кустами потянулись всполошенные утки, из Воложки из-за мысика выскочило диковинное суденышко. Антон много видел на своем веку судов: пароходы, теплоходы. баржи, расшивы, буксиры, катера, нефтянки, рыбницы, «грязнухи», дощаники... Но такого судна Антону еще не приходилось видеть.

Из затона вылетела невиданная лодка, гонимая смерчем, который она сама же рождала.

¹⁸ Банка — скамья для гребцов на лодке.

Маленький пеногонный вихрь следовал за судном по пятам. Лодка неслась по-над водой, опираясь на нее лишь у кормы. Она мчалась, волоча широкие распластанные крылья из пены и брызг. Судно мчалось на самый бакен. Оно штурмом взяло отмель. Да что ему бакен, если оно через затон в августе месяце прошло!

Девушки застыли с арбузами в руках, но тамаде было не к лицу заглядываться.

— Ну, ну, девчата! Чего там не видали? Заглядывайся, да дело не бросай. Пошли, давай, не задерживай!

И арбузы опять летели, матово отливая на солнце, и шлепались о широкую ладонь Антона. Но шалая машина, не сбавляя ходу, разворачивалась по крутой дуге и, наклонившись боком, вся в пене, как понесший конь, мчалась прямо на пристань. Девушки взвизгнули и бросились врассыпную.

Но вдруг рев разом смолк, опали водяные столбики. Легонько, еще чихая и постреливая мотором, машина стала вдруг грузной и, зарываясь носом в воду, подошла к дощанику. В ней сидело четверо. Когтистый багор цапнул за доску. Человечек в шлеме, худой и восторженный, вскарабкался на рубчатую палубу суденышка. Он замотал головой, высвобождая подбородок из-под завязок шлема. Что-то очень знакомое было в этом человеке. У Антона на секунду даже дыхание зашло. Человек простер руки.

— Кандидов! Тошка! — закричал он.

Антон некоторое время глядел озадаченный... Потом вдруг заорал на всю Волгу:

— Карась?! Живой, чтоб ты сдох!

И в ту же секунду Кандидов схватил Карасика под мышки и, как ребенка, стащил с машины.

— Ну, здравствуй, Тошка!

— Здорово!

— Вот, понимаешь...

— Да...

— Встреча называется, а?!

— Ах ты, Женьча! Чертила ты грешная!.. Поздоровше стал, загорел, — сказал Антон.

— Ну, куда мне...

— Ты раньше жидкий был... Я уж думал, живой ли?.. Не слышать. Ну, ты, в общем, как, ничего?

— Да так, ничего.

— Ты где сейчас?

— В Москве... Пишу, в общем, — сказал Карасик и, как всегда, засмутился, испытывая чувство гордости и неловкости.

— И печатают? — удивился Антон.

Карасик чуть не засмеялся. Он спросил Антона, читает ли тот фельетоны Евгения Кара.

— Евгений Кар?! — воскликнул Антон. — Вот так петрушка! Так, значит, я тебя все время читаю? Вот ни сном ни духом... Номер! Молодец ты, Женька, — уже не скрывая зависти, как тогда, когда провожал Карасика в Москву, сказал Антон, — молодец! Классически здорово пишешь. Я даже из газеты вырезал, как ты с шарманкой ходил. И бюрократов ты продергиваешь хлестко.

Он замолчал и поглядел в сторону.

— А я вот тамада тут у них, — сказал он.

Его окружили гидраэровцы. Они оттеснили Карасика и с веселой почтительностью обступили грузчика, разглядывая его с нескрываемым восхищением.

— Сколько сам тянешь? — спросил Бухвостов.

— Восемьдесят девять кило, — отвечал Антон.

— Хорош дядя! — воскликнул Фома.

— Здоровье позволяет, — скромно сказал Антон.

— Да, материалу на тебя отпущено с запасом! — засмеялся Баграш. — Не видал, друг, машина здесь не проходила, красная?.. Нет? Ну, значит, обошли мы «американца»! —

воскликнул Баграш.

— Арбузы ты принимаешь классно, — сказал Бухвостов.

— А ну, как, как это ты? — крикнул Фома и, отбежав немного в сторону, нагнулся, поднял арбуз и запустил в Антона.

Шлеп! Арбуз словно прилип к руке тамады. Кандидов поймал его в полете и уложил в пирамиду.

— Давай, давай! — сказал он добродушно.

Теперь уже Баграш метнул арбуз чуть в сторону. Изогнувшись, Кандидов допрыгнул, и опять арбуз послушно стал в воздухе, у ладони, и мигом был водворен на место.

Пока, забыв обо всем на свете, гонщики бомбардировали Антона арбузами, оттесненного Карасика обступили грузчицы. Они застенчиво пересмеивались. Диковинная лодка, появившаяся с таким шумом, стояла теперь смирно. Девушки подвигались все ближе и ближе. Они жарко дышали в лицо смущенному Карасику. Карасик приосанился. Загорелый нос его рдел.

Рослая, красивая девушка оказалась смелее подруг. Она остороженько дотронулась рукой до горячего мотора. У нее были прищуренные, с чуть приподнятыми уголками глаза, подпертые круто выведенными щеками, такими загорелыми и глянцевыми, что они напоминали покрытую глазурью выпуклость глиняного горшочка. Платок она сняла. Волосы с чистого, почти безбрового лба были зачесаны назад, и крупный гребешок запустил зубья в тяжелый узел па затылке. У девушки был лукаво приподнятый нос, вдавленка на подбородке и крупный рот с ребячливо приоткрытыми губами. На верхней губе сидели маленькие капельки пота. Карасик невольно залюбовался доверчиво открытым лицом волжанки.

«Славная девушка», — подумал он.

— Товарищ, — спрашивала девушка, указывая на глиссер, — это для чего она такая сделана?

— Это глиссер, — сказал Карасик, — вездеходное судно.

— И по морю может?

— Сколько угодно! — басом ответил Карасик.

Ему было приятно внимание девушек. Он гордился тем, что девушки обращаются к нему, считают его связанным с этой великолепной машиной.

— А как же она через мель ходит?

— Это особое устройство дна...

— Прямо посуху может?

Карасик расписывал достоинства машины. Пусть просвещаются.

— А летать способная? — спросила одна из девушек.

— При чем же тут летать? — рассердился Карасик. — Это же гидроглиссер, судно, а не самолет.

— А вы кто будете, механик? — спрашивала красивая грузчица.

— Нет, не механик.

— А я знаю, вы кто...

— Ну кто?

— Вы ихний врач, — сказала грузчица.

— Я специальный корреспондент, — отрекомендовался Карасик не без тщеславия. — Понимаете, пишу в газету статьи.

Девушки из почтения даже отодвинулись немножко.

— Вы, стало быть, как писатель? — спросила высокая.

Карасик оглянулся. Гонщики были заняты арбузами.

— Отчасти, — сказал он негромко. — Не совсем, конечно, — добавил он еще тише.

— Груша, ты покажи им свою машинку-то, службу погоды! — закричала, подталкивая подругу, маленькая бойкая девушка. — Она, знаете, какую громанжу сообразила! Погоду по ней гадают. Барометр.

— Ну вас! — замахала рукой высокая.

На шее у нее зарделся пунцовый кружок, потом рядом еще, и вдруг сплошная краска залила ее всю, так что даже слезы заблестели на глазах. И Карасик увидел, что ей очень хочется показать свой барометр.

— Покажите, правда, — попросил он.

Рослая легко растолкала подруг и спрыгнула в дощаник.

— Вот, ну чего тут интересного? Ну, барометр, — сказала она, протягивая что-то Карасику.

Карасик увидел, что на руке у нее вместо часиков дешевый игрушечный компас.

Карасик рассматривал странный прибор, протянутый ему грузчицей. На доске были укреплены шпенечки и выпиленный из тонкой деревянной пластины рычажок. Толстый крученный конский волос шел от рычажка. Деревянная стрелочка ходила по разлинованному от руки диску. На диске Карасик увидел деления: «Дождик», «Холодно», «Будет перемена», «Чудная погода». Сейчас стрелка указывала на дождик.

— Это я в календаре вычитала, — виновато сказала Груша.

— Ну и как, действует? — спросил Карасик.

Груша замялась:

— Действует... только когда как. Когда ветер, дождик, то верно предсказывает, а как солнышко, то, бывает, все равно дождик показывает.

— Очень интересно, — сказал Карасик и вернул барометр Груше.

— Симпатичный какой! — услышал он за своей спиной шепот.

— Чудной только...

— А я таких сроду уважаю, сурьезных.

А в Антона всё летели арбузы. Гидраэровцы увлеклись. Дощаник быстро опорожнялся. Девушки могли сегодня отдыхать — гонщики швыряли арбуз за арбузом. Кандидову приходилось ловчиться. Он то приседал, принимая у самой палубы тяжелый кавун, то легко возносился вверх, доставая проносившееся над головой зеленое полосатое ядро. Легко, точно отзывалось все его тело на самый каверзный бросок. Тамада стоял молодцом. Футболисты Гидраэра сами запарились. Они смотрели на Антона как зачарованные.

— В футбол давно стучишь? — спросил Фома, отдуваясь.

— Я сроду в футбол не играл, — усмехнулся Антон.

— Откуда же у тебя техника такая? — изумился Бухвостов.

— От выгрузки. Я эту самую петрушку три года изучаю. Мы по арбузной линии знамя имеем.

— Нет, как ты хватку такую выработал?

— Обыкновенно как. Беру его, значит, с прищепом или на подхват, а спускаю на пупа — и всё.

— На пупа?.. — восхитился Фома.

— Слышь, как тебя звать?

— Антон Кандидов, тамада.

— Кандидов! — закричал Фома. — Это, значит, твои арбузы по Волге плавают? Очень приятно.

— Фома, опять? — закричал Бухвостов.

— Как же ты при таких способностях и не играешь? — удивился Баграш.

— Не приходилось.

— Чудило ты! — воскликнул Фома и покосился на Бухвостова. — Из тебя же мировой голкипер вышел бы!

— Ну, уж мировой... — протянул Антон.

— Верно, товарищ Кандидов! Я тебя в свою бригаду устрою. Так натренируем — первый сорт!

— Мы бы тебя, Антон-тамада, на весь мир прославили. У тебя реакция на мяч — тьфу, на арбуз то есть! — прямо редкая!

Антон покачал головой. Честолюбие распирало его грудную клетку чемпиона. Но все

это было так неожиданно и как будто не всерьез.

— Нет, я уж тут на Волге привык. Трудно мне от реки...

— А у нас реки нет, что ли? — загорячился Фома. — Москва-река, знаешь, как разольется, во!

— Фома, опять? — сказал Бухвостов.

Вдруг послышался певучий гром с коренной, и из-за глинистого мыска вылетел красный глиссер. Он шел на среднем газу, ничего не подозревая. Американцы были уверены, что Гидраэр безнадежно отстал. Гонщики кинулись к машине.

— Возьмите меня с собой, — сказала Груша полушутя, полусерьезно. — Ох, мне в Москву охота! Я уже на все пароходы просилась, а меня всё не берут. Только обещаются.

— С удовольствием бы, да места нет, — сказал Баграш, поглядев на нее.

— Антон, вот тебе адрес на всякий случай, — сказал Карасик, вырывая листочек из блокнота. — Я буду ждать. Ты подумай — вместе будем!

— Контакт! — скомандовал Баграш.

— Есть контакт.

Но мотор не запускался. Американец подходил. Видно было, что там, на глиссере, приподнимаются, глядят в бинокль и ничего не могут понять: каким образом очутился Гидраэр впереди? Не по воздуху же пролетел...

— Контакт!

— Есть контакт.

Винт не проворачивался.

— Ну-ка, тамада, подсоби, приложи руку! — сказал Бухвостов. — У нас самопуск заело. Только я тебе покажу как...

Антон взялся за лопасть пропеллера. Раз, два, три... Он рванул лопасть и отскочил, как показывали. Лопасть сама вырвалась у него из ладони. Винт исчез, осталась только круглая размытая тень, как фотография, снятая не в фокусе. Рябь побежала по воде. За кормой машины образовалась водяная ямка, выдутая вихрем. У Антона сорвало шлычку с головы. У девушек раздуло юбки. Глиссер погнал выщербленную воду, пошел, задрал нос и разом вынесся на середину реки. Антон стоял без шапки. Седая прядка свисала на глаза.

— Тоша, не ехай! — сказала Груша. — С кем там гулять будешь?

— Не дури, тамада! Дубовка-дыня с низов идет. Самое время...

— Никто и не собирается, — сказал Антон, — мало что... А ну, пошли давай...

И уронил первый же арбуз. Девушки опасливо глядели. Никогда еще с тамадой этого не случилось.

Глава XXV ПЕРВЫЙ МЯЧ

Слова гидраэровцев лишили Антона покоя. Что, если правда попробовать? Прежде Антон был вполне равнодушен к футболу. В городке этот мужественный спорт находился еще в младенческом состоянии. На пустырях играли дикие команды. Любители играли босиком: подогнув пальцы, били подошвой или подъемом ступни, а мальчишки гоняли в пыли тряпичный мяч.

Впрочем, городок имел уже две свои команды. Одну команду лесных пристаней и одну команду советско-торговых служащих, по-местному — «городских». Команды играли друг с другом с переменным успехом, но зато всегда проигрывали всем в окрестности.

Кандидов купил мяч. Знакомый шофер из райкома накачал его. Мяч стал тугим и звенящим, как арбуз. Антон засмеялся. Теперь в свободное время толстоногие девушки, по его просьбе, что есть силы били мяч.

Ловить мяч оказалось труднее, чем арбузы. Мяч был верток и быстр, почти неуглядим. Он был неожиданно легким. В нем не было наливной увесистости арбуза. Мяч отскакивал, не давался в руки, прыгал. Но в то же время в нем была упругая тяжесть удара. Он несся,

гудя, как снаряд. Он обжигал ладонь, свозя кожу, и, попадая в пальцы, едва не выворачивал их. Уже пойманный, мяч коварно старался отпрянуть и выскользнуть из рук. Но все-таки сноровка арбузника облегчала Антону тренировку. Умение тотчас отвечать внутренним движением на любой швырок в конце концов решало дело. Потренировавшись недельки три, Антон пошел предлагать свои услуги в воротах команды городских.

Местные чемпионы подняли его на смех.

— Арбузник, — говорили они, — вали в младшую команду, заворотным хавом!

«Заворотный хав» — это была самая обидная кличка для футболистов. Так называли мальчишек, которые топтались за лицевой чертой поля в надежде хоть разок коснуться мяча, когда тот перелетал через ворота.

— Ладно, — грозно произнес Антон, — ладно, я вам еще навтыкаю! А засим пока...

— «Зосим Фока»! — передразнили его городские.

Городок к тому времени как раз начал «болеть». «Болеть» на футбольном жаргоне означает увлекаться, ходить на матчи, жаждать выигрыша своей команды, болеть душой за нее.

На футбольных воротах местного стадиона сетки еще не было. Хорошо, что хоть ворота поставили: стойки-столбы со штангой-перекладиной. Недавно еще сложенные в кучки шапки и штаны, замененные на время игры трусами, отмечали границы подразумеваемого гола.

К тому времени девушки из артели «Чайка» так уверовали в футбольный талант Антона, что готовы были вызвать весь мир на единоборство с ним, но никто не принимал вызова. Девушки ходили и похвалялись своим тамадой. Местные чемпионы не выдержали. «Надо проучить», — решили они.

Антон упражнялся на городском пустыре. Однажды на пустырь явились футболисты из команды городских. Они стали задирать девушек, насмехаться, пробовали отнять у них мяч и так, незаметно, удар за ударом, слово за слово, ввязались в соревнование шутки ради. Девушки, волнуясь, стали у края поля. Тамада остался один... Тяжелые удары посыпались на Кандидова. Тут и произошло самое интересное. Тамада не дрогнул. Как ни старались городские, мяч не входил в пространство, огражденное воображаемыми стойками. Не входит, да и все тут! Это пространство как будто целиком занимал Антон. На какие уловки ни пускались городские, в какой угол они ни били, все равно там Кандидов встречал мяч и заключал его в свои крепкие объятия, как родного брата. И еще насмешничал при этом.

— Что же ты все в меня да в меня? — кричал он. — Печенку отобьешь, пожалей!..

Собравшиеся зрители потешались над городскими. Девушки повизгивали от счастья. Городские — их было шестеро — окончательно обиделись. Они пробовали прорваться с мячом в самые ворота. Но Антон, выхватив из-под ног мяч, всем своим огромным телом валился под ноги, и нападающие кувырком, кубарем сыпались через него. Когда пыль оседала, Кандидов с криком «По-о-зволь!» уже далеко выбивал мяч.

Городским сперва действительно казалось, что они бьют неточно и поэтому мяч попадает в этого проклятого арбузника. Потом они просто растерялись. Они пытались придраться.

— Не по правилам берет! — кричали они.

Но зрители забушевали — все было по правилам. Только гола не было.

Оставалось одно — подловить Антона, убрать его. За ним стали «охотиться», но первый же из неудачливых охотников должен был покинуть поле. Кулак у тамады был быстр на расправу. Неизвестно, чем бы это все кончилось, но городские увидели подоспевшего вовремя инструктора физкультуры...

Кандидову тут же предложили вступить в команду.

Всю зиму Антон занимался, ходил на курсы и готовился в техникум, а в свободное время тренировался в клубе по тяжелой атлетике и боксу. Весной еще снег толком не сошел, как Антон стал тренироваться с городскими. Вскоре команда городских стала бить всех в округе.

Глава XXVI «СПАСЕНИЕ НА ВОДАХ...»

В тот год вода была очень высокая. Волга текла напрямик по полям. Она вошла в села. Ее воды подняли сады, огороды, леса. Течение шумело, как ветер в ветвях, и вилось между стволами.

С Волгой в городке привыкли обращаться запанибрата.

— Волга оmyвает наш город, — говорили местные жители приезжим. — Волга огибает нас, она протекает мимо города...

С таким же основанием листок подорожника, приткнувшийся на обочине мостовой, мог бы заявить, что шоссе проложено вокруг него... Теперь Волга предъявила свои права на все до самого горизонта. Оливковые воды разлива подступали к самому городку. Река стояла уже почти вровень с берегом. Река осаждала городок. Но уже в самом осажденном городке вскрылась страшная измена. Таившаяся под почвой подземная вода поднимала голову и шла смыкаться с внешними водами. Вода лезла вверх в колодцах, как ртуть в термометре; вода появлялась в подвалах.

На берегу спешно возвели земляные укрепления. Но вода поднималась неотвратимо, как в шлюзе, и у людей, смотревших на берег, к горлу подступал холодный, мутный страх. Казалось, суше вообще пришел конец. Сейчас хляби хлынут через городок поверх домов, над крышами, все смывая и затопляя. Сама почва стала ненадежной, как при землетрясении.

К вечеру вода вошла, ворвалась в улицы. Комнату Антона заливало. Пропадали книги, которые он еще не успел перенести на пристань. Но Антон уже не мог заставить себя думать о своем добре. Он разом забыл и о славе своей, и о Москве. Как всегда в минуту опасности, он стал взрослее, он стал опять Кандидовым, красным волгарем, который с наганом вбегал на мостик неприятельского парохода. Он почувствовал прилив неукротимой энергии и отваги. Битвы, авралы, высокая вода, если говорить начистоту, — все это было ему по душе.

Антон со своей бригадой продвигался на лодке по затопленным улицам. Городок за день словно по плечи врос в землю. Через верх заборов видны были четырехугольные озера дворов. Непривычно громко пели над самой головой телефонные провода, ставшие близкими — рукой достать. Когда лодка вплывала в чьи-то ворота, надо было нагнуться, а то можно было расшибить макушку. С лодки были видны закопченные жерла печных труб на крыше. Антон зачаливал за трубы и ловил передаваемые ему самовары, подушки, младенцев. И в эти минуты он совсем забыл про Стеньку Разина, о котором думал всегда, когда плавал с арбузами на струге-дощанике по Волге.

Все было удивительно. У коновязей постоянных дворов плясали лодки. Можно было заглянуть в дырку скворечника. Стекла открытых окон стояли в воде, и вода здесь прикасалась к стеклу, как в стакане. Волга всегда была огромной, но ограниченной частью окружающего. А теперь она была везде. Везде была Волга, и каждая улица была ее рукавом, каждый переулок — воложкой, каждый тупичок — затоном. Все на улице жило проточным, сплавным порядком, как на плоту.

Вода подбиралась к возвышенной части города, окруженной дамбой. Там стояли городские телефонная и электрическая станции, телеграф, исполком. Вода стояла уже выше уровня огражденной местности. Необходимо было срочно повысить гребень вала. Но, перебравшись с крыш на плоты и лодки, переселившись за городом на пригорок, обыватели заявили, что им не до телефона и электричества: все равно, как тонуть — в темноте или при электрическом свете, а звонить по телефону некуда — все залито.

Созданная исполкомом особая «тройка» заседала весь день. Барометр на стене кабинета предвещал хорошую погоду, но верить ему было нельзя. Если Грушин самодельный барометр был упрямым пессимистом, то этот был неисправимым бодряком и всегда обещал благоденствие. А беда уже стучалась в окна, и так стучалась, что стекла вылетели, ветер подхватил метеосводки и в окно просунулся острый нос дощаника, подобно тому, как в

«Сорочинской ярмарке» появляется свиное рыло: «А что вы тут делаете, добрые люди?»

Домик, где заседала тройка, стоял на полузатопленной улице, и Антон по неосторожности въехал носом лодки в окно.

— Прибывает! — закричал Антон. — Надо народ сгонять на дамбу!

— Иди сгони, погляжу! — иронически произнес один из членов «тройки».

— Есть план — придут, я отвечаю!.. — сказал Антон.. Через два часа по затопленным улицам проплыли лодки-глашатаи. На лодках рывкали оркестры Леспрома и совторгслужащих.

Жителей приглашали на долгожданный матч сборной местной команды с командой правобережного города. В городе давно уже мечтали об этой встрече. Правобережные считались сильнейшей командой в окрестностях. Сперва жители возмутились. Тут такая беда, всеобщее затопление, а они в мяч играть!.. Но Антон уже изучил душу болельщиков. Болельщик всегда остается болельщиком. От этого не излечиться, от этого не избавиться. Выразив сколько полагается обиду, громогласно негодуя, жители вполголоса, отвертываясь, осведомлялись между прочим:

— А от наших кто играет?

— В каком составе наши выступают? — спрашивали вскоре с чердака, с верхних незатопленных этажей, с крыш.

Правобережная команда, получив срочный вызов, решила, что на том берегу люди, перепугавшись наводнения, сошли с ума. Но их так упраскивали по телефону... И, кроме того, успехи луговых стали за последнее время до дерзости велики, и пора было поставить их на место.

К назначенному часу на еще не затопленной площади собралось тысяча двести горожан¹⁹. Зрители расселись по всей дамбе. Сотни лодок, шлюпок, дощаников окружили поле. Вдохновленные болельщики приплывали в корытах, в кадушках, наскоро сколоченных плотах.

Появился Антон. Его сопровождали двое мальчишек. Один из них торжественно нес левую бутсу вратаря, второй — правую. Вскоре антон в новых бутсах, в своей неизменной грузицкой шапке и рукавицах расхаживал у дамбы, окруженной местными болельщиками. Он подошел к баку с водой и долго пил, нацеживая кружку за кружкой.

— Ну, тамада, не просадишь? — спрашивали его.

— Об чем разговор! — отвечал он.

Кажется, никогда в жизни ни до того дня, ни после, в дни своей полной славы, не играл Антон с таким рвением. Он показывал чудеса. Нельзя было проиграть этот матч. Он чувствовал за спиной не только футбольные ворота — он ощутил себя вратарем города.

Но правобережные играли лучше луговых. Сразу зрителям стало казаться, что на поле правобережных больше. Всюду мелькали их зелено-черные полосатые, словно арбузные, майки. Среди них терялись и бестолково кружились красные. Ворота Кандидова подвергались ураганному обстрелу. Разгром был, казалось, неминуем. Кандидов едва успевал выбросить мяч в поле, как снова надо было принимать его. Но Антон был непробиваем. Ему порвали майку, подбили скулу. Правобережные нападали неутомимо, но потом они стали иссякать. Они выложили сразу слишком много сил и рвения. Их стало брать отчаяние. Ворота казались заколдованными. Мяч не входил в них. Случалось, что бивший был уже уверен в своем ударе с пяти шагов. Он своими глазами видел мяч уже почти в сетке. И вдруг опять на самой грани желанного очка мяч останавливался в вездесущих руках этого дьявола. И, не веря своим глазам, нападающий восклицал: «Взял?! Черт!..»

Кандидов чувствовал, что противники устали. Удары ослабели. Мячи уже не отбивали

¹⁹ Неболельщикам, может быть, покажется мало правдоподобной эта история. Пусть они в таком случае расспросят очевидцев великого паводка 1926 года. В волжских газетах можно также найти описание подобного матча в полузатопленном городке. Болельщики верны себе! «Матч состоится при любой погоде», — значится в афише, и стихии никого не остановят.

ладоней, много мячей шло мимо. Правобережные были теперь одержимы одним лишь желанием — вбить, обязательно вбить хотя бы один мяч этому длиннорукому детине. Забыв о всякой осторожности, их команда целиком сгруппировалась у ворот Кандидова. Антон увидел это и, поймав очередной мяч, выбил его с руки ногой что было силы. Удар у Антона был вообще могучий, а тут мяч хорошо лег на ногу. Поле было маленьким, ветер дул в ту сторону. Высоко пробитый мяч описал длинную огромную дугу. Он перекрыл все поле и упал почти в самые ворота противника. Вратарь правобережных, не ожидая мяча, едва успел вытолкнуть его... Но на него набежали близко стоявшие нападающие луговых, последовал удар, и мяч вошел в ворота правобережных.

Когда пропела финальная сирена, зрители, балдея от пережитого, колотя друг друга по плечам и спинам, кинулись на поле, опережаемые девушками из «Чайки». Кандидов взлетел на воздух. Антон был тяжел, но качали его с энтузиазмом. И первым схватили его противники — правобережные. Они не могли сдержаться. Им не приходилось видеть такой игры.

Когда прокричали «Физкульт-ура!», перед разгоряченными и счастливыми зрителями появился председатель исполкома. Он влез на дамбу.

— Граждане, минутку! — сказал председатель, приготовившийся быть как можно красноречивее. — Товарищи, вот наш голкипер товарищ Кандидов защитил ворота, как говорится, всухую, но, товарищи, каждый из нас сегодня должен стать голкипером, чтобы ворота нашего любимого города остались сухими...

Его не все поняли.

— Все присутствующие мобилизованы на укрепление дамбы! — пояснил тогда председатель. — Лопат хватит. На дамбу, шагом марш!

— По-о-озволь! — вскричал Кандидов и первый схватил заступ.

За ним двинулись победители. Потом шли правобережные. Наступая им на пятки, с лопатами в руках, звонко крича «По-о-озволь!», подпрыгивали гордые девушки из артели «Чайка». А за ними, на ходу разбирая лопаты, повалили болельщики-зрители, еще не совсем. соображая, что произошло. Но марш грянул. Рассуждать уже было некогда. А кроме того, после полуторачасового сплошного кипения клапаны сердца готовы были взорваться, и каждому хотелось совершить подвиг.

Городок был спасен. Через две недели Волга сняла осаду и ушла от земляных стен города. Подсыхающие лужи остались, как павшие кони капитулировавшей армии. Городские власти не знали, как отблагодарить Кандидова. Ему преподнесли медаль «За спасение на водах». Под этими традиционными строчками местные граверы вычеканили слово «города», и получилось: «За спасение на водах города». Об этом написали в местной газете. Кандидову обещали, что к осени его отпустят учиться в Москву. Но осенью опять пошла дубовка-дыня. Потом начались осенние перевозки, и уехать Антон смог только зимой.

На широких пароконных санях с дышлом, со всех сторон обсаженный девушками из артели «Чайка», Антон перебрался через замерзшую Волгу. Девушки пели. Звонкоголосая Груша запевала, остальные подхватывали:

Погоди, машина, ехать,
Погоди свисток давать,
Надо с милкою проститься,
Еще раз поцеловать...

Антон вырвал из рук возницы вожжи. И, стоя посередине прыгающего ящика саней, он свистнул в два пальца:

— Э-э-эх, давай, не задерживай!..

Гривастые кони легко понесли сани. Сани взлетали на ухабах, как на большой волне.

— Даешь девятый вал! — кричал Антон.

Девушки, свесив ноги в валенках за высокие борта саней, взвизгивали.

Глубоким грудным голосом пела Груша:

И в минуту расставанья,
Отправляясь в дальний путь,
Утоли мои страданья —
Расскажи чего-нибудь.

И Антону казалось, что он переваливает через Волгу, как прежде, на большом дощанике со своими девчатами...

На перроне грузчицы совсем расстроились. Когда настала минута прощания, девушки откровенно всплакнули.

— Ну, буде! Буде вам, наводнение опять...

Антон моргал и отворачивался. Потом он расцеловался со всеми по очереди, просто и строго.

Глава XXVII НИКОЛА-НА-ОСТРОВКЕ

Карасик возвратился из похода загорелый, выпрямившийся. Нос перестал лупиться, и вид у Евгения Кара был отличный. Все его корреспонденции, статьи, очерки были напечатаны. Отличные волжские пейзажи крепко были спаяны в них с точным техническим описанием машины. Не удержался Карасик, как всегда, и от философии. Принцип глиссера, умение использовать сопротивление воды, стремительное скольжение судна через препятствия он подкреплял историческими метафорами. Скромный поход экспериментальной машины в его очерках превратился в увлекательнейшее путешествие. Читатели, открыв газету, искали очередную корреспонденцию Евгения Кара.

Он шел по коридору редакции. Все двери открывались справа и слева, и из каждой несло иронически-торжественно: «О-о-о-о!.. А-а-а!..» Сейчас же в тесном проходе у отдела информации собрались литературные сотрудники. Карасика плотно окружили. Его расспрашивали о приключениях, об ощущениях, щупали, целы ли у него кости. Потом его вызвали к редактору.

— О, другой вид, — сказал редактор, — совсем другой вид!

— Все другое!

— Ну, нашли свой мужественный коллектив?

— Нашел и вошел...

Еще в походе Баграш и Настя договорились, что связь с Гидразром у Карасика останется теперь постоянной. Он будет работать по совместительству в заводской многотиражке. Карасик не представлял себе, как после крепкого волжского ветра, который раздирал ноздри и обтачивал скулы, он вернется в пропахшую йодоформом духоту чужого кабинета. Он с ужасом думал, что все, с таким трудом накопленное им во время похода — это ощущение хорошо продутой, свежей жизни, мужества, скорости, — он растеряет в неуютной своей комнатке... И ему хотелось, чтобы поход никогда не прекращался.

— Да перебирайтесь-ка к нам на постоянство! — предлагали глиссерщики.

— Верно! Переезжай вовсе — рви концы, крепи начало, — так говорил Баграш, с которым Карасик был уже на ты. — Мы, как приедем, тебе угол подремонтируем в общежитии, а пока со мной можешь.

— Милости прошу к нашему шалашу, чай да сахар! — поддакивал Фома.

Только Бухвостов ничего не говорил.

— А как по-твоему, Коля? — допытывался у него Карасик.

— Что ж по-моему? — отвечал Бухвостов. — У нас вход свободный. И выход тоже.

Карасик очень сдружился с гидразровцами. Его самого тянуло крепко связаться с ними не только в походах, не только на бивуаках, но и в оседлой их жизни. Как всегда, он искал

примеры в биографиях известных людей. Вот живет Шолохов около колхозников своих, казаков. И Евгений Кар должен жить с племенем этих дружных быстроходных людей. Их бодрый дух наполнит его сердце необходимой свободой. Он больше не будет себя ощущать пасынком. Он примет закон коммуны, заговорит басом и будет играть в футбол. И каждый день он будет видеть Настю Валежную.

— Вы хотите, чтобы я переехал? — спросил он Настю.

— Переезжайте, нам нужны люди.

— А я вам нужен?

— Если бы не нужны были, не приглашали бы.

— Нет, вам лично хочется, чтобы я переехал? — выпытывал Карасик.

— Это зависит не от меня.

— Нет, это зависит от вас. Хотите, Настя, я перееду из-за вас?

— Тогда вы легко сможете выехать из-за меня, — ответила Настя и строго посмотрела ему в глаза. — Послушайте, Евгений Кар, вы всегда так многословны?

— Хорошо, — сказал Карасик, — я буду односложен.

— Так переедете?

— Да.

— И не будете глупить?

— Нет, — сказал Карасик.

Через несколько дней, зайдя в секретариат редакции, Карасик спросил:

— Кто у нас личным столом занимается?.. Товарищ Маклевская, запишите мой новый адрес: завод Гидраэр, бывшая церковь Никола-на-Островке, общежитие Брокфут.

— А что это значит Брокфут? — спросила секретарша.

— Бытовая рабочая опытная коммуна футболистов.

— Вы — и футболист? Господи, куда вам! Вот жизнь надоела!

— Да, такая надоела! — объявил Карасик и сделал стойку на стуле, но свалился на пол и ушиб плечо.

— Вы стали какой-то не такой, — заметила секретарша, — погрубели, а были такой хиленький, симпатичный.

— К черту симпатичную согбенность! — заорал Карасик и победительно вышел из комнаты.

— Ужасно он забавный и милый! — сказала машинистка.

Общежитие гидраэровцев помещалось в бывшей церкви Никола-на-Островке. Уютные комнатки были отделаны на хорах и в приделах, а большой церковный зал назывался кают-компанией и был местом общих сборищ. Поперек его висела волейбольная сетка. Между окнами стояли столы с чертежами. В бывших царских воротах было укреплено знамя гидраэровцев. Местами проглядывали незамазанные лики угодников, окруженные, как подушками, взбитым паром облаков.

Легкий, едва уловимый, но неистребимый дух ладана витал еще в углах и смешивался с аппетитным запахом готовки. Это управительница коммуны, мать гидраэровца Яшки Крайнаха, всеобщая мама Фрума, готовила коллективную яичницу.

Вселению Карасика неожиданно стала чинить препятствия администрация Гидраэра. Карасику пришлось познакомиться с юрисконсультom Гидраэра — Валерианом Николаевичем Ласминым. Ласмин был тонкий буквоед, но крайне нежный и чувствительный человек. Он говорил, что глубоко чувствует природу, любил пофилософствовать о широте исконно русской натуры и поэтому носил смешную козлиную бородку, но усы брил, отдавая дань требованиям Европы.

Узнав о вселении Карасика, он запротестовал. Он призван охранять интересы завода. Вселение посторонних лиц в общежитие завода невозможно. Это противоречит всем законоположениям...

— Технобрех, — сказал про него Бухвостов.

— Юрисконсульт — отмирающая профессия! — заявил Ласмину Карасик. — Это вроде

бакенщиков: расставляют значки, вешки на мелких местах нашей жизни.

— Но бакенщики тоже нужны, — обиделся Ласмин.

— Глиссерам бакенщики не нужны.

— Это уже загиб, — сказал уязвленный Ласмин.

— Возможно...

Карасик петушился напрасно. Со своей точки зрения Ласмин был прав. Баграшу пришлось мобилизовать общественные силы Гидраэра. Карасика записали консультантом редакции заводской многотиражки «На редан!». Кроме того, помог профессор Токарцев, друг коммуны. Он частенько приходил по вечерам к гидраэровцам, смотрел чертежи, приносил свежие английские журналы и на ходу переводил их, читая вслух последние статьи. Потом, взглянув на часы, он уходил с видимой неохотой. Гидраэровцы знали, что он старается как можно меньше бывать у себя дома.

— Хорошо тут у вас!.. — говорил Токарцев и вздыхал.

Глава XXVIII ВЫХОД В ГОРОД

Столица приближалась, как приближается большая, нужная тебе статья в энциклопедии: сначала идут прилагательные от этого слова, словоответвления и образования от корня. Перелистываешь страницы, ища, допустим, слово «Англия». «Английская болезнь», «английская литература», «английская соль», «англикане», и вот, наконец, «Англия»! Но тут вас ждет сноска: «Смотрите: Великобритания».

Поезд листал поля, стремясь скорее добраться до Москвы. Уже мелькали вывески с первым слогом столицы — Моссельпром, Мосторг — на станционных магазинах у дачных остановок. Уже виднелся сквозь пригороды, угадывался за горизонтом сам коренной город, и каждая станция уже ссылалась на него.

Антон то и дело вскакивал, видя в окно вагона многоэтажные здания, пути, трубы. Но все это еще не было Москвой. Когда же он окончательно запутался, поезд неожиданно остановился у невзрачного вокзала. «Нет, шалишь, не встану», — подумал Антон, но все вокруг него вскочили, потащили чемоданы, мешки, баулы.

— Чего ждете? Москва, — сказали Антону.

Антон соскочил с подножки вагона на холодный перрон. С платформы был соскоблен снег. Антону стало зябко и неудобно. Он прошел мимо смиренного паровоза. И с благодарностью обернулся на прощание. Машина утомленно отдувалась.

На кронштейне у дверей висела большая железная вывеска.

— «Выход в город», — прочел Антон и вышел в город.

Перед ним на площади шумела предвокзальная суматоха, но ничего специально столичного он не заметил. Такая же площадь могла быть и в Саратове. Площадь как площадь, с милиционером, разминающим застывшие ноги, с трамваями, которые, вереща на поворотах, сыпали голубые и фиолетовые искры. Только на трамваях здесь был не ролик, а дуга.

Был мороз. Вьюжило. Сумерки густели, как гипс. Прачка везла с реки белье, накрахмаленное стужей. Она тащила салазки, промерзшее белье лежало на них, ломкое, припудренное, как печенье-хворост. Красные и зеленые огни светофора напомнили. Антону зеленые и красные отличительные огни пароходов. Крупа стучала в жесть водосточных труб. Вьюга, шурша, сдирала со стен промерзшие афиши. Антон читал на них знаменитые имена. Прежде он видел их лишь в газетах, а теперь он оказался среди них, совсем рядом. Вот, возможно, в этом доме живет известный киноартист, а во встречном гражданине с поднятым воротником скрывается знаменитый писатель.

Огромная, ярко освещенная витрина остановила Антона. За зеркальным стеклом висели плакаты, наивные, ярко-цветистые, как в волшебном фонаре. Это была витрина одной из заграничных авиационных компаний, окно бюро путешествий. Перед Антоном сверкал за

стеклом заманчивый и лучезарный мир — мечта странствующих и путешествующих, разложенная на примитивные цвета рекламы. Всеми обольщениями мира манило окно. Показная жизнь без сучка и задоринки была изображена на плакатах — жизнь гладкая, безмятежная... Плыли разноцветные пароходы, комфортабельные лайнеры, многоэтажные пакетботы²⁰. Их отвесные, как утес, борта светились аккуратно расчесанными созвездиями иллюминаторов. Дым дружно валил из высоких труб. Над дымом струились флаги иных земель. Из фиолетового тумана вставали изысканные маяки, гладкие, как свечи. Белые чайки носились вдоль завитков прибоя. Над пальмами реяли лакированные самолеты. Молодые люди в безукоризненно выглаженных брюках гуляли по желтому берегу, а девушки в белых шляпах, с легкими цветными зонтиками стояли у сверкающих длинных машин, отбывая жизнь праздную, парадную и фантастическую.

Антон долго стоял у этой витрины. Он не знал, что перед таким же окном частенько простаивал и Карасик. «Это самая соблазнительная витрина города!» — говорил про это окно Евгений Кар.

Антону захотелось скорее приобщиться к столичной жизни. Он оглядел себя в зеркале, вделанном в стену соседнего дома. На нем был апельсинового цвета тулупчик, серые чесанки, малахай. За два дня пути он успел обрасти. Нет, с таким видом не возьмешь Москвы! Не без робости зашел Антон в стеклянный тамбур большой парикмахерской и шагнул в зал. Все сияло там. Антон вошел, огромный и многократный... Зеркала долго и с удивлением повторяли его с ног до головы.

— Раздеться позвольте!..

С него сняли тулупчик. Он сдал свой багаж, поглядел подозрительно на человека.

— Будьте преспокойны, как в аптеке... — сказал гардеробщик. — Магазин, заняться! — пропел он вдруг, подойдя к двери зала.

Антон прошел в середину зала.

— Оч-че-редь! — крикнул мастер, как будто командовал пулеметным взводом, и, взмахнув салфеткой, шаркнул ею по кожаному сиденью кресла.

Антон погрузился в кресло, такое сложное, сверкающее и большое, какое он видел только у зубных врачей, хотя сиживать ему в таком кресле не приходилось.

— Для вас? — спросил мастер. — Побрить, подровнять?

— Вот, в общем, орудуй на всю трешку, — сказал Антон, выкладывая на мрамор стола бумажку.

— Платить будете в кассу, впоследствии, смотря от операций... — с достоинством сказал мастер. — Для бр-р-ритья! — раскатистым баритоном крикнул он. — Под бокс? — спросил затем мастер, взьерошив с затылка волосы Антона.

— А под футбол можно?

Мастер повеселел. Клиент оказался шутником. Мастер взмахнул ножницами, как смычком. Ножницы завизжали над ухом Антона. Мастер поддел расческой седую челку.

— Природная или от переживаний? — осведомился мастер.

— Не тронь, природная, — сказал Кандидов, но, подумав прибавил: — И от переживаний.

Неземные ароматы плыли в воздухе. Антона окружали граненые стеклянные флаконы, пульверизаторы, резиновые груши в сетках, блестящие коробки, щетки, «лебяжий пух» с дымящейся пудрой и, наконец, совсем неведомые приборы — аппарат с рукояткой, шнурами и медными клеммами. Зеркала, как эхо, подхватывали каждое движение.

Тут человек подвергался почтительной обработке. Парикмахер порхал и вился над клиентом, как мотылек над кашкой; прикосновения его пальцев были нежны и почтительно-фамильярны. Он совершал над человеком таинственные процедуры, и тот вставал благоухающий и полный достоинства.

²⁰ Лайнеры, пакетботы — крупные пассажирские суда, обслуживающие океанские линии.

Здесь, как по мановению жезла, перед Антоном появлялись дымящиеся приборы. Мастер распечатал кисть с треском, словно колоду карт. Торжественно налив в чашечку воду, посыпав порошок, он замешал все это со сосредоточенной пренебрежительностью.

Брея Антона, он непринужденно болтал с другими мастерами. Он говорил с ними совсем иным, нормальным человеческим голосом.

Мастера непринужденно переговаривались между собой из конца в конец зала, от кресла к креслу. Клиенты, чувствуя себя вне этого разговора, неодобрительно слушали. Антону стало обидно.

— Смотри, куда бреешь, — сказал он.

— Попрошу не учить! — обиделся мастер. — Мы вас пахать не учим. Колхозник? — спросил он.

— Чемпион! — сказал Антон.

И мастер, взглянув на плечи клиента и оценив их, охотно поверил, рассудив за благо не спорить.

Мастер побрил Антона, причесал, сделал ему массаж. Зажмурившись, Антон подставил свое лицо под снопы душистых брызг из пульверизатора.

— Пудру принимаете? — спросил парикмахер.

— Можно.

И Антон погрузился в душистые облака пудры.

— Больше со мной ничего нельзя сделать? — спросил он, когда облако рассеялось.

— Желаете, можно седину убрать? Под общий тон сделать.

— Это уж оставь, — сказал Антон и получил счет на три с полтиной.

Он расправил плечи, тряхнул головой и весело зашагал по улице. Теперь он чувствовал себя совсем по-другому: бодрее, увереннее. Он шагал и смело заглядывал в глаза встречным девушкам. Те краснели и отводили взгляд. Прохожие, спрошенные им, сказали, что дом, который он ищет, тут недалеко.

Вдруг он увидел, что на углу собрался народ. Выбившись из сил, скользя подковами по обледенелой мостовой, падала на колени ломовая лошадь. Она старалась стащить с места сани. Сани были тяжело нагружены. Возчик, упершись плечом сзади в тюки, махал кнутом, кричал надсадно. Лошадь, напрягаясь до дрожи, скользила, срывалась. Прохожие глядели. Антон раздвинул зевак, подошел, привычным взглядом окинул кладь.

— Тут разгружать требуется, — сказал Антон. Он поставил на землю свой багаж и начал сгружать тяжелые тюки, ящики на мостовую. Потом он схватился за оглобли саней. — А ну, давай! — сказал он возчику.

Под улюлюканье и свист лошадь без труда свезла с места облегченные сани. Полозья, застрявшие в рытвине, оказались теперь на ровном накатанном месте. Но сгруженные тюки и ящики загромождали мостовую. Уже сердито рычали два грузовика. Названивал трамвай. Приблизился милиционер.

Антон насторожился. Сконфуженно показал он милиционеру бумажку, где был записан адрес гидраэровцев. Милиционер почему-то сразу стал приветливым.

— Дядя, вот ваши вещи, — сказал мальчишка, стороживший по своему почину багаж Антона.

А милиционер любезно пригласил Антона следовать за ним. Их сопровождали шумной толпой мальчишки. Ребята сразу почувствовали, что человек, так легко сдвинувший огромные сани, замечательный человек. Мальчишки, решив, что Антон арестован, бежали за ним вперед, кричали, что гражданин не виноват.

Глава XXIX КЛЯТВА НА ПОЛОВНИКЕ

Так в сопровождении милиционера Антон ввалился в общежитие гидраэровцев. Все были в сборе. Только что закончилось обсуждение нового проекта глссера, который

разработала Настя. Раздался стук в дверь. В кают-компанию двинулись клубы пара. Когда они рассеялись, все увидели милиционера. За спиной милиционера высилась громадная фигура Антона. Антон был смущен.

— Добро пожаловать! — сказал Баграш.

— Поздравляю! — развел руками Карасик, решив, что Антон уже что-то натворил.

— О, тамада! — удивился Бухвостов.

— Милости прошу к нашему шалашу! — сказал Фома.

— Кто это? — шепнула Настя.

— Вам известен этот гражданин? — спросил милиционер, румяный и застенчивый.

— Как же, как же! — закричали все. — Он скоро всей Москве известен будет!

— А что такое? — спросил Баграш.

— Не обращайтесь внимания, — примирительно сказал Фома. — Садитесь, давайте чай пить.

— Такая, понимаешь, петрушка вышла... — смущенно забормотал Антон.

Он подробно рассказал о происшествии, виновато улыбнулся.

Милиционер, не в силах скрыть восхищения, поглядывал на него снизу вверх, и румяное его лицо теряло официальность.

— А я ведь вас признал, — сказал вдруг он Баграшу. — Я на матче вас видел, вполне приличная командочка. Вот этот товарищ, — указал он на Баграша, — в центрэ играет, а вы вот, — кивнул он на Фому, — полусредним стоите. Я к этому делу сам привержен. Футбол — явление отважное.

Гидраэровцы гордо улыбались.

— А это, значит, ваш будет? — спросил милиционер.

— Наш, товарищ милиционер, будущий чемпион.

— Очень приятно! — сказал милиционер. — Снежков моя фамилия. — Он строго повернулся к Антону. — Ну, принимая во внимание ваше провинциальное положение, как вы являетесь приезжий, то хочу вас предупредить за уличное нарушение...

И милиционер откозырял. В дверях он обернулся.

— Ну и парень! — не выдержал он. — Геркуланум!..²¹

— И шумный же ты человек! — сказал Карасик, обнимая Антона. — Не успел явиться, уже нагрешил.

Антон тормозили, с него стаскивали тулупчик.

— Молодец, приехал! — хлопнул его по плечу Баграш.

Антон вынул из заднего кармана брюк бумажник, покопался в нем и вытащил аккуратно сложенный документ. Этот документ дал ему горсовет физкультуры, отпуская в Москву.

Баграш взял документ и прочитал его вслух:

— «Дано сие вратарю сборной города Кандидову Антону Михайловичу в том, что за истекший сезон он не пропустил ни одного мяча в ворота и за проявленную инициативу, способствующую спасению города во время паводка, награжден грамотой и почетным знаком спасения на водах...»

— Здорово! — сказал Баграш. — Спасение на водах целого города.

— Теперь держитесь! Первенство Москвы наше! — закричал Фома.

— Опять? — иронически спросил Бухвостов.

Но Антон сдернул с себя пиджак и засучил рукава:

— Принимаю! Усохнуть мне на этом месте — ни одного мяча сроду не пропущу!

Он отбежал в конец зала и стал там, где когда-то были церковные царские врата. Мяча под рукой не было. Оглянувшись, Бухвостов схватил со стола большой глобус, снял с ножки

²¹ Тут имеется в виду Геркулес — непобедимый силач древних мифов; Геркуланумом назывался один из городов, погибших вместе с Помпеей от извержения Везувия.

и бросил в Антона. Ловким приемом вратаря Антон поймал над головой желто-голубой глянцевитый шар.

— Стой, замри! — сказал Карасик.

Антон стоял в царских вратах. Не целиком покрашенные угодники плавали за его плечами на взбитых облаках. Рослый и плечистый, он держал над головой модель планеты.

— Геркулес с глобусом! — сказал торжественно Карасик и подмигнул Антону. — Геркулес с глобусом... Вот такой стоял перед театром Шекспира²².

— Комсомольцы! — вмешалась мама Фрума. — Комсомольцы, рабфаковцы, допризывники, что вы делаете? Человек с дороги, человек устал, а они его уже футболеют, они его уже мучат... Не обращайтесь на них внимания — они просто сумасшедшие. Идемте, я вам дам умыться, закусите с дороги. Вы любите яичницу?

— Обожаю! — сказал Антон, послушно следуя за маленькой старушкой.

— Омлет или глазунью?

— Глазунью.

— Ах, какая досада! А я сделала омлет!

— Глубоко обожаю омлет, — сказал Антон.

Тут он увидел Настю. Настя стояла в сторонке и с радушным любопытством смотрела на него.

— Извиняюсь, — сказал Антон, — кажется, я не поздоровался... Такая петрушка! Извините, не заметил, здравствуйте.

— Ничего, — сказала Настя. — Ничего, я маленькая, трудно сразу заметить.

— Ничего подобного, совсем наоборот даже... — забормотал Антон. — Это просто с моей стороны даже непростительно...

— Омлет стынет! — закричала мама Фрума.

До ночи обо всем договорились. Баграш устраивал Антона в свою бригаду, сперва чернорабочим. Одновременно Антон поступал на учебу в заводской комбинат. Поселили его в одной комнате с Карасиком.

— Ну, мама, — сказал Баграш, — готовьте большой силос! Будем принимать.

И, когда на столе появилась миска с «большим силосом», то есть с винегретом, и руки всех сошлись на половнике, Антон возложил поверх всех рук свою мощную длань.

— Теперь повторяй за нами, — сказал Баграш.

Старательно окая, Антон повторял:

— Сим черпаю и вкушаю, сим клянусь, равный среди равных, на водах и на зеленом поле битвы славить надежной доблестью коммунара и верной советской службой свой очаг, и дом, и веселое товарищество наше. И если нарушу я словом, делом или тайной мыслью закон дружбы и труда, то не будет мне места за этим столом изобилия, и да минует меня круговая чаша!

— Ура! — рявкнули гидразоровцы и, рассаживаясь, запели свою песенку, давно уже сочиненную сообща для подобных случаев:

Сегодня старт! И смотрит с карт

Кривая даль похода.

Нас ждут и доблесть, и азарт,

И свежая погода.

Баграш, величественно орудуя половником, накладывал на тарелки винегрет. Ребята пели, раскачиваясь на стульях:

Лети, вода, греми, вода,

²² На родине Шекспира, в английском городе Стратфорде.

Налево и направо!
А ну, рваните, форварда!
Нас ждет любовь и слава.

Антон смотрел на поющих, то широко улыбаясь, то вдруг очень серьезно, не зная, как полагается держаться в таких случаях. Он был и сконфужен и польщен, Баграш дирижировал половником.

В походе мча и у мяча —
Одной полны мы страсти...
Но ждет нас финиша причал,
И там мы скажем: «Здрассте»...

В двенадцать часов все разошлись.

Фома Русёлкин и Бухвостов жили в одной комнате. Как всегда, перед сном они искали тему для спора. Сегодня эта тема легко нашлась.

— Ну и малый этот Антон... — начал Фома.

— По виду ничего еще нельзя сказать, — тотчас возразил Бухвостов.

— Нет, это сразу видно.

— Поглядим, тогда будет видно.

— В тебе чутья нет, Коля.

— Во мне чутья нет?... Поздравляю!

Спор был на мази.

Баграш уже собирался спать и сидел без кителя. Он читал принесенную ему из библиотеки Карасиком книгу. Вдруг к нему постучалась Настя.

Баграш накинул китель. Настя вошла и села.

— Ну, что скажешь, Настюшка?

— Ничего, так просто, поболтать зашла.

Баграш внимательно посмотрел на нее. Он видел, что Насте хочется о чем-то потолковать с ним.

— Ну, а конкретно? — спросил он.

— Да так, вот насчет новой машины. Мне кажется, мы слишком высоко редан закатили.

— Слушай, Настюшка, не виляй! — сказал Баграш. — Редан тут ни при чем. Ты что, о Кандидове хочешь мне сказать?

Настя вдруг покраснела.

— Ну, ну, — сказал Баграш, подбадривая.

— Ты знаешь, Баграш, — заговорила Настя, — о нем я тоже хотела сказать. Странное какое-то впечатление. Видно, что очень наш, но какой-то необыкновенный, я, по крайней мере, таких еще не видала. Я сама не знаю...

Баграш лукаво посмотрел на Настю.

— Ну вот, я так и знала, — раздосадовалась Настя, — обязательно у вас у всех такие мысли!

— Да что тут плохого? — забасил Баграш. — Парень действительно выдающийся, по-моему. Присмотрись. Вольница немножко, так? Ну, да мы его приберем к рукам, а так, что ж, очень славный малый. Карась мне его биографию рассказывал, прямо героика. И нос на месте, не то, что у других, — добавил он, усмехнувшись, и потрогал свой расплюснутый нос. — Иди-ка спать, Настюшка, пора.

Карасику комната его показалась в этот вечер необыкновенно тесной. Она была готова треснуть по углам. Пристанской голос Антона, его плечи, размах его рук, высота его роста едва вмещались в ней. Полураздетый, Антон стоял у зеркала. Он поглаживал выпуклую свою грудь, мям бицепсы:

— Здоровый я, Карасик! Ох, здоров, как бугай! Чего это у меня там на спине? Не чирый?

— Да нет там у тебя ничего, натерто немножко. Ложись. Хватит любоваться.

Карасик уже лежал. Репродуктор на столе выволакивал из шорохов и тресков далекую мечтательную мелодию. Антон лег.

— Где у тебя свет тушить?

— Там, у дверей.

Антон босыми ногами зашлепал к дверям, повернул выключатель, плюхнулся в постель. Постель затрещала. Оба закурили, хотя по уставу коммуны запрещалось курить перед сном в комнате. В темноте попыхивали папироски да слабенько светилась контрольная лампочка приемника. И друзья говорили вполголоса, как говорят ночью друзья.

— Ну как, Женюрка, жизнь движается?

— Хорошо, Тоша... А вот теперь и ты еще... Совсем здорово.

— Я вижу, ты у них авторитет тут.

— Да уж ты смотри, Антон, не подводи. У нас ведь с разбором принимают.

— Будь спокоен, со мной на мели не будешь... А народ у вас ничего, ладный. А играют как? Терпимо?.. Ничего, со мной не проиграют... — Антон сел на кровати. — Женька, а помнишь, как с Тоськой тогда? Вот дураки были!

— Еще бы! Раю помнишь? Как мы ей письмо из братской могилы писали...

И все теперь показалось им таким смешным, что они начали хохотать. И, чем больше они вспоминали, тем пуще их разбирал смех. Они катались по кроватям и, чтобы не будить соседей, утыкались головой в подушки. Они успокоились наконец, нахохотавшись до изнеможения.

— Уф...

— Ф-фу-у...

Некоторое время оба лежали тихо.

— А ты видел, как Настя на меня смотрела? — спросил вдруг Антон.

— Разве она смотрела?

— Факт смотрела. Классная девушка!

— Покойной ночи, — сказал Карасик.

— У вас всех только подход к ней неправильный...

— Покойной ночи, — повторил Карасик.

— Тут надо очень тонко подходить, — продолжал Антон. — Например...

— Я говорю: покойной ночи.

— Ну, черт с тобой, спи!

Вновь наступила тишина. По потолку ходили отсветы проносящихся фар.

— Эх, я и рад, Женька, что мы с тобой опять оба — два вместе!

— Да это здорово, действительно!

Они слушали далекие, затухающие удары башенных часов.

— Гуд найт, — сказал репродуктор. — Гуд найт эвери боди, гуд найт²³.

— Это в Лондоне, Биг-Бен²⁴ бьет полночь, — сказал Карасик.

Антон молчал. Луна продралась сквозь тучи. На окне холодным голубым блеском зажегся глобус. Антон засыпал. Опять прошла перед ним ослепительная витрина путешествий. Пальмы, чайки, корабли. Ветром Атлантики, Европы дуло из жерла репродуктора. Бронзовые облака поднимались над башней Эйфеля. По ней взапуски бежали огненные электрические буквы: Кандидов... Kandidoff...

Карасик услышал хрип к подсвистыванию. Они заглушали тихую музыку. Карасик

²³ Покойной ночи всем (англ.).

²⁴ Биг-Бен — часы на башне у парламента.

выключил приемник. Но порхающий хрип и легкий свист продолжались. Это уже всхрапывал Антон.

Карасик сел на кровати и, нагнувшись, старался рассмотреть в белесом лунном сумраке лицо Кандидова. Вдруг Антон зашевелился, замотал головой на подушке. Карасик услышал его бормотание.

— Именем особого... полный ход, — бормотал Кандидов. — Давай не задерживай...

«Счастливец, — подумал Карасик, — какие ему сны снятся!»

Скоро все спали. Только неугомимая мама Фрума, спустившись в кают-компанию, продолжала переставлять стулья, сметать крошки со стола. Затем она принесла рваные штаны Фомы.

— Ох, эти комсомольцы, рабфаковцы, допризывники! — ворчала она. — Так изуродовать штаны! Да приличный бы человек в такие штаны ни ногой.

Она принялась чинить и штопать продранный зад спортивных бриджей, в которых Фома тренировался в хоккее.

— Хорошо бы натянуть на что-нибудь штаны.

Мама Фрума поискала глазами по комнате. Потом она увидела глобус, взяла его, зажала подставку между колен и натянула на пегий шар рваные штаны. Она под села поближе к приемнику и, чтобы не будить коммунаров, выключила громкоговоритель, вставила вилку штепселя и надела на голову скобу с наушниками.

— Послушаем, что новенького, — сказала она тихо. — Интересно знать, какая завтра погода... Ну конечно, мне же везет. Стоит только начать слушать, как там говорят: «На этом мы заканчиваем нашу передачу». Что такое? Ага! «Будем вести опытную передачу изображений». Что такое? «Смотрите портрет Льва Толстого».

В ушах ее раздался ровный, гудящий треск пробной телепередачи²⁵.

— И это у них называется Лев Толстой! — Мама Фрума с досадой сорвала наушники.

Глава XXX «ВЗЯЛ!»

Антон стал жить в Гидразре. Карасик показывал ему Москву. Он таскал его за собой по улицам, выводил на только ему одному известные пункты, откуда открывались, по его мнению, особо замечательные виды на Кремль, на город, на небо столицы. Доставал Антону билеты на лекции. Антон терпеливо слушал лекции: «Новое в химии», «Психоанализ и мораль»... Потом Карасик предложил Кандидову пойти вместе с ним на большой литературный вечер в Политехническом музее.

— Это опять фиолетовая вобла будет? — спросил Антон.

— Дурак! — сказал Карасик. — Маяковский выступает.

Антон пошел, иронически усмехаясь. Он с недоверием ждал начала, но Маяковский поразил его с первого мгновения. Великий поэт вышел на эстраду, двинул стол, разметал стулья. Он не обращал внимания ни на аплодисменты, ни на шиканье. Он легко и уверенно распоряжался на эстраде. Все на нем было добротно. Антон сидел близко и видел крепкие ботинки на больших ногах. Фигурой поэт мог бы посоперничать с Кандидовым. Когда же, обведя зал глубокими своими глазами и медленно разжав большие, сильные губы, поэт потряс зал артиллерийской мощью своего голоса, Антон замер на месте.

Маяковский читал стихи, разговаривал с аудиторией. Он громил, отшучивался, негодовал. Оппоненты пытались что-то вопить с места. Поэт глушил их своим голосом. Он прочно стоял на дощатой эстраде, мощный, красивый, легкий в движениях. Колкости летели в него со всех сторон. Он мгновенно парировал самый неожиданный выпад и топил оппонента в грохоте оваций, в хохоте и в восторгах всей аудитории. «Вот так надо стоять в

²⁵ В те годы телевидение у нас проводилось лишь в опытном порядке.

воротах», — думал Антон, не сводя уже влюбленных глаз с Маяковского.

И поэт показался Антону непревзойденным голкипером, уверенно стоящим в воротах, непробиваемым, готовым с блеском и силой отбить любой удар. Когда же он узнал от Карасика, что первый журнал Маяковского назывался «Взял!», то был совсем ошеломлен. Взял!.. Ведь это же возглас вратаря, берущего мяч. Взял! Это восторженный крик зрителей на трибунах стадиона.

В тот же вечер Антон попросил у Карасика несколько томиков Маяковского и читал их всю ночь напролет. Да, вот таким надо быть и в голу — таким несокрушимым, яростным, знаменитым и великолепным.

Зимой Антона тренировали в хоккей на катке. Весь закованный в хоккейные латы, в огромных перчатках, в широчайших наколенниках, он был похож на снегоочиститель. В розыгрыше по хоккею команда не участвовала. Антона тренировали лишь для того, чтобы отточить его реакцию на мяч. После тренировки обычно приходила Настя, надевала ботинки с коньками. Антон бережно держал ее маленькую ногу в своих лапищах, помогал укреплять коньки. Потом, взяв друг друга за руки, крест-накрест, они разгонялись легкими рывками, влево — вправо, влево — вправо. Они неслись по кругу. Лед звенел, матовое зеркало катка, казалось, начинало вертеться, как чертово колесо. Настя теряла лед под ногами. Ей казалось, что она летит по воздуху, что сейчас ее вышвырнет за кромку, за сугроб.

— Будет! — умоляюще говорила она.

— Еще немножко...

— Хватит!

— Еще круг...

Потом Антон внезапно заворачивал — из-под ног его высекалась снежная пыль, и Настя всей силой разбега прижималась к его плечу. Он доводил ее до скамеечки.

— Ух! — говорила Настя, тяжело дыша. — Я не буду больше кататься с вами.

Но на другой день она опять приходила, и опять звенел лед, сверкали лезвия, и крепкие руки Антона не давали ей вырваться за бешено вертящийся круг.

Раз они сидели на скамейке у ледяной дорожки. Сзади стоял снежный болван с метелкой трубочиста, традиционно воткнутой в бок, с угольными глазами и замерзшей морковкой вместо носа. Они сидели спиной к снеговику и болтали. Это была обыкновенная дурашливая болтовня, которая кажется очень нужной, совершенно необходимой двоим, но всегда будет глупа и смешна третьему.

— О вас уже кругом поговаривают, Антон...

— И о вас поговаривают.

— Ну, что там обо мне!

— Гордая вы, говорят.

— Ерунда это, — сказала Настя, царапая концом конька лед. — А вы не скучаете у нас?

— Признаться, скучаю.

— О Волге?

— Нет, не о Волге. У меня тоска местная.

— Ну? Уж не влюблены ли?

— А что ж, — вздохнул Антон, — разве за это у вас в Москве милиция штрафует?

— Вы смешной и славный, — сказала Настя.

— А вы просто славная, но только мне не смешно, — сказал Антон.

Антон робел и совершенно не знал, как говорить с этой маленькой ясноглазой девушкой.

Вдруг на скамью свалилась снежная голова болвана. Настя вскрикнула и вскочила. Антон обернулся. У снеговика была теперь маленькая и печальная голова Карасика. Карасик стоял позади. Он вытащил из бока снежного туловища метлу и смешно потряс ею в воздухе.

— Вот вы где укромничаете, негодница! — сказал он с наигранным весельем, но глаза у него были скучные. — А я вас искал, искал...

Настя протянула руки Антону. Их словно ветром смело. Серебристая снежная пыль

побежала за ними по зеркалу катка.

— Добрый день, товарищ Карасик! — услышал он позади себя.

Женя оглянулся и увидел юриста Ласмина.

Юрист теперь частенько заговаривал с Карасиком, стараясь загладить неприятное впечатление от первой встречи. Теперь он докучал Карасику нудными рассуждениями о культуре, коллективе, интеллигенции.

«Вот действительно технобрех», — думал всегда в таких случаях Карасик.

— Да, трудно вам, — сочувственно сказал Ласмин и понимающе поглядел в сторону унесшейся пары. — Я ведь предупреждал — у вас будут тяжелые минуты. Как-никак, а вы среди них чужой.

— Но с чего вы взяли, что вы мне близки, что вам я свой? — рассердился Карасик.

— Они не простят вам интеллектуального превосходства, — продолжал вещать Ласмин, словно не слыша.

Он сел на скамью и стал надевать коньки.

— Не понимаю я вас, Евгений Григорьевич, — продолжал бубнить он. — Что это у вас — стиль, программа? Ну вот вы считаете, что спаслись от нашей скверны. Зачем же вы малых сих сманиваете на соблазны культуры? Ведь у них нет вашего иммунитета.

— Слушайте, подите вы к черту! — вышел из себя Карасик. — Что вы ко мне вечно пристаёте с этими дурацкими разговорами?

— Глядите чаще в зеркало, — сказал Ласмин, — вы тогда многое поймете, но глядите мужественно. Вот склеротическая жилка в виске, вот ваша милая умная сутулость. Они вам не простят — вы им чужой.

— Слушайте, — сказал Карасик, — какие у вас основания?

— Мне много говорил о вас Димочка Шнейс.

— А-а... — сказал Карасик.

Он немножко успокоился, но ему было не по себе. Этот козлообразный иезуит наступал на больную мозоль. Не то чтобы Карасик считал себя чужим, но иногда в нем просыпалась прежняя мнительность, и ему казалось, что он не совсем свой, не совсем равный в Гидраэре. Сейчас ему было очень досадно, что юрист сумел снова испортить ему настроение своими вздорными тирадами. Он очень обрадовался, увидя приближающегося Фому.

— Фома, иди сюда, — закричал он весело, — иди сюда, друг!.. Вот мы тут с товарищем Ласминым насчет культуры толкуем. Как, по-твоему, ты у нас культурный?

Фома посмотрел на них, силясь понять, к чему все это клонится.

— Не очень, — сказал Фома, — мне еще учиться да учиться, конца-краю нет. Но кой-чего знаю.

На нем были бриджи, искусно заштопанные мамой Фрумой. Хоккейная клюшка торчала у него из-под мышки. Фома ехидно посмотрел на юриста.

— Ну, раз вы такие культурные, — сказал Фома, — то вот быстренько, ну-ка. Вот вам два шара. — Он указал на снеговую бабу. — Формулу объема знаете? Ладно, скажу: четыре третьих пи эр в кубе. Вот вам шар. А ну, вычислите объем и приложите формулу практически.

— Дайте мне сантиметр, — сказал Ласмин, — обмеряю вам в две минуты.

— А без сантиметра не можете? — торжествующе ухмыльнулся Фома. — А я вот без сантиметра. Вот клюшка, допустим. Клюшка, значит, как раз два эр. — Он смерил поперечник шара клюшкой. — Выходит, значит, объем этого шара равняется четырем третьим пи — половина клюшки в кубе. По хоккейным правилам клюшка имеет метр пятнадцать сантиметров. Вот и вычислить можно легче легкого. Надо практически соображать. Первый вопрос, значит, неуд. Плохо ваше дело... А вот, погодите-ка, Дон-Кихота читали?

— Ну, я думаю!..

— Тогда скажите: какая у него была политическая ошибка, когда он мельницы

колошматил?

— Это не политическая ошибка, — возразил Ласмин, — это противно здравому смыслу, просто сумасбродство.

— Нет, — сказал Фома, — виноват, бить надо было, только не мельницы, а мельников, чертей пузатых.

Ласмин обескураженно молчал. Карасик давился от смеха.

— Это я не сам придумал, — добродушно сказал Фома. — Где мне!.. Это я по книжке прочитал у английского писателя. Честертон. Так, Карасик, правильно?.. Да, читать надо с умением... — снисходительно добавил Фома и похлопал взбешенного Ласмина по плечу. — Что, Карась? Дал я ему пить, и чаю не попросит, — сказал довольный Фома, когда Ласмин отъехал на коньках.

Весной начались футбольные тренировки. Первое время из-за переоборудования собственного стадиона гидразоровцам пришлось тренироваться на поле своих исконных соперников — магнетовцев. Там Кандидов увидел знаменитого Цветочкина. Блеск его ударов ослеплял любителей. Они топтались у ворот, по которым бил Боб Цветочкин. Боб не бегал сам за мячом. Ему давали мяч в ноги. И он снисходительно достаивал мяч прикосновением своих ног. Но удары его были безошибочны. Мячи точно входили в верхние углы ворот, проходили у самых стоек, и вратарь «Магнето» ничего не смог с ним поделать.

Антон стоял в воротах тренировочного поля. Весь народ толпился у ворот магнетовцев, восхищался знаменитым Цветочкиным. У ворот Антона сидели только мальчики, охотно бегающие за вылетевшим с поля мячом.

Цветочкин уже слышал о каком-то легендарном лапотнике, которого вывезли с Волги гидразоровцы. Он отбежал к краю поля и озорства ради нацелился в Кандидова. Не ожидавший нападения с этой стороны, Антон получил сильный удар в щеку и не успел схватить мяч. Мяч отскочил в сетку. Оглушенный, облизывая разбитую губу, он смотрел на Цветочкина.

Мальчишки покатывались:

— Цветочкин бьет, так держись!

— Что, не вкусно? — спросил Боб.

— Это тебе не арбуз, — подзуживал конопатый партнер Цветочкина, неотступно следовавший за ним.

— А ну еще! — угрюмо сказал Антон.

Разыгрался поединок. Боб пробил — Антон взял. Боб ударил — Антон поймал. Бьет... взял! Бьет... взял! Потом Боб медленно и церемонно подошел к Антону и великодушно похлопал его по плечу.

— Задатки есть, ничего, — сказал чемпион. — Но где метуда? Метуды не чувствую. В хорошие руки вас — может, что-нибудь получится.

Он отошел и, глазами показывая конопатому на Антона, поднял большой палец.

Когда тренировка кончилась и Антон выходил из ворот стадиона, подошла, мягко пришепетывая шинами по асфальту длинная «породистая» машина. Навстречу из ворот вместе с Бобом Цветочкиным и конопатым магнетовцем вышла тонкая белокурая девушка с ярко окрашенным ртом. Она подошла к машине и положила руку на сверкающий лак дверцы. Длинная машина словно ластилась к ней. Антон долго старался припомнить, где он видел эту девушку, белую шляпу, нарисованный рот, лаковый глянец дорогой машины. Вдруг он вспомнил витрину путешествия. Это была девушка с плаката. Может быть, не она была нарисована там, но на десятке глянцевых листов, у длинных сверкающих автомобилей стояли именно такие девушки.

— Э-э, послушайте! — крикнул Цветочкин. — Кандид Антонов, э-э, виноват, не заглянете с нами тут, поблизости, перекусить.

— Так сейчас же работать, — простодушно отвечал Антон.

С завода уже доносился гудок его смены.

— Работать? — засмеялся Цветочкин. — Что мы с вами — рыжие?
— Вот черт! — восхитился конопатый.
— Кто это была? — спросил у него Антон.
— Не знаешь?.. Вашего профессора дочка.

Весна оказалась очень трудным временем. Целые дни шли испытания новой модели в аэротрубе и на гидроканале. Надо было заниматься по ночам, подгонять к зачетам. На тренировку оставались считанные часы. Баграш не хотел сразу раскрывать свои новые карты и показывать Антона в первых сезонных матчах. Баграш берег Антона, как тайно припасенный козырь. Кроме того, он боялся, что Антон, волнуясь в первом матче, может сразу испортить в Москве свою репутацию. А тренировки уже ясно показали Баграшу, что команда приобрела совершенно феноменального вратаря. Опытный футбольный капитан, Баграш строго рассчитал действия. Он хотел сразу поразить Москву.

Первые два матча играли в области, выезжая за Москву. Районные команды были самыми подходящими противниками для первых в сезоне матчей, когда игроки Гидраэра были еще не крепко стренированы, не вошли, как говорится, в форму. Антону в первой игре забили один мяч, но во втором матче он не пропустил ни одного, хотя били ему много и опасно. В результате оба этих матча выиграли гидраэровцы. Затем Баграш вызвал на матч одну из средних московских команд класса «Б». Матч был товарищеский, решили даже не расклеивать афиш. Но Баграш уговорил председателя футбольной секции столицы приехать взглянуть на замечательного вратаря. Председатель Никольский приехал. Матч этот был серьезным испытанием для Антона. Ему пришлось немало потрудиться. Но и из этой игры он вышел сухим. Никольский был озадачен его игрой. Техника Антона, его сила, смелость броска и непостижимое чутье в выборе места, куда направляется мяч, поразили Никольского.

На следующем же заседании он поставил Антона Кандидова запасным вратарем в тренировочный матч сборных команд Москвы. На заседании многие запротестовали — никто не знал Кандидова. Но помощник Никольского, бывший с ним на матче, подтвердил, что новый вратарь гидраэровцев уже сейчас может заткнуть за пояс самых знаменитых вратарей столицы.

Глава XXXI В ГОЛУ — КАНДИДОВ

Антон почти не надеялся выйти на поле в этот раз. Имя Колоскова было ему хорошо известно. Правда, в глубине души Антон уже подозревал, что он сам может сыграть не хуже Колоскова. Глядя из люка на поле, где шла игра, Антон изнывал от досады. Эх, какой мяч пропустил!.. Ему уже становилось досадно, что его поставили запасным, что он не попал в основной состав. «Затирают молодых», — думал он. Злой, ушел он в раздевалку и лег в пальто, надетом поверх майки, на скамью.

И вдруг к нему подбежал один из заправил стадиона.

— Кто здесь Кандидов?.. Вы Кандидов? Одеты? Выходите и становитесь, замените Колоскова. Никольский сказал.

Антон ринулся к выходу, боясь, что кто-нибудь опередит его.

Бледный Колосков, хромая, шел навстречу. Он устало улыбнулся Антону:

— Перчатки у вас какие? А то возьмите у меня... австрийские.

Кандидову на минуту стало жаль выбывшего из игры чемпиона. Он почти не сомневался сейчас, что, раз встав в ворота сборной, он уже не уступит их никому. Но в эту минуту с тугим металлическим звоном кто-то железный провозгласил его собственное имя. И оно зазвенело, загремело изо всех углов — сверху и снизу. Это рупоры объявили, что Колоскова заменит Антон Кандидов. И тут имя, собственное и привычное его имя, слегка перевернутое, произнесенное с силой, недоступной человеку, словно написанное гигантскими буквами до самого неба, само стало огромным во весь нарядный распах стадиона. Оно

отделилось от Антона, стало чем-то самостоятельным, живущим само по себе, впервые сделавшись достоянием многих тысяч ушей.

— По-о-озволь! — сказал Антон и, отстранив кого-то, выбежал из люка в ослепительно зеленую долину.

Он слышал колкие шутки и смешки и чувствовал, что все недоумевают. Он знал, что каждый из тридцати тысяч сидящих по склонам трибун готов освистать его, новичка без роду и племени, посмеявшегося занять почетнейшее место в воротах столицы. Это взбесило его. И всем назло он решил играть с подчеркнуто наглым спокойствием. Он очень волновался и почувствовал противную слабость в коленках, но вспомнил Маяковского, прочно стоящего на эстраде под ураганным огнем аудитории.

— Взял! — сказал он. И взял себя в руки.

Каково же было изумление зрителей, когда огромная, хорошо сложенная фигура новичка пришла в движение и начисто заслонила ворота. Большое статное тело наискось, по диагонали, неслось перед воротами, ныряло в ноги набегающей яростной гурьбы, скользило по земле, дотягивалось в самый последний момент до мяча, плюща его в чугунной хватке. Или вдруг высоко взлетало над верхней штангой — и тотчас следовал мягкий шлепок широчайшей ладони или приглушенный «тбум» мяча. Овации казались лишь звуковым продолжением, акустическим выражением этой блестяще управляемой телесной силы. Через пять минут Антона уже обожали.

— А, Кирилл Капитонович? — спрашивал молодой болельщик у дяди Кеша.

— Ничего, ничего, толково, — отвечал дядя Кеша, за пять минут до этого еще уверявший, что все это афишка. — Поглядим, поглядим, — добавил он спохватившись.

— Ну, а теперь что скажешь, дядя Кеша? — спрашивали матерого болельщика через минуту, когда Антон словил совершенно невидимый мяч.

— Ничего не скажу, брать может, — говорил дядя Кеша.

— Выкидывает-то, как из пушки, дьявол! Ну и гольман!²⁶

— Это по ветру, — не сдавался дядя Кеша.

— Смотри, какой принял!

— Ну, это просто везение, дуриком взял.

Антон стал играть с подчеркнутым спокойствием. Он двигался как будто расслабленно, с этакой нарочитой вялостью. Мяч катился к его воротам в бешеных ногах нападающих, а он спокойно подтягивал трусы, рассматривал узел на шнурке, смахивал за ворота налипшую на губах шелуху семечек... И только в самую нужную секунду все эти как будто расслабленные мышцы и взгляд, полный умышленного пренебрежения, собирались, сжимались, концентрировались в великолепно отточенном безошибочном броске. Через пятнадцать минут стадион был прямо-таки влюблен в Кандидова. Дядя Кеша сдался.

— Взял? — спрашивал он у соседей, не веря своим глазам, когда Антон брал наверняка пробитый мяч.

— И не поморщился, — отвечали ему. — Взял и расписку выдал...

— Толково стоит голлер, — говорил уже сам дядя Кеша, — крепко стоит... Как об стену горох.

— А место как знает!..

— Что верховой, что низовой...

— Как с дерева снимает! А надо бы ему один всунуть, чтобы форс сбить, — говорил дядя Кеша. — Как его объявили-то? Кандодов? Откуда это его взяли?

Первая сборная, уверившись в полной непробиваемости своих ворот, перешла в нападение.

Один за другим были забиты в ворота второй сборной три мяча.

Приближался конец матча, и игра стала злой. Игрокам второй сборной казалось, что

²⁶ Гольман, голлер — вратарь на жаргоне старых болельщиков.

они совершенно случайно упустили верный выигрыш. Они пытались исправить результат, наверстать упущенное.

С Антона слетела его напускная томность. Тут уже некогда было красоваться, приходилось работать на совесть. Ему порвали трусы, его немножко помяли в одной из жестоких схваток у ворот. Он не сдавался. Менял трусы, тер ушибленное место, и опять вставала в воротах, головой почти достигая верхней штанги, исполинская его фигура, с непостижимой точностью оказывающаяся как раз в том месте, куда был направлен удар. С удивительным чутьем он находил фокус любой комбинации — точку, в которую только и может ударить противник. Как ему хлопали! Он слышал подбадривающие возгласы. Теперь он чувствовал: все за него.

Конец игры прошел в бешеной толчее у ворот. Не чувствуя боли от ушибов, полный злого азарта и ненависти к нападающим, он бросался под ноги, катался, выдирая, вылушивал мяч из плотной груды тел и стискивал его в объятиях. Свисток судьи застал Антона лежащим на мяче. Он вскочил, думая, что назначают спорный или штрафной. Он тяжело дышал, обалдело поводя глазами.

Рев стоял кругом. Его фамилия повторялась со всех сторон, его имя во всех направлениях пересекало пространство над полем. Цветочкин, только что нападавший, сразу обмякнув, весело подбежал к нему. Антон еще ничего не понимал. Инстинктивно он отвел руку в сторону и заслонил собой мяч, оборонительно выставив вперед локоть.

— Свисток был, — примирительно сказал Цветочкин, — кончал базар. Классно стояли! Поздравляю! Колоскову закрыться!

Команды уже собрались в середине поля, прокричали «Физкульт-ура». «Враги» шли, обнявшись, хлопая друг друга по потемневшим, взмокшим спинам. Подбежали Баграш, Фома; они обнимали Антона. Протискивался Карасик. Он был возбужден, что-то говорил с восторгом, неистовствовал, размахивая руками. Но ничего не было слышно. Плотная толпа сбежавшихся зрителей сгрудилась у входа. Мальчишки лезли вперед, задирали головы и замороженными глазами смотрели в лицо Антону.

— Хорошо, хорошо, браво!.. — кричали Антону со всех сторон.

У самого его лица щелкали лейки фоторепортеров.

— По-о-озволь! — мягко говорил Антон и пробирался к раздевалке.

Внизу, около раздевалки, где было тихо и прохладно, к нему подошел Колосков. Он был уже в пиджаке, но еще в трусах.

— Ну, спасибо, молодец Кандидов! — сказал он прерывистым голосом. — Теперь мне спокойно можно в запас, есть кому стать. Только чтобы и дальше так! Ладно?

Он потряс обеими руками засунутые в перчатки кисти Антона. Потом схватил порывисто Антона выше локтей и поцеловал его в обе щеки. Все кругом молчали. Устыдившись своей нежности, Колосков вдруг сказал суровым и любовным тоном, каким говорят с учениками учителя музыки:

— Вот надо только над нижними углами немножко поработать — это еще не совсем чисто у вас идет. Поупражняйтесь. Надо будет пройти с вами. Когда у вас тренировка? Я зайду, кое-какие секреты покажу...

Отчеты о матчах были напечатаны во всех газетах. Но матч был неофициальный, тренировочный, и отчеты были напечатаны петитом. Почти во всех информациях отмечалось, что победители многим обязаны блестящей игре молодого вратаря, впервые ставшего за сборную Москвы. Фамилия была почти везде переврана — Кандодов. А одна, вечерняя, написала: Кантонов. Только в вышедшей через два дня специальной спортивной газете Антону был уделен почти целый абзац, строк на двенадцать. Отмечалась отличная реакция Кандидова.

«При этих данных, — кончался абзац, — если вратарь будет неустанно работать над собой и откажется от некоторой опасной рисовки, он может стать голкипером высокого класса».

Рядом был помещен фотоснимок: «Момент у ворот первой сборной. Вратарь Кандидов

берет опасный мяч». Снимок был сделан из-за ворот, и лица Антона не было видно. Антон вырезал отчеты, принесенные из редакции Карасиком. После громового успеха на стадионе Кандидов ждал большего. Его немного обидел сдержанный гон похвал. Но его успокоили. Карасик сказал, что так полагается.

Пряча вырезки, Антон застенчиво сказал:

— Вот, Карасик, все-таки правильно жизнь у нас поставлена. Каждый свое может. Вот и мое фамилие в дело пошло.

— Антон, сколько раз! Не фамилие, а фамилия.

— Ну, пускай фамилия, — благодушно сказал Антон. — Это у Лермонтова фамилия, а мое сойдет пока что и так.

...Начался весенний календарь, лиговые игры, розыгрыш первенства. Это был календарь славы Антона. Гидраэр выступал в классе клубных команд. И от матча к матчу имя Кандидова становилось все известнее. Гидраэровцы в своей группе не проигрывали ни одного матча. Но встречи часто кончались вничью: нападение гидраэровцев не всегда умело забить мяч в чужие ворота, а Антон редко пропускал в свои. И в результате: ноль — ноль. Потом Баграш несколько изменил тактику игры. За ворота можно было быть спокойным, и команда теперь смелее нападала.

На одном из матчей Гидраэра, окончившемся очередной «сухой» ничьей, Карасик, проходя мимо будки телефонного автомата, увидел за стеклом Димочку Шнейса. Он передавал в свою редакцию отчет о матче.

— Да, да! — доносилось из будки. — Сегодня опять выиграли гидраэровцы. — Зажав ухом и плечом трубку, Димочка спешно раскладывал листочки записи. — Что? Гидраэровцы... Нет «ы»? Я говорю: ы. Кандидов опять не пропустил ни одного мяча. Он, безусловно, лучший вратарь Москвы. Мертвая хватка. Гидраэровцы... Да нет! Ы, ы, — говорю я вам! Давайте по буквам!.. О-о-о!

Через десять минут, спустившись в раздевалку, Карасик с изумлением увидел, что рядом с Антоном сидят Ласмин и Димочка. Антон бормотал что-то невнятное и беспомощно оглядывался. Димочка спешно записывал. Увидя Карасика, он вскочил.

— Евгению Кар — эвоэ, привет! — закричал он. — Всего хорошего, Антон Михайлович, мы еще встретимся!

Он помахал рукой и вылетел из раздевалки.

— Гони его в шею в следующий раз, — сказал Карасик Антону.

— А он про меня статью хочет написать, — объяснил Антон.

— Ты не знаешь, что это за тип!

— Очень веселый хлопец, — сказал Антон.

— Мое дело предупредить! — отрезал Карасик.

После матча со сборной Поволжья, где Антон опять отличился, предстояла традиционная встреча с Ленинградом. Матч этот был очень серьезным, и в совете футбольной секции многие ни за что не соглашались признать кандидатуру Антона. За него заступилась «Комсомольская газета». Она обругала руководителей за косность, потребовала продвижения молодых и ядовито напомнила проигрыш прошлого сезона.

Игра в Ленинграде принесла новую славу Антону. Игроки, ездившие в составе сборной, целую неделю не уставали после рассказывать о подвигах Антона в воротах сборной Москвы. Даже сдержанные ленинградцы были ошеломлены. За Антоном, хотя он и пропустил в Ленинграде один гол в свалке у ворот, уже прочно установилась кличка «сухой» вратарь. Сборная Москвы ездил на юг. И там Антон подтвердил это прозвище, не пропустив ни одного мяча.

Газеты в один голос называли его лучшим вратарем страны. И вскоре, когда составлялась сборная Республики, вратарем ее был утвержден единогласно Антон Кандидов. Его уже прочили вратарем сборной команды СССР.

Это были дни полного счастья Антона. На заводе все ладилось. Часть зачетов он успел сдать, другие ему отложили, найдя причину отсрочки уважительной. С работой он

справлялся; для тренировки ему было выделено специальное время. Баграш иногда журил и школил его. Изредка заглядывал Карасик. Настя хорошела и улыбалась при встрече с ним. Он никак не мог понять ее. Уже не раз он твердо решал сказать все начистоту, но каждый раз терялся, умолкал и порол чепуху.

Поговаривали о том, что скоро приедет знаменитая команда клуба «Королевских буйволов». Если бы они приехали, Кандидов мог бы держать экзамен на международный класс.

Глава XXXII

ПРОФЕССОР ТОКАРЦЕВ И ДРУГИЕ

Профессор Токарцев принадлежал к лучшим представителям старой московской профессуры. Крупнейший теоретик гидроавиации, он был известен не только в Европе, но и за океаном. Он славился знанием всей подноготной старой Москвы, широким замоскворецким хлебосольством, природной веселостью, хорошими манерами и простецкой легкостью в общении с людьми. Он знал толк в старых гравюрах и беговых лошадях и был не дурак по части вин. Но не коллекционировал первые, не рисковал на вторых и не злоупотреблял последними. Ему было около шестидесяти. Но огорчительное отложение жирка портило ему лишь фигуру, а не настроение. Он брился каждый день, делал по утрам гимнастику по Мюллеру, и складка на его брюках была остра, как форштевень. В свободные часы он сам уверенно водил машину, которой наградило его правительство, причем на загородном шоссе дожимал стрелку спидометра до 90. Читая на другой день об автомобильных катастрофах, он холодел, клялся себе, что будет осторожен, но за рулевой баранкой забывал о страхе — «какой русский не любит быстрой езды!»

В революцию у него пропали сбережения в банке, Токарцев горевал недолго, предпочитая не вспоминать о прошлом, которому хорошо знал цену. От эмиграции он с омерзением отплевывался. В первые же годы революции его пригласили работать. Человек он был любопытный. «Это совсем особенный народ, — говорил он, присматриваясь. — Интересно все-таки, что у них получится». Размах работы был ему по душе. По его предложению утвердили строительство грандиозного гидроканала для испытания моделей. Он уже больше десятка лет носился с этой мечтой и сразу увлекся новой работой, работал не за паяк, а за совесть. С живым интересом и со страстным любопытством сближался с новыми людьми и незаметно перестал говорить «они», «у них», перейдя на «мы», «у нас».

Он близко сдружился с Баграшом и всячески покровительствовал, помогал маленькой коммуне гидразорцев. Его занимали дерзость и упрямство, с которыми Фома Русёлкин, Яшка Крайних бросались в гущу самой премудрости науки. Ему импонировал футбольный задор, командное братство, бешеное упрямство, стиснутые зубы, дьявольская усидчивость.

Настю он считал очень талантливым конструктором, а последний маленький спортивно-испытательный глоссерчик типа «аутборт» поразил даже изобретательного Токарцева своей технической смелостью. Профессор частенько заглядывал к бывшему «Николе-на-Островке». Он называл коммуну «институтом благородных парней».

Его природное любопытство проявлялось даже в особой манере разговаривал. Почти каждую фразу он заканчивал вопросом «Что?», как будто интересуясь немедленным ответом собеседника.

«Воспитанный человек не станет курить в комнате ребенка, органически не выдержит сидения в присутствии стоящей дамы. Он физически не может ужиться спокойно с несправедливостью. Что? Будьте воспитанны, друзья!»

Дом у Токарцевых был открытый, гостеприимный. Готовили вкусно, подавали много, пили в меру. Профессорша Мария Дементьевна была многоопытной хозяйкой, умеющей занять гостя, угостить досыта и не замечать пятен на скатерти. Это была неугомонная толстуха. Она ездила в Ессентуки, призывала на помощь все силы природы: воды, горы, электричество, массаж, теряла по восемнадцать кило и в первый же месяц по прибытии в

Москву прибавляла в весе двадцать.

Мария Дементьевна была очень восторженна и легко меняла предметы своего восхищения. «Обиды» 1917 года она не забыла. Но Арди, как она называла профессора, был доволен большевиками.

— Они сработались с Арди, — говаривала Мария Дементьевна.

И вскоре от нее можно было услышать, как она экзальтированно восклицала:

— Ах, наши комсомольцы, это чудо! — таким же точно тоном, каким она несколько лет назад говорила на благотворительных базарах: — Ах, наши серые незаметные солдаты, это чудо!..

Слово «глиссер» она произносила как «глиссэр». А дочку Аделаиду называла Ладой.

Лада родилась уже с готовым убеждением, что она призвана украшать собой белый свет, и была довольна тем, что существует и выполняет это высокое предназначение. Раз решив так, она уже больше не затрудняла себя никакими вопросами о целях жизни. Так подгоняла она в детстве, заглянув в конец учебника, задачку под готовое решение. Она была очень миловидна, а некоторые погрешности, допущенные природой, легко и умело восполнялись искусственно.

Карасик совершенно не выносил Лады. Ему казалось оскорбительным, что у профессора Токарцева могла быть такая дочка. Ему было обидно, когда он слышал, как Лада обращалась с изящной фамильярностью при посторонних к Ардальону Гавриловичу:

— Слушай, папеч, я заберу сегодня твою машину. Не сердись, крошка. Але, гоп!.. Состоялось... — и уезжала на машине.

А профессор должен был ждать, пока подадут ему заводскую, или шел пешком.

Это был особый тип девушек, над всем хихикающих, ко всему относящихся свысока, со всеми — запанибрата. Карасик панически боялся их. С такими девушками он чувствовал себя полным дураком, терялся и действительно глупел перед этой лучистой и победной пустотой.

— Абсолютный вакуум в голове! — сокрушенно восклицал профессор.

Штатным и домашним философом Лады был, конечно, Димочка.

— Он немножко шпанистый, — говорила Карасику Лада, — он босяк-джентльмен, я это обожаю. Он типичный эпикуриал.

— Эпикурец? — спросил Карасик.

— Не придирайтесь!.. Ну вот, вы вечно придираетесь, — надулась Лада. — Учитесь мыслить независимо.

Узнав, что Карасик тренируется в футбол, она хохотала не меньше пятнадцати минут. Карасик стоял мрачный и молчал.

— Тоже мне футболист, — сказала Лада, — воображаю себе! Зачем вы из кожи вон лезете? Писали бы себе... Выше головы не прыгнете.

— Я буду играть в футбол, — упрямо сказал Карасик.

— Воображаю. Чудес на свете не бывает.

— Я не колдун, но иногда действую вопреки природе, как все энтузиасты.

— Это из передовицы вашей газеты?

— Нет это из сказок Эрнста Теодора Амедея Гофмана, — сказал Карасик.

— Боже мой, и его сагитировали!.. — ужаснулась Лада.

Карасик пришел к Токарцеву, чтобы профессор просмотрел его большой очерк. В нем Евгений Кар развивал идеи двухлодочного глиссера и ратовал за строительство скользящего экспресса. Конструкторская бригада Гидраэра под руководством Насти и Баграша уже составила эскизный проект, совершенно фантастический по внешности, но вполне реальный по существу машины. Это был огромный, стоместный, двухлодочный глиссер, предназначенный для срочных морских поездок. В кругах глиссеростроителей к проекту отнеслись с недоверием. Правда, бригада работала под покровительством такого авторитета, как Токарцев, но все же проект казался слишком смелым, неосуществимым.

Карасик последовал за Токарцевым в его кабинет. Квартира у Токарцевых была прохладная, шторы были приспущены. Но слишком много тут было картин, портьер. На этажерках, секретерах, комодах, полках стояли фарфоровые статуэтки, вазочки, стаканы, фужеры... Страшно было повернуться, чтобы не задеть что-нибудь. Карасик вспомнил, как Фома Русёлкнн, придя к нему впервые, спросил:

— Так и живете при магазине?

Но кабинет Токарцева казался комнатой из другой квартиры. Все носило здесь отпечаток деловой, рабочий. В кабинете было много света. Лекала, угольники валялись на окнах и на полу. Кругом лежали свернутые в трубку, засунутые в черные цилиндры чертежи, синька. калька. Добротный ватман был наколот на чертежные доски. Стояли баночки с тушью, флаконы всех цветов. На стенах, выкрашенных голубой эмалевой краской, висели портреты знаменитых ученых и деятелей авиации — Жуковского, Нестерова, Блерио, братьев Райт: Орвиля и Вильбура. Карасик узнал в других рамках Фармана, Кертиса, Эсно Пельтри, Сикорского, Цеппелина, Циолковского, Валье, Сигрева.

На профессоре была бархатная пижама с гусарскими шнурами, и сам он смахивал на художника в своей мастерской. Он внимательно читал статью Карасика, ставил на полях красные галочки.

— Талантливый, черт возьми, вы человек! — сказал он закончив.

Ему вообще нравился Карасик.

— Что? Вот это: «Глиссер, ищущий опору в собственной скорости, неся в себе принцип интенсивного воздействия на среду, ближе нам и по духу, чем экстенсивное, относящееся к воде инертно, поддерживаемое древней архимедовой формулой, круглое судно». Тут, конечно, много вольности, — продолжал профессор, — но дух схвачен верно. Что?.. А вы любите скрипку? — спросил вдруг профессор. — Что?

Он вообще любил задавать неожиданные вопросы.

— Не очень, — сознался Карасик.

— Скрипку не любите? Как же так? — огорчился профессор и даже карандаш положил.

— Я очень люблю музыку, — сказал Карасик, — но у скрипки и колоратуры мне неприятна витая тонкость звукового хода. Нет объемности... Это пронзительный штрих скорее. А вот рояль, баритон — это трехмерный звук, развернутый в пространстве, густой по акустической консистенции тон. Он облегает стены, им заполнен зал до краев.

Профессор с интересом слушал его. Он подумывал, о чем бы еще спросить Карасика. Ему просто не хотелось его отпускать.

— Забавно, — сказал он. — У вас все по-своему получается. Это, вероятно, и есть сущность вашего литературного дела.

Они говорили о живописи, искали сродство между цветом и звуком. Карасик заговорил о Григе, которого любил с детства. Угловатую, лаконическую музыку северного композитора с его мелодиями, ниспадающими по уступам, как водопад, Карасик дерзостно сравнил с живописью Врубеля: «У них от перенасыщенности, от внутреннего неистовства, при внешней немногословности краски и формы выпадают кристаллами».

— Скажите, — вдруг спросил Токарцев, — а можете вы на такие вот темы говорить у вас там... ну, у наших благородных парней?

— Еще как! Может быть, не в такой форме, — сказал Карасик, — но говорим мы очень часто.

И он рассказал профессору, как говорил полуголодным, замерзшим судоремонтщикам в саратовском затоне о Леонардо да Винчи, о Микельанджело.

— Вы молодец, Евгений... Евгений...

— Григорьевич...

— Евгений Григорьевич! Молодец вы. Что? Круто сломали линию хода и пошли к этим чудесным ребятам. Вы знаете, у них есть какая-то врожденная воспитанность.

— Правда, хорошие ребята?

— Отличный молодой народ, хорошие головы, свежая кровь!

— Очень уж они жадные. Глодают все, что ни попало, прямо кашалоты.

— Ничего, я надеюсь, они не заболеют рецидивами наших интеллигентских хворей... Сомнение, тоска, виноватость и так далее. Честное слово! Жаль, поздно мне, а то я бы тоже и в футбол начал играть. Что? Честное слово!

Выходя из кабинета вместе с профессором, Карасик разглядел в уютном сумраке гостиной несколько сидящих фигур. После светлого кабинета он в первое мгновение не видел лиц, потом он рассмотрел Ладу, Марию Дементьевну, Цветочкина, Ласмина, Димочку. Кто-то еще сидел в сторонке у рояля.

В гостиной сумерничали. Но вдруг малиновый закатный луч, пористый и кишащий пылинками, проник сквозь разрез в шторе и упал на голову сидящего поодаль. Карасик увидел, как ярко вспыхнула знакомая прядка.

— Видите, — заговорил тотчас Ласмин, — Антон Михайлович — подлинный избранник славы! Даже луч находит в темноте его и останавливается именно на нем.

— Bravo, bravo! — сказала Мария Дементьевна. — Вам, Валерьян Николаевич, надо было быть поэтом, а не юристом.

Антон увидел Карасика, встал неловко, потом снова сел.

— Здорово, Женя! — сказал он с нарочитой развязностью. — А я вот с тренировки зашел.

— Ого! — воскликнула Лада. — Вас, видно, строго держат — отчет приходится отдавать.

— Не отчет, — пожал плечами Антон, — а надо же объяснить, раз он не знает.

— Ничего не надо объяснять, все понятно... — Карасик раскланялся. — Антон, у нас к восьми кружок.

— Если вам так надо, идите, — сказала Лада. — Он сейчас.

— Иди, я сейчас, — сказал Антон.

Димочка, стоявший в сторонке, картинно развел руками, иронически поглядывая на Карасика.

— Послушайте, — грубовато сказал Боб Цветочкин, — оставьте вы его в покое. К чему ему все эти ваши кружки?

— Он мячи берет недостаточно идеологически четко! — захохотал Димочка.

— У вас, видимо, кругозор не шире ста двадцати на девяносто...²⁷ — вызывающе заметил Карасик Цветочкину.

Его перебил Ласмин:

— Боб абсолютно нрав. У нас не умеют еще беречь, ценить...

Он стал многословно бубнить о национальном почете, которым окружают за границей известных спортсменов, привел известный пример с финским бегуном Нурми, которому при жизни поставили памятник, вспомнил, что сам президент жал руку французскому боксеру Карпантье, когда тот отправлялся защищать честь нации в Америку...

— Жаль, вы не были, Ардальон Гаврилович, на последнем матче! — воскликнул юрист. — Если бы вы видели, под какие овации и восторги играл Антон Михайлович... Как хотите, это настоящий вратарь страны, один из последних рыцарей нашей эпохи. Кто знает, может быть, в нем в последний раз воплотилась с такой исконной первобытной мощью сила русского богатырского духа.

Профессор поморщился.

— Что это: близорукость или благоглупость? — спросил Карасик у Ласмина.

— Да что вы смыслите в спорте? — сказала Лада. — Тоже мне атлет!

— Лада, Лада! — укоризненно сказал профессор.

Карасик уже собирался уходить, но понял, что ему дают бой нарочно в присутствии Антона и бой этот надо принять. Он не любил громыхать цитатами и умел обходиться без

²⁷ 120 x 90 метров — максимальный размер футбольного поля.

них. Но тут надо было блеснуть.

— Я слегка интересовался этим вопросом, — скромно сказал он, — кое-что почитывал. А вы это вряд ли читали, а?

— Где уж нам такие книги добывать... — протянул Ласмин.

— Нет, позвольте, я уж доскажу! — почти закричал Карасик. — Мне это надоело. Давайте уж раз навсегда, черт возьми... Вы говорите о величии зарубежных спортсменов, а вы знаете, как Лядумегу — я сам слышал от него этот рассказ — немецкий спринтер доктор Пельцер шипами пытался разорвать икру? А вы видели лицо Эйно Пурье, когда он у нас в беге со Знаменским сдал на предпоследнем круге?..

Карасика уже нельзя было остановить. Он обрушил на головы слушающих десятки историй о нравах профессиональных спортивных клубов. Он рассказал, сколько заплатили легендарному Аллен Джемсу, ловкому инсайду лучшей английской команды «Арсенал», прозванному Блуждающим форвардом.

— А знаменитый Монти — «Буйвол Помпас», купленный вместе с другими, уругвайцами Италией, выигравший первенство мира, изуродовавший шесть олимпийских игроков и зверски покалеченный англичанами на Уэмблейском стадионе. Или, наконец, знаменитый Бен Хорг, наемный убийца «Королевских буйволов»... А то, что вы тут говорили, это... это, я бы сказал, широковещательно, но узколобо... глубокомысленно, но мелкотравчато.

Все были слегка ошарашены. Ласмин молчал. Чтобы смягчить остроту положения, профессор сказал:

— Я был в Испании на бое быков. Выглядит это импозантно, но омерзительно. Что?..

— А ты чего молчишь? — накинулся вдруг Карасик на Антона.

— Ну что ж после тебя скажешь?..

Карасик остановился в дверях.

Димочка подошел к нему. Он сказал Жене на ухо:

— Брось ты эту трепанацию...

— Идем, Антон! — сказал Карасик решительно.

— Ну, он еще немножко посидит! — воскликнула Лада.

— Эх, Антон! — не выдержал Карасик.

Димочка ловко подхватил его интонацию, вскочил, поднял торжественно руку и провозгласил:

— «И ты, бруто!»²⁸ — воскликнул нетто, завернулся в тару и упал.

Лада расхохоталась.

Антон встал так резко, что чуть не опрокинул маленький столик с альбомами.

— Стой, Женя... и я с тобой.

Они дошли до дому молча.

Глава XXXIII «КОРОЛЕВСКИЕ БУЙВОЛЫ»

Слухи, волновавшие болельщиков, подтвердились. Победитель Всемирного чемпионата, прославленный европейский клуб профессионалов кожаного мяча, известный в футбольных кругах под именем «Королевских буйволов», решил прислать свою команду в СССР на матч со сборной Союза.

Команда ехала с особого разрешения Международной футбольной лиги. Политические соображения заставили блюстителей международных законов футбола согласиться на матч с командой, не входящей в ассоциацию. Непобедимая команда была послана, чтобы раз

²⁸ Шуточная бессмыслица. Дима пародирует известную тираду-поговорку. «И ты, Брут! — воскликнул Цезарь, завернулся в тогу и упал». Брут — убийца Юлия Цезаря, римского императора.

навсегда доказать, как отстали советские футболисты от европейского класса игры. Болельщики боялись поверить... Шутка ли сказать — «Королевские буйволы»! Это была легендарная команда. До последнего времени все гадали: приедут — не приедут, приедут — не приедут... И вот они приехали. И с ними приехал знаменитый Бен Хорг, правый инсайд²⁹, гроза футбольных полей Старого и Нового Света, великий Бен Хорг, не знающий промахов, черный Бен, бич вратарей. О нем рассказывали чудеса. Толковали, что каждая нога его застрахована в сорок тысяч долларов. Ногами Бен Хорг управлял лучше, чем руками, а головой действовал не хуже, чем ногами. И звали его поэтому Бен Свирепоголовый.

Сборная СССР энергично тренировалась. Все обсуждали, каков будет состав советской команды. Вечерняя газета объявила конкурс среди читателей: кто назовет наиболее верный и лучший состав. Было прислано около семи тысяч писем. И во всех семи тысячах на место вратаря сборной СССР прочили только одного кандидата — вратаря Республики Антона Кандидова.

Конечно, все билеты на стадион были расхvatаны за неделю до матча. Тысячи опоздавших людей бегали с несчастными, потными лицами по городу, молили, потрясали документами. Только Димочка хвастался, что он раздобыл и роздал двадцать четыре билета. «Я главный билетный всеобщий обеспетчер», — острил он.

За два часа до свистка судьи, приглашенного из Международной лиги, все в городе хлынуло к западной заставе. Тысячи людей заблаговременно устремились к конечным пунктам трамвайных маршрутов. Лада уехала на автомобиле. Машина не возвращалась со стадиона. Очевидно, попала в затор. Другие машины уже уехали. Профессору и Марии Дементьевне пришлось ехать в трамвае. Вагоны двигались спазматически, толчками. Движение поминутно спотыкалось о милицейские свистки. Железная судорога передергивала вагоны. Обгоняя, наезжая и заносясь друг перед другом, роились у перекрестков автомобили. День был до отказа набит звоном и блеском. Ясный августовский день с прекрасной артикуляцией света и тени.

Большой день! Профессор Токарцев ехал на стадион. Его супруга Мария Дементьевна ехала на стадион. Слесарь-болельщик дядя Кеша ехал туда же. Ехали члены Совнаркома и школяры. Все ехали на стадион.

— Все на футбол! — вздыхала полузадушенная кондукторша. — Никто не сходит...

Мария Дементьевна, заклиненная между Двумя ражими и потными болельщиками, терпеливо сносила и духоту и толчки. О, Мария Дементьевна была истой болельщицей. Она была готова снести любые муки, лишь бы попасть на матч, лишь бы еще раз ощутить азарт созерцания, когда сердце прыгает вместе с мячом...

Болельщики были грубо любезны и разговорчивы. Казалось, что все в вагоне были старые, закадычные друзья. От передней площадки моторного вагона до заднего буфера прицепа шли споры о составе команд. И все говорили о Кандидове. Имя Кандидова воодушевляло и мирило спорщиков.

— О, Кандидов! — говорили в вагоне. — Тошка — это класс!

— Кандидов, будьте уверены. Тошка...

— Что вы мне говорите!.. Тошка...

Человек, висящий, на подножке вагона с запретной стороны, доказывал парню, едущему на колбасе, преимущества Кандидова перед всеми другими вратарями СССР.

Как будто тут все были самыми близкими товарищами Антона.

Предел плотности внутри вагона был уже давно достигнут. Трамвай, являвший чудеса вместимости, обрастал снаружи. Люди теперь висели на подножках связками, словно вобла. Казалось, все содержимое московских улиц ринулось в одном направлении — через западное устье столицы к стадиону!

²⁹ Правый инсайд — по старой терминологии, правый полусредний нападающий.

К стадиону, к стадиону! День склонялся к стадиону. Даже солнце катилось сюда.

«Закрыто на футбол» — было написано на бумажке, приклеенной к дверям кустарной часовой мастерской.

— На «Динамо» сходите?

— Схожу на «Динамо».

— На северной?

— Нет, на южной.

— Вы где встаете?

— У «Динамо».

— А впереди там?

— Да все слезают!

Доходя до парка, трамваи на ходу уже выпаливали людьми с обоих бортов. Несчастную Марию Дементьевну высадили, как высаживают дверь. У профессора был вид помятый и распаленный. Они поспешили к входу.

Все пространство вокруг них дрожало, как при землетрясении, от топота тысяч ног, взапуски несущихся к трибуне. Издали доносился гул и рокот переполненного стадиона. Стадион завиднелся, встал, развернул перспективу сооружений. Он высился среди зеленых кущ и песчаных излучений. Линии и грани корректного железобетона взывали к порядку. У ворот сверкали фаланги дипломатических автомобилей. Гирлянда разноцветных флажков всех стран шевелилась над радиаторами, как на елке.

Токарцевы разыскивали наконец свои места на северной трибуне. Сидевшие уже там работники Гидраэра приветствовали своего технического директора. Профессор в изнеможении плюхнулся на скамью, снял шляпу. Не было бы ничего удивительного, если бы из шляпы, как из миски, повалил пар...

— Уф!.. Черт его знает что такое! — вздохнул профессор. — Для чего, спрашивается, я мучаюсь? Что? Кто мне из вас может объяснить? Это просто какой-то психоз. Ну, что мне от того, кто из них больше вобьет мячей. Что? Изменится от этого что-нибудь, черт побери! Завод от этого у меня станет? Хуже мы от этого будем? Что? А вот волнуюсь сегодня с утра, как молокосос...

— Представьте, я только что думал об этом! — воскликнул, перегибаясь к Токарцеву, румяный и плотный человек. Он сидел позади профессора. Желтый портфель с ремнями покоился на его толстых коленях. — Я говорю: ну, давайте посмотрим на это дело сторонними глазами... Ну, что такое футбол? Что представляет собой этот волнующий момент забития гола? Ничего. Круглая пневматическая камера проходит между двумя стойками с перекладиной. Что из этого? А я вот сегодня с утра волнуюсь, как дурак, ни одним делом толком не могу заняться. Правда, у меня, конечно, есть некоторая непосредственная заинтересованность.

— У вас?

— Ну разумеется! Цветочкин же, правый инсайд сборной, ведь он у меня на заводе работает... числится, по крайней мере...

— Что вы? — изумилась всезнающая Мария Дементьевна. — Цветочкин... Боб? Он же на этом... как его... на Рускабеле играл.

— Хватились! Он уже год, как у меня. Перетянули. Вы знаете, что это за игрок? О!..

— Ну, а Кандидов? — спросил уязвленный профессор. — Мой Кандидов гораздо класснее играет, чем этот ваш летун Цветочкин. И в воротах ответственнее место, чем в нападении.

— А-а, ерунда ваш Кандидов, дутая величина! Скушает сегодня, посмотрите...

И долго бранчливо спорили директора о том, чей из игроков лучше.

Все ждали футбола, все спрашивали друг у друга:

— А Кандидов играет?

— Седой сегодня будет? — узнавали на трибунах.

— В голу кто? Седой? — волновался стадион.

Зрители сидели на разбегающихся вверх полукружиях. «Так сидели, должно быть, в театре Аристофана и на скамьях Колизея», — заносил в свой неизменный блокнот Карасий. Евгению Кар было поручено вести сегодня радиопередачу со стадиона. Микрофон уже включили, диктор объявил выступление Кара. Теперь надо было говорить. Нельзя было молчать. Маленький прожорливый ящичек, дрожащий, как игрушечный паучок на пружинках, беспрерывно требовал пищи. Карасик растерял сперва все слова и никак не мог управиться со своим горлом. Потом он произнес первое слово, легкое и знакомое, «товарищи», и, узнав звук своего голоса, немножко успокоился.

— Нет, — говорил он в микрофон, оглядывая с радушным любопытством зрителей, — нет, это не разнузданная чернь римских цирков и не экзальтированные ротозеи рыцарских турниров. Это не кровожадные любители боя быков...

Готовясь к выступлению по радио, Карасик дал себе слово, что ни за что не будет углубляться в историю, цитировать и увлекаться пышными сравнениями. Но коварная журналистская привычка взяла свое, и теперь он уже не мог удержаться. Раз начав, надо было уже закончить выступление в таком духе.

— Это не тихие созерцатели битв на шахматной доске и не осатанелые игроки бегового тотализатора. Зритель наших стадионов — он пришел по билетам заводской заявки. Он по-хозяйски оглядывает свой стадион. Он бескорыстен и великодушен, шумлив, но дисциплинирован. Хотя ему чертовски хочется, чтобы наши не подкачали... Северная трибуна прохладна и сдержанна. Неисправимые болельщики предпочитают более дешевую, южную трибуну. Она напротив нас. Южная трибуна ослеплена солнцем и пристрастием. Круглая трибуна справа от нас не страдает подобной однобокостью. Часто она объединяет мнения двух других трибун и громогласно резюмирует их. Зрители ее горласты, непочтительны, но по-пролетарски справедливы. Круглая трибуна с одинаковым рвением свистит и хлопает своим и чужим.

Потом Карасик спустился в раздевалку футболистов. Там толпились все знаменитости. Чемпионы негромко приветствовали друг друга. Они жали руки со скромным, но значительным видом. Смесь почтительности и самоуважения была в их любезных поклонах. Так встречаются певцы на сборном концерте, профессора на консилиуме.

Игроки сборной СССР снаряжались к бою. Массажисты мяли, гладили, щипали, тискали их смуглые мышцы. В раздевалке стыло сдержанное волнение. Лица были серьезные. Разговаривали вполголоса. Многие лежали на скамьях, вытянувшись, экономно дыша. Лишь Кандидов в полном облачении голкипера шагал из угла в угол. Он был великолепен. Статная громада в яркой майке, в щитках, наколенниках, в лапчатых перчатках.

— Дрейфишь, Антон? — спросил Карасик.

— Порядком волнуюсь, — просто ответил Кандидов.

В это время в раздевалку вошли в сопровождении нескольких военных двое: коротенький смешливый толстяк в шляпе и седой румяный военный со многими орденами. Игроки вскочили, окружили их.

— Вы уж, пожалуйста, того, повежливее, — говорил, смеясь и опираясь сзади на тросточку, веселый толстяк, — чтобы без эксцессов. Лучше уж, знаете, вежливый проигрыш, чем грубый выигрыш. Но проигрывать, конечно, не следует.

— Нет, проигрывать не следует! Ни в коем случае не следует! — сказал военный и с удовольствием оглядел мускулистых ребят, сгрудившихся вокруг.

— Кто говорит, чтобы проиграть! — сказал, смеясь, толстяк. — Я говорю о вежливости, чтобы вежливо...

— Словом, вздуйте их вежливо!

Игроки засмеялись.

Как на зло, Настя заболела. Она накануне провела испытание своего «аутборта», перевернулась, промокла, но не хотела уходить с пристани, пока не вытащат затонувшую машину. День вчера был холодный. Ее, вероятно, продуло. Теперь ей пришлось остаться дома. Все ушли на матч. Она очень волновалась.

— Я так боюсь за Антона! — призналась она Карасику. — Ведь Бен Хорг, говорят, нескольких вратарей изувечил. Антон, в сущности, такой незащищенный.

— Антон? — сказал Карасик. — Ну прямо одуванчик...

Перед уходом ребята наладили ей приемник. И теперь она могла следить за игрой по радио. Уютно свернувшись на диване, она приготовилась слушать и вскоре узнала знакомый голос Карасика.

В назначенное время, минута в минуту, пропела сирена судьи. Стадион загремел аплодисментами, оркестр грянул неведомый марш, и «Королевские буйволы» появились на поле. Они выбежали, картинно салютуя простертыми вперед и вверх ладонями правой руки. Вид у них был экзотический и злобный. Черные свитеры, белые вышитые бычьи черепа на груди и корона между крутыми рогами. Они выстроились перед правительственной трибуной. И тогда только вышел он — Бен Хорг. Ражий детина, космогрудый, слегка кривоногий. Он бежал вдоль трибун. Зрители оглушительно приветствовали знаменитого футболиста. Он бежал сосредоточенно, не улыбаясь. Пиратская черная повязка закрывала его лоб. Он был похож на мавра. Он бежал тяжело, но отсалютовал с мрачным изяществом.

Всеведущий дядя Кеша наклонился к стоявшему рядом в оцепенении милиционеру Снежкову:

— Смертельный игрок, троих убил, девять человек покалечил, прием такой имеет: головой бодает.

Милиционер ужаснулся.

Проходил церемониал международной встречи. Цветы и вымпелы. Рукоплескания и рукопожатия.

Настя слушала гимны и овации, «физкульт-привет» советской команды и «гип-гип-ура» гостей. Закрыв глаза, она старалась представить себе белые стойки ворот с провиснувшей сеткой и сосредоточенное лицо Антона.

— Команды ринулись в игру! — услышала она голос Карасика и придвинулась к громкоговорителю. — Сейчас на поле идет стремительное перемещение сил по, сложным линиям. Линии нападения защиты, полузащиты собрались в комок и снова распались, — сообщало радио. — Восемьдесят тысяч на трибунах дышат в один ритм, смотрят в одну точку и мучимы одной загадкой: чьи ворота чаще посетит сегодня мяч. Ведь сейчас на поле уже вошли в силу футбольные законы. Мяч неприкосновенен для всех рук, кроме вратаря. Проникновение мяча в ворота убийственно. Это ведь и есть смысл игры, очко поражения. Но в воротах сборной СССР стоит сегодня... — голос Карасика просквозила нежность, и радио обнародовало его дружеские чувства, — в воротах стоит молодой вратарь товарищ Кандидов с завода Гидраэр. Он стоит в воротах сборной СССР впервые в жизни. Только год назад он приехал с берегов Волги, где был грузчиком. За год его узнали все на заводе. Теперь он вратарь Республики! Сегодня... Но, товарищи, внимание. Клубок игры катится к воротам СССР. Нападающие противника прорвались. Они порывисто мчат мяч. Ворота СССР в опасности. Кандидов опрометчиво выбежал на перехват...

Тут в репродуктор ворвались треск, шорох, бешеный стрекот. Настя ошарашенно схватилась за рукоятку конденсатора, вариометра. Но в ту же секунду она сообразила, что то были не атмосферные разряды, а аплодисменты. Раскаты аплодисментов заглушили передачу. Но она уже повернула ручку и сбилась теперь с точной настройки. Приемник был не в порядке. Напрасно она лихорадочно вертела рукоятки. Она заблудилась в неразберихе надмосковного эфира.

— Порядок осенних работ по борьбе с вредителями полей, — бубнила какая-то рация.

Кто-то заливался Моцартом по соседству, а другая станция, проводя, очевидно, час мировой литературы, декламировала Вергилия.

— Кандидов снова выбил мяч из свалки у ворот, — сообщал Карасик где-то очень далеко, — но «Буйволы» обрушились рьяной атакой. Атака форвардов...

Опять он куда-то затерялся!

— Кандидов и на этот раз спас ворота СССР от мертвого мяча. Игра переведена им на

неприятельскую половину поля. В неудержимом беге наши нападающие пробились сквозь полузащиту гостей. Правый полусредний Цветочкин, получив подачу из центра, стремительно ведет мяч вперед.

— ...и меж тем, как главу, разлученную с мраморной шеей, посредине пучины, вращая, Гэбр Озагров мчал...

— Черные защитники обойдены. Они мчатся, чтобы настичь прорвавшегося...

— ...юношей напряжены надежды. И бьется от страха сердце у них, трепеща напирают...

— Яростно нагоняя мяч, набегают советские нападающие на ворота противника.

— ...Ни остановки, ни отдыха. Желтый песок за клубился облаком; мочит их пена и дых набегающих сзади. Страсть такова к похвалам. Такова о победе забота!

— Ну, пошли теперь буколики-вергилики! — сердито сказала Настя.

Голос Карасика на минуту опять затерялся среди георгинов и сорняков, обкосить которые требовал настойчивый лектор. Потом Карасик прорвался.

— Первая половина игры закончена, — дошло до Насти. — Она принесла бесстрастный результат ничьей: ноль — ноль.

Но тут в эфирную катавасию впуталась еще одна совсем уже замечательная станция. Она зашаманила. Вероятно, это была какая-то экспериментальная передача.

— Раз, два, три, четыре, пять, я «Рыба», вы «Медведь», — вещала станция. — Иван Петрович, возбуждение триста. Я кончаю, я кончаю. Витя, Витя, я «Рыба», модуляция шестьдесят, возбуждение триста. Как слышите? Раз, два, три, шишел, вышел, вон пошел. Я «Рыба». Кончаю, кончаю...

И радиолюбители, слушавшие трансляцию матча, радиолюбители Кутаиси, Вологды, Тамбова, Воронежа, Вапнярки, Бологого и Ходжента... проклинали ее, эту станцию.

Мальчишки, забегая вперед, окружали Кандидова. Он шел, черный от пота и грязи. Ему аплодировали.

— Тоша, прошу, уважь! — кричал ему сверху дядя Кеша.

На круглой трибуне, как всегда, расхаивали своих и восхищались игрой гостей. Действительно, «Буйволы» играли блестяще. А у советской команды на этот раз дело что-то не ладилось. Нападение играло рваной линией. Края партизанили и заводились. Цветочкин не оправдывал надежд. Полузащита не держала места и плохо прикрывала Бена Хорга. Он все время пасся у ворот красных. Не будь Кандидова, наловили бы голов... Но вратарь Республики был поистине несокрушим. На скамье, где сидели гидраэровцы, только и говорили, что об Антоне. Мария Дементьевна тараторила без умолку. Профессор совсем допек соседа, хвалившего Цветочкина. Лишь ворчливая мама Фрума из общежития гидраэровцев не могла постичь это шумное и утомительное времяпрепровождение. Двадцать два здоровых вспотевших обормота старательно гонялись друг за дружкой, всячески пакостили друг другу, пихали, валялись, били по очереди ногами мячик, кричали и вообще что есть силы старались умориться. А один этот умник, слава богу уже пожилой человек, бегал со свистулькой и не давал убивать до смерти. Что тут было интересного, за что люди платили деньги, мама Фрума решительно не могла понять.

Глава XXXIV ШТРАФНОЙ УДАР

Начался второй тайм. Опять заседали «Буйволы». Страшные удары сыпались на ворота СССР. Но самые сокрушительные и неотвратимые мячи бесплодно глохли в хватках перчатках Антона. Он уже не грыз, как обычно, семечек. С него слетел весь наигранный шик. Тело его пребывало в предельной подобранности, в постоянной готовности отразить в любой точке пушечный удар мяча. Он бросался в ноги нападающих, он опрокидывал на себя набегавших и снимал у них мяч с ноги в момент почти уже совершившегося удара. Он ловил

мяч в воздухе, прыгал навстречу ему, выбрасывая мяч в поле, и тотчас, спиной к воротам, пятясь, отбегал на свое место, ни на секунду не выпуская мяч из поля зрения. Он рыбкой нырял в нижний угол с прижатым к груди мячом, вытянувшись, пересекал телом ворота, вытаскивая мяч из верхнего угла. Он вылуцивал мяч из груды свалившихся на него разгоряченных тел. Он лез в самое пекло игры и длинными руками выхватывал оттуда мяч, который, казалось, уже дымился... Стадион неистовствовал.

— Кандидов, Кандидов, Тоша!.. Кандибоберов!..

Ни одна пчела не залетела бы в сетку Кандидова! Мячи жалили его, но бессильно замирали в цепких объятиях. Мяч неминуемо встречал в полете его тело. И, как всегда, начинало казаться, что он чудодейственно затягивает мячи к себе, и те, изменяя траекторию полета, сворачивают к нему. Имя Кандидова не сходило с восьмидесяти тысяч уст.

«Буйволы» нападали блистательно и неудержимо. Они играли совершенно молча. Советские футболисты по привычке перекликались. «Буйволы» напирали упрямо и безмолвно. Бен Хорг, пораженный тем, что все его удары не дали результата, стал охотиться за Кандидовым. Он прыгал на него, пытаясь ударить его черной своей головой под ложечку в тот момент, когда Антон, вытянувшись, взлетал над головами нападавших, хватая высокий мяч.

Был момент, когда Кандидов рухнул плашмя у своих ворот и несколько секунд не мог встать. Стадион замер. Настя услышала взволнованный голос Карасика, сообщавшего о падении Антона. Затем последовала тяжелая пауза. Настя схватила обеими руками репродуктор. Она услышала огромный вздох облегчения и аплодисменты.

Антон встал. Через несколько минут Бен Хорг опять коварно напал на Антона. Он применил свой знаменитый, хотя и потайной, прием. Это был бросок головой вперед, на вратаря. На трибунах — смятение. Но, как мяч, как арбуз, взял вмертвую, накрепко, голову Бена Хорга бывший тамада Антон Кандидов, вратарь Республики. Свирепоголовый Бен беспомощно дрыгал ногами. Испуская певучую трель своей сиреной, бежал судья. На трибунах хохотали и галдели. Скандал, скандал... В руках Антона осталась черная повязка. Блеснула лысая макушка Свирепоголового Бена. Антон, вежливо поддерживая и отряхивая совершенно обалдевшего чемпиона, что-то добродушно говорил. Бежали переводчики. На трибунах веселились.

После краткой заминки судья дал «спорный». Он взял мяч в руки, «освятил» его прикосновением к земле, и тотчас здесь снова забила ключом игра. Теперь нападали красные. Они оттянулись от гола и, сплотившись, бросились в атаку. Игра пошла в сумасшедшем темпе. Мячу не давали отдыхать в ауте. Советские полузащитники бросались за ним и, почти не останавливаясь, водворяли мяч в игру. Мяч, скользя по траве зигзагами, от ноги к ноге, приближался к воротам черных.

— Даешь, даешь, Цветочкин! — кричали на трибунах.

Длинный росчерк мяча по траве, и нога Цветочкина с ходу приняла мяч. Мяч прошел далеко от стойки, мимо... Стадион засвистел. Видя, что промазал, Цветочкин в оправдание искусно захромал. Шла оживленная, но безрезультатная игра. Игроки вымотались. Судья посматривал на часы. На трибунах уже двинулись к выходам. Оставалось две минуты до конца. Черные собрали последние силы и всей командой перешли в нападение. Красные никак не ожидали этого. Красные оказались прижатыми к воротам. Удар следовал за ударом.

Став стеной у ворот, красные отбивались головой, грудью, ногами. Вдруг у самых ворот произошло ураганное замешательство. Советский защитник схватил мяч рукой. Он тотчас отнял ее, точно ожегшись, и, сморщившись, даже помахал в воздухе: малейшая провинность в пределах штрафной площадки несла за собой гибельные последствия. Поздно! Судья свистнул. И мстительный единодушный вопль потряс стадион.

— Рука! — кричала южная трибуна.

— Рука! — повторяла северная.

— Пенальти! — с отчаянием резюмировала круглая.

«Буйволы» изумил этот залп беспристрастия. Ни в одной стране не доводилось им

слышать такое... Ведь это же неизбежный проигрыш для советской команды. Отыграть уже не было времени. Оставалось полторы минуты. И судья присудил пенальти — одиннадцатиметровый удар, неумолимый, как выстрел в упор. Отсчитали шаги и положили мяч перед воротами сборной СССР.

Все игроки выстроились за чертой штрафной площадки. Осталась минута с четвертью. Игра кончалась. Поле опустело, так как вся команда «Буйволов», кроме вратаря, сгрудилась у советской штрафной черты.

Вперед вышел Бен Хорг. Ему команда вручила право карающего удара. Он был специалистом по вбиванию одиннадцатиметровых. Он мог вбить пенальти любому вратарю мира, даже не глядя.

Космогрудый, он медленно вышел вперед. Обреченный Кандидов впился в него немигающими глазами. Он весь подался вперед и заоченел в напряжении мышц.

Одиннадцать метров.

Один на один...

И мяч.

Стадион окаменел. Судья приложил сирену к губам. Свисток! И Кандидов, в ту же секунду вырвавшись из ворот, поймал мяч на полпути. Стадион бешено грохнул в ладони.

Но судья свистел и мотал головой.

— Что такое?..

Судья меланхолично взял мяч из рук ошеломленного Кандидова и снова направился к штрафной точке.

— Что такое?.. В чем дело?!

Судья объяснил, что Кандидов выскочил из ворот прежде, чем Бен Хорг ударил. Мяч по футбольным законам следовало перебить. Опять стало тихо. Все покинули штрафную. Насмешливый, стоял у мяча Бен Хорг. Кандидов вернулся в ворота. Его всего трясло, как в ознобе.

Сирена! Тело Кандидова метнулось в воздухе одновременно с черной молнией удара. Прежде чем кто-нибудь мог опомниться и сообразить, что произошло, Кандидов с мячом в руках уже пронесся через строй обалдевших игроков. Послав рукой мяч далеко за черту — нельзя было его нести дальше, — он нагнал его и ногами, ногами повел, помчал по свободному полю.

— С ума сошел!.. Куда?! — кричали ему.

Один из защитников советской команды опрометью кинулся назад к своим воротам, чтобы на всякий случай заменить в них убежавшего Кандидова.

А того преследовали по пятам свои и чужие. Он стремглав летел к воротам противника. Рев низвергался с трибун. Все встали. Оставалось четверть минуты на больших часах стадиона. Оставалось двадцать метров. Вратарь «Буйволов» метался в воротах, Кандидов бежал, ведя в ногах мяч. Его настигали. На него прыгали. Оставалось тринадцать метров. На бегу, поддав мяч на подъем ноги, вложив всю свою ярость, все желание победы, весь разгон своего бега в удар, Антон с прыжка пробил по воротам. Вратарь распластался наперерез... Но мяч уже трепетал в упругой сетке. Он врезался и далеко вынес ее, как сом, с разгона заплывший в невод.

Радость в восемьдесят тысяч человеческих сил!.. Грозовым обвалом осел чудовищный дребезг аплодисментов. Хлопали даже милиционеры оцепления. Настя поцеловала репродуктор. Один на ноль, один на ноль! Вратарь Республики сам вбил мяч!

Как ванна, опорожнялся стадион. Толпы текли из всех проходов, галерей и ворот. На пустующей круглой трибуне, собравшись вокруг дяди Кеши, толковали любители. Знатоки ожесточенно жестикулировали. Карасик подошел к ним. За ним бежал откуда-то взявшийся Ласмин. Они увидели вытянутые вперед руки и кулаки с отставленным вверх большим пальцем.

— Это знак великодушия, — задекламировал, как всегда, Ласмин, — знак помилования побежденных. Когда-то, вы помните, этот жест на Форуме и в Колизее даровал жизнь

сраженным.

Бррр! Карасика уже тошнило от цитат и исторических сравнений. Ему было противно и стыдно, что он сорвался и напихал столько красивых параллелей в свою радиопередачу. Он с радостью слушал довольный голос дяди Кеши.

— Как там ни толкуй, — говорил авторитетно дядя Кеша, — а «Буйволы», брат, тоже игрок — во!

И Карасик видел его отставленный вверх палец с зеленым от кислоты ногтем.

В тот же вечер профессор Токарцев посетил общежитие.

— Ну-с, голубчик, — говорил профессор Антону, — поздравляю! Это будет занесено в анналы мирового футбола. Что? Неслыханно! Вратарь сам забивает мяч. Ведь это ж!.. Вероятно, это пока, так сказать, самый генеральный матч в вашей жизни. Что? Не так ли?

— И так и не так, — застенчиво отвечал Антон. — Конечно, сегодня эта петрушка здорово получилась. Но, помните, я вам рассказывал? В провинции, когда эта история была с наводнением. Надо было у Волги город отыграть. В футбол дули для поднятия духа. Каждый мяч, как свая... а сваи вбивали, как голы!.. Можете поверить? Вот это была игрушка, генеральная на всю жизнь.

— «Когда я услышал к концу дня, как имя мое в Капитолии встретили рукоплесканиями, — не выдержав, процитировал Карасик, — та ночь, что пришла вслед, все же не была счастливой ночью...»

— Дался вам сегодня этот Вергилий! — с досадой сказала Настя.

Но она ошиблась — это был не Вергилий, это был Уолт Уитмен.

Глава XXXV СЛАВА

Теперь имя Кандидова стало известным всей стране, о нем писали в заграничной прессе. Даже побежденные «Королевские буйволы» должны были признать, что им не приходилось видеть подобной игры вратаря.

— Это какая-то огненная завеса, — говорил капитан черных. — Мы можем уверенно сказать, что Кандидов далеко превзошел знаменитых вратарей Рикардо Замора и Планичку³⁰. Безусловно, в воротах советской команды стоит первый вратарь мира. Игрок — экстра-класс, игрок-прима! Это просто феномен, спортивная загадка. Он нарушает все установившиеся взгляды на игру голкипера. Команде, имеющей в своих воротах такого вратаря, следует совершенно пересмотреть всю тактику игры. Эта команда должна быть гораздо свободнее в нападении. Тыл у нее обеспечен.

Портрет Кандидова напечатали во всех газетах. Карасик написал специальный подвал: «Вратарь Республики». Он воспевал биографию Антона и его мастерство, но предостерегал его от излишнего увлечения легкой славой и эффектными трюками. Он ставил вопрос о пределе риска: прав ли был Антон, что решился в последнюю минуту такого ответственного матча выбежать из ворот? Лишь счастливая случайность позволила ему совершить действительно совершенно небывалый в футболе трюк. История футбола не знала подобных прецедентов. Но в случае неудачи эта смелая выходка Антона могла кончиться плачевно для команды. Ворота ведь были брошены на произвол судьбы. В общем хоре похвал эта статья, несмотря на очень сердечный, доброжелательный тон, показалась все же Антону немножко придиричливой. Ему казалось, что Карасик хочет немножко принизить его успех. Но он ничего не сказал Жене.

Его теребили бесконечные интервьюеры. Он стал знаменитым человеком. На улицах за ним увязывались вереницы мальчишек. Как-то, проходя по переулку, где ребята играли в футбол на асфальте, Антон услышал, как маленькому босоному вратарю кричали:

³⁰ Испанец Рикардо Замора и чех Планичка были признаны лучшими футбольными вратарями мира.

— Подумаешь, какой Кандидов выискался!

Землячки Антона из осиротевшей артели «Чайка» прислали ему поздравительное письмо. Девушки помнили его и гордились им. Его приглашали в клуб актеров. Он познакомился со знаменитыми художниками, народными артистами, писателями. Известный скульптор просил Антона позировать ему для статуи. В общежитии толкались теперь часто люди в пестрых кепках. Они распоряжались улыбками Антона и снимали его с книгой у гидроканала: они готовили «день Кандидова» для киножурнала. Эти посетители мешали работать и Антону и его товарищам. Баграш в конце концов запротестовал и, к неудовольствию Антона, строго ограничил эти беспокойные визиты.

Антон узнавали на улице, на него оборачивались, глазели. В передовицах больших газет писали: «Имея в своем активе таких выдающихся спортсменов мирового класса, как тов. Кандидов...»

Если в Мюзик-холле или в Оперетте появлялся теперь по ходу пьесы футболист, театральные гримеры заготавливали парики непременно с седой челкой. Антон стал получать глупые, иногда наивные, иногда нахальные письма от поклонниц. Он не привык к славе. Он чувствовал ее все время, как шум в ушах. Ему казалось теперь, что его узнают везде, даже там, где на самом деле никто на него не обращал внимания. Когда где-нибудь, в учреждении, на почте, спрашивали его фамилию, он краснел и называл себя так тихо, что его переспрашивали. Ему казалось, что так он приглушит гром и величие знаменитого своего имени... Но он ревниво следил, упоминали ли его в статье, где говорилось о лучших спортсменах страны.

— Я какой-то, черт, уж больно мировой стал! — жаловался он смущенно Карасику. — Вот, Женя, петрушка какая! Ну, мог ли я полагать, когда с арбузами возился? Чудну, ей-богу!

Через несколько дней в Центральном дворце физической культуры чествовали Кандидова по поводу присвоения ему звания заслуженного мастера спорта. В президиум заседания были выбраны от гидраэровцев Баграш и Карасик. От Высшего совета вратаря Республики чествовал сам Никольский — гололобый, круглый и тугой, похожий на хорошо накачанный футбольный мяч. Антону преподнесли огромные букеты цветов и специально изготовленный значок-уникум «вратаря Республики». Выступал от сборной СССР Цветочкин. Потом говорил Баграш.

— Кандидов не просто чемпион мирового класса, — говорил капитан Гидраэра, — а это настоящий советский спортсмен, отличный комсомолец, великолепный образец наших людей. Это человек героической биографии. Вышло только вот так, что он сейчас стал известен, а на самом деле в жизни товарища Кандидова были вещи посерьезнее, чем матч с «Королевскими буйволами».

Пунцовый и немного недоумевающий, сидел Антон в президиуме. Плечи его господствовали над столом. Иногда он застенчиво улыбался, обводил огромный зал глазами, благодарными и слегка обалделыми от радости. Слыша набегающий грохот оваций, он вставал, нависал над столом и неуклюже садился. Ему каждый раз казалось, что он сейчас сядет мимо стула. Он уже плохо соображал, что говорят выступающие, но чувствовал, что все говорят что-то очень приятное. Рядом дружески и восхищенно блестили глаза Карасика. Иногда Антон, не глядя, протягивал руку и под столом крепко, до боли сжимал колено друга.

Из первого ряда на него смотрела Настя. Он видел ее улыбку. Это было единственное, что он вообще мог различить в бушующей пестряди зала, откуда на него шли тепло и грохот. Потом этот грохот стал совсем оглушающим. На стадионе аплодисменты уходили в небо. Звук их рассасывался в окрестностях. Здесь овации сотрясали стены, бились о потолок и, туго взбитые в один непрекращающийся гром, совсем оглушили Антона. Да, это была слава, долгожданная и несомненная. Если бы позволили, Антон перецеловал бы сейчас всех, начиная от председателя и кончая контролером у дверей. Зал был полон прекрасных людей. Все это были друзья, товарищи. Каждому можно было крепко пожать руку. Это для них играл Антон, это за них дрался он в воротах, отбиваясь от мячей... Тут он почувствовал, что

его тянут за руку и тащат куда-то. Он увидел совсем близко Никольского. Никольский что-то кричал, но ничего нельзя было разобрать. Овация усилилась: «Кандидова!» — расслышал Антон. Теперь весь зал дружно, хором, хлопая, произносил: «Кандидова», «Кан-ди-до-ва», «Кан!.. ди!.. до!.. ва!..»

Кандидов взойшел на трибуну. Ноги были как чужие. Надо было думать о них, чтобы как-нибудь управиться. Они не сгибались, ступали мимо ступенек. Все-таки он заставил себя взойти на трибуну. Она покачнулась и жалобно затрещала. Кандидов быстро соскочил, неприязненно посмотрел на покосившееся и ненадежное это сооружение и махнул рукой. В зале дружелюбно засмеялись. Потом стало очень тихо.

— Тут просили, чтобы я, в общем, рассказал, какой мой метод и, в частности, об игре с «Королевскими буйволами», как я стоял в сборной СССР, то я скажу, вкратце, конечно...

Он остановился. Ему показалось, что он говорит ужасно плохо, что говорить надо гораздо красивее. Но тут его вдруг взяло зло. «Не нравится, пусть не слушают», — подумал он. Но всем нравилось, все слушали.

— Мое занятие довольно-таки простое. Оно заключается, одним словом, чтобы у меня за спиной мяч не водился. Ну, до сих пор пока что я сухой, как говорится, стою. (Аплодисменты.) Не приходилось пропускать. (Бурные аплодисменты.) Некоторые болтают, что, мол, отчаянно я играю, на риск. Действительно, жалеть тут себя не приходится. Если начинаешь анатомией своей заниматься, о собственных костях думать — хуже только. Конечно, тут и данные должны быть. Рост у меня, как многие верно уже заметили, довольно-таки приличный. Сто восемьдесят восемь сантиметров без каблуков, до верхней штанги, значит, рукой подать. Так что верховые мячи беру, как горшок с полки. (Смех.) Ну, и материальная часть у меня солидная. (Смех.) Физически заготовлен основательно, впрок, так сказать. А выдержка — это еще мальчишкой в гражданскую заработал. Теперь, как я стоял с «Буйволами»? Обыкновенно. Ну, ясно, волновался порядком. Мировая команда, европейская, сколько слышал всегда. А я, что же, без году неделю стою. Ну, я специально тренировался на сильные шуты³¹. Меня ежедневно часа по полтора в три мяча до седьмого пота гоняли. Это очень пригодилось... Теперь, как они играют? Играют хорошо. Выход на мяч, обработка мяча, дриблинг³², финт³³, точность пасовки — это что-то особенное, ювелирная работа. И дьявольски рвут. Страшное дело, растопчут, кажется. Но грубо... Играют часто не в мяч, а в игрока. Действительно, буйволы в прямом смысле, прямо бой быков. Удары, верно, стенобитные, семечки грызть уже не приходится. Я, конечно, весь приподнятый играл. Первый раз за СССР стоял. Так воображаешь — страна ужас какая большая! А ворота всего только такие... Но для мяча вполне достаточные. А ты стоишь, и тебе эти ворота поручено держать на замке. Ну, начали играть. Наши против ветра. Они сразу в атаку. Признаться, я не струсил, но понял, что на мою долю хлопот тут будет достаточно. Посыпались сразу мячи, прямо как из мешка. «Ну, я говорю, тамада... это я сам себе... ну, Антон Михайлович, плохо твое дело. Это тебе не арбузы астраханские». Тут я гляжу — этот самый Бен Хорг, ихний знаменитый, черномазый, так и начинает за мной охотиться. Я его, правда, разок через себя в сетку отправил, без мяча, понятно. Ну, он, вероятно, огорчился.

Я вижу, дело принципиально хамское. Говорю защитнику нашему — Новоселову: «Саша, дай ты ему по ногам, прямо житья мне от него нет. В конце концов ты видишь, что он, зверь, себе позволяет. Я за себя не ручаюсь, лучше уж ты...» Ну, Саша меня послушался, да сгоряча не за тем погнался. Выдал ему незаметно на мелкие расходы. Я кричу: «Саша, не

³¹ Шут — прямой прицельный удар по воротам.

³² Дриблинг — способ ведения мяча по полю.

³³ Финт — обманное движение, применяемое в борьбе с противником.

этот!» А Саша махнул рукой и говорит: «Все равно, один, говорит, черт!» А Бен Хорговит меня башкой под вздох подсадить. Раз он перелетел через меня, лежит, поправляется, ну, я придал ему вертикальное положение и вежливо предупредил — смотри, говорю, заработаешь... Приложу — и гуд бай, будь здоров... И для перевода на ихний язык, значит, кулаком ему это объяснил издали — вот так, мол...

Были мячи трудные. Один был хороший! От ихнего края — великолепно играет! Из любого положения смертным боем лупит. Такие навешивает, честное слово, брать приятно! Я один угловой вынул, а на меня набежали и тут немножко примяли меня прямо ногами, как травку, и руку я как-то вытянул... Боль зверская. Но встать надо, хотя и кожа у меня на ноге свезена. Кое-как поднялся, а тут опять два их гаврика нападают. Мяч уже близко. Ну, тут у меня сразу все прошло. Это лучшее лекарство! После матча, как свисток был, так сразу рукой пошевелить уже не мог. Измолотили порядком. Самому даже удивительно стало, как это я играл с такой рукой. Вот в основном и всё. Спрашивают тут, как я на футбол смотрю. Игру люблю крайне. С нею и жить живее. Вот в нашем Гидраэре футбол очень помогает: и в смысле работы, и какое-то особое настроение дает. В нашей песне как поется:

Эй, вратарь, готовься к бою!
Часовым ты поставлен у ворот.
Ты представь, что за тобою
Полоса пограничная идет.

Вот я и представил. Остальное каждому понятно. Ну, и ясно, когда не в песне, а, так сказать, в прозе, на самом деле, за тобой будет что-нибудь поважнее футбольных ворот, то чесать будем еще не так... Одним словом, я думаю вам и так понятно... (Бурные аплодисменты.)

И Антон, беспомощно махнув рукой, сел на место.

Овация громыкала.

— Вы стали такой знаменитый, Тоша, — сказала ему в тот вечер Настя, — что к вам просто страшно подойти.

— Ну, бросьте вы, в самом деле! — смутился Антон. — Этак мы будем с вами друг друга бояться, ничего не получится.

— А разве вы меня боитесь?

— Чуток, — откровенно признался Антон.

Настя засмеялась и ласково взяла Антона под руку. Они выходили из здания клуба, где шло чествование. Они удалялись беседуя. Насте было приятно, что она идет под руку с Антоном Кандидовым, что все смотрят на них, а встречные девушки, верно, завидуют. Вероятно, это было не совсем хорошо, но все-таки это было очень приятное чувство. Ребята, посматривая вслед удалявшейся парочке, многозначительно переглянулись.

— Настя, — крикнул Фома, — а мы как?

Антон за спиной погрозил Фоме кулаком.

— До свиданья, мальчики! — весело прокричала Настя и помахала рукой через плечо Антона.

Карасик мрачно отошел в сторону. Бухвостов подозрительно исподлобья посмотрел вслед ушедшим.

...Они шли по парку, полному вечерней голубизны и шепотов. Их влекло в укромные аллеи. Луна распестрила дорожки. Белесые лучи, пробившись сквозь листву, обнаруживали уединившиеся парочки. Потом Настя и Антон сидели у озера, у самой воды. Над ухом пели комары.

— Эх, на Волге у нас сейчас, — сказал Антон, — тихо, на тысячу верст тишина!

— Я только раз была на Волге.

— Ничего... Мы еще с вами поплаваем там. Верно?

Вот опять! Как только останется наедине с Настей, так черт знает какие глупости лезут

на язык, а то, о чем хочется сказать, никак не выговоришь. Антон вспомнил, как внимательно слушают его Лада, Ласмин, Мария Дементьевна, когда он разглагольствует о чем-нибудь. Все восхищаются, какой он непосредственный, сильный.

— Ох, и здоровый же я, Настасья Сергеевна! — произнес он голосом, которым обычно говорил у Токаревых.

Однако на Настю это мало подействовало.

— Почему вы, Антон, мне все твердите, что вы такой здоровый?

— А что ж я буду говорить, что больной? — сказал Антон и обиделся.

Он буркнул это нарочно грубо. Что такое, в самом деле!.. Ничем не проймешь!

Он посмотрел сбоку на Настю. Лунная дорожка пошла по озеру. Отблески дробились, освещали Настино лицо. И Антону был виден профиль Насти, как бы обведенный светящимся и лучистым контуром. Настя задумчиво смотрела на воду.

Антон почувствовал огромную нежность. Ему захотелось сказать что-нибудь очень хорошее и простое Насти. Он подсел немножко теснее:

— Настя, Настасья Сергеевна, я вас все хочу спросить, все это...

И он опять замолчал.

— Ну, чего же вы молчите?

— Да вот как-то все это...

— Ну, ну, — подбадривала его Настя.

И тогда, совершенно не зная как, решительно и убито, Антон проговорил:

— Вот... на дубу три ветки, а на каждой по три яблока. Сколько всего?

— Ну, девять, — изумилась Настя.

— Э-э, разве на дубу яблоки растут? — сказал с превосходством Антон. — А еще инженер!

— Ой, смешной вы, Антон! — ласково засмеялась Настя. — Хороший вы, славный, чистый вы весь какой-то... И отчего мне с вами так хорошо?

Антон уставился на Настю, потом вдруг радостно, решительно и косолапо обнял ее.

Она стала сразу строгой и чужой. Она схватила Антона за руку. Пальцы у нее были холодные и жесткие.

Антон не разжал рук.

— Мертвая хватка... будьте покойны... — бормотал он, усмехаясь, плохо соображая, что говорит. — Так и в газетах написано: «Кандидов — мертвая хватка».

Настя сердито вырывалась:

— Кандидов, пустите сейчас же!.. Эх, вы...

Антон взглянул ей в лицо и обиженно выпустил.

Настя хотела еще что-то сказать, но вдруг беспомощно махнула рукой, резко повернулась и ушла, не попрощавшись, строгая и неумолимо обиженная.

Антон постоял секунду, потом сорвался было с места, бросился вслед:

— Вы куда?.. Настасья Сергеевна... Настя!

Он остановился и с размаху ударил себя в щеку:

— Ой, арбузник я, арбузник!..

На пруду что-то легонько бултыхнулось. И у самого берега, дразнясь, квакнула лягува.

Глава XXXVI ПОРТРЕТ НА ОБЛОЖКЕ

Через день Антон сидел в кафе с Бобом Цветочкиным, Димочкой и Ладой. Настроение у Антона было скверное. Сосредоточенно сопя, он пытался через соломинку высосать сливки из стакана «кофе-гляссе». Это было трудное и необычное занятие. Сливки пузырились и разлетались брызгами.

— Ну, что вы такой кислый сегодня? — спросила Лада. — Расскажите что-нибудь из волжской жизни.

Антон молчал. Лада под села поближе:

— Отчего вы такой грустный-грустный?

— Вовсе я не грустный-грустный-грустный, — хмуро отвернулся Антон.

— Сейчас я его живо развеселю! — воскликнул Димочка и сделал жест фокусника. — Делаю раз!.. Два!.. Алле, гоп! — И он вынул из портфеля журнал.

Закрывая от Антона, он показал что-то Ладе. Та восхищенно всплеснула руками. Димочка повернул журнал обложкой к Антону. Во всю обложку спортивного журнала большого формата был напечатан портрет Антона. Антон был великолепен. Он был изображен во всем своем голкиперском величии: в свитере, в перчатках, с мячом. Антон схватил журнал обеими руками. Так крупно его еще никогда не печатали.

— Так это я тут? Ох ты, черт, а?!

По-детски обрадованными глазами он обводил присутствующих, всматривался в журнал, отводил его в сторону, смотрел издали.

— Вот так петрушка! Ай да Антон-тамада!.. А ничего ведь парень, типичный Кандидов.

Он так фыркнул в соломинку, что пена и сливки веером брызнули на окружающих. Потом он вдруг встал.

— Вот нашим-то сюрприз, — сказал он. Голос его потеплел.

Его не отпускали. Лада повисла у него на руке. Антон осторожно высвободился:

— Неловко, и так третий день носа на работу не кажу.

— Не умеете вы себя поставить, — сказал Цветочкин своим обычным методическим голосом. — Вот я, например. Я прежде всего спортсмен. Ну хорошо, спортсмен с завода «Магнето». Но утомляться на производстве? Зачем мне это? Есть масса специальных приемов неработы в конце концов. Я занят прежде всего на тренировке — раз, массаж — два, моцион — три. Отдых после матча нужен, как по-вашему? Безусловно. Четвертое — обдумать методу требуется время? У меня все время расписано. Куда же вы?

...Ребята работали у малого гидроканала. Настя нагнулась, просовывая руку в заевший механизм. Она провела пальцем по мотору, потом вытащила руку. Палец был в ржавой грязи.

— Вот вам ваш знаменитый Антон! — сказал в сердцах Бухвостов.

— Да, забурел работничек, — огорчился Фома.

В эту минуту вошел возбужденный Антон.

Яркий галстук его развеивался на ходу, как флаг. Среди усталых, выпачканных товарищей он выглядел франтом и бездельником. Он почувствовал это. Пыл с него слетел, но по инерции он протягивал уже журнал со своим портретом на обложке:

— Вот, глядите!

Все молчали.

— Тебя вот куда глядеть поставили, а ты? — укоризненно сказал Фома.

Бухвостов сгоряча схватил руку Антона и ткнул ее в засорившийся механизм:

— Тебя это нисколечко не занимает.... лишь бы о тебе шумели, и больше ничего...

Антон резко вырвал свою руку.

— Пошел к черту! — сказал он. — Не приставай! — и вышел, хлопнув дверью.

Антон вообще перестало занимать все, что происходило в общежитии. Карасик встречал его в разных местах, и всюду он был весел и общителен, дома он напускал на себя вид томный, тоскующий. У него произошло еще несколько стычек с Бухвостовым. Даже с миролюбивым Фомой он перестал ладить.

После одной из таких размолвок с Антоном Фома и Бухвостов едва не рассорились между собой.

— Он думает, Коля, что все дело в зависти. Будто мы его карьеру заедаем, дурака!

— Это ты, может быть, завидуешь, — обиделся Бухвостов.

— Я? Вот те здравствуйте!.. Уж кто бы говорил, кажется... Я ведь тоже глаза имею...

— Ну, и что же ты видишь своими глазами?

— Это уж мое дело, что я вижу. У тебя очков не прошу.

— Ну и молчи тогда!

— И молчу.

Антон очень редко можно было теперь застать дома. И с Карасиком он перестал вести ночные дружеские разговоры, когда сквозь тьму они тянулись друг к другу на огонек папиросы. Карасик долго набирался духу, но в конце концов решился:

— Слушай, Антон, что с тобой такое?

— А что? — неохотно отозвался Антон. — Ничего особенного.

— Да какой-то ты такой стал...

— Какой?

— А ты что, сам не понимаешь?

— Бросьте вы это!..

Разговор шел в темноте, но Карасик слышал, как Кандидов сел на кровать.

— Что такое, в самом деле? Вечно улыбаться я вам должен, что ли?

— Улыбаться необязательно. Глупости ты, Антон, болтаешь... Я просто не понимаю, не то ты нарочно тоску напускаешь, не то правда что-нибудь у тебя не ладится. Но раз не хочешь отвечать, не надо.

Карасик шумно повернулся к стенке.

— Что ж, тоска растит человека — это дрожжи, человек всходит от нее.

По тому, как гладко выговорилось это у неловкого на язык Антона, Карасик понял, что Кандидов повторяет чужие слова.

— Держался бы ты подальше от этих тоскующих арапов. Боюсь я за тебя, Тошка! Ты не сердись, очень уж ты на внешний лоск падок. И в словах, и во всем. Я слышал, Антон, как ты сегодня насчет своей натуры распространялся Бухвостову, что тебя, человека большой воды, на мелководной машине не удержишь... Говорил?

— Ну, говорил.

— Потом насчет времени. Что всем нам вечно некогда, мы, мол, уходя куда-нибудь, смотрим на часы, как на икону. Как тебе не стыдно, Антон! Ведь это же ты с чужого голоса поешь. И насчет стихии ты такой вздор порол, что мне просто страшно и совестно за тебя стало.

— Ты, пожалуйста, не бойся за меня, — бросил Антон.

— Погоди, Тоша. Я, знаешь, Блоком увлекался. Он тебе бы тоже пригодился. И вот, понимаешь, прочел у него в дневнике, как он радуется гибели Титаника. «Жив океан!» — пишет... Такое трагическое поражение человечества, а он радуется: «Жив океан!» Не могу с тех пор им как человеком восхищаться. Но я понимаю, у него это от перегруженности культурой. Ему казалось, весь мир в железо взят, техникой раздавлен. А откуда это у тебя пошло? Я, положим, знаю... Это козлобородый тебе напевает с Димочкой. Где же твой нюх прославленный?

— Ну, это уж, знаешь!.. — возмутился Антон. — Просто, культурные малые. Вот меня и тянет на хороший разговор. А ты! Тебе хорошо... получил с детства все готовенькое... И ты меня, пожалуйста, не учи. У меня стаж с 1921 года. А ты кто, чтобы учить, какие твои данные? Что ты на своем горбу в жизни имел, уж если так? Давай поговорим... Ранец ты только разве с книжками таскал. Ты потник вот поноси с кладью да походную сумку... а после разговаривай.

— Да, да, верно, конечно... — забормотал упавшим голосом Карасик. — Данных, конечно, нет. Ну, извини, Тоша. Я без права, просто хотел так... Извини...

И он, натянув одеяло на голову, повернулся к стенке.

В номере журнала с портретом Антона была большая статья «Сухой» вратарь». Это накатал Димочка. Он не жалел красок и выражений. Он возносил Антона до небес. «Великий вратарь», «обаятельный исполин», «волжский богатырь» — такими выражениями пестрела статья Димочки.

— Вот как писать надо! — сказал Антон Карасику. — А ты все скупись. Женя, как

бы не перехватить нечаянно...

Кандидов все чаще стал отлучаться из дому. Он где-то шатался с Цветочкиным, пропадал у Токаревых. Не то, чтобы ему очень нравилось там, но у Токаревых все, кроме профессора, в оба уха твердили Антону, что он феномен, что он необыкновенный человек, что его седая прядка действительно знамение, что его миссия предопределена исторически. Сперва все эти разговоры казались ему смешными и лишь приятно щекотали его честолюбие. Но постепенно, сам не замечая этого, он начал верить в свою необыкновенность. Он начал подозревать, что действительно чем-то отличается от простых людей и что дорога в жизни должна быть у него особенная. У него в голове гудело от собственной славы. А гидраэровцы никак не хотели признавать его гениальности. «Парень как парень, — говорили они, — а на поле действительно чудо природы. Вот привалил талант человеку!» И у Антона появились высокомерные нотки в голосе.

— Подумаешь, — говорил он Бухвостову, — меня вся страна знает, тысячи людей!.. А на вас вот не угодил...

Спортивный сезон кончился. Вскоре должны были начаться занятия. Ребята гнали, перекраивали макеты моделей, конструировали из отходов, из отходов, из обрезков металла. Они воевали до хрипоты на заводских совещаниях, требуя средств для новых внеплановых опытов. Каждая копейка вырывалась с мясом, каждая заклепка — с боем...

Настя обивала пороги в Автодоре и Осоавиахиме.

— Ну как? — спрашивали ее ребята. — Продвинула смету?

— Плечиком водила? Бровку поднимала? — интересовался Фома.

— Всё сделала.

— Ну и?..

— Утвердили и в кино пригласили.

Антон ни в чем этом теперь не принимал участия. Баграш был занят с утра до поздней ночи. Он видел, что с Антоном дело неладно, и давно собирался поговорить с ним. Но он считал, что разговор будет серьезный. На ходу, урывкой, говорить не годится. Он считал, что дело потерпит, но внезапно уехал с Токаревым в командировку на юг. Там испытывались торпедные катера. Как всегда, с его отъездом нелады в коммуне усилились. Комнаты стояли неприбранными. Мама Фрума в первый же день пересолила яичницу. Бухвостов шумел и всем дерзил. Ребята возмущались, почему Антон относится халатно к работе. Все ходили между собой перессорившись. Настя тоже потеряла обычную выдержку, сердилась из-за пустяков и почти не разговаривала с Антоном. Все видели, что у Насти с Антоном размолвка. Но никто не знал истинной причины ее. Полагали, что это из-за плохого поведения Антона, и промеж себя очень хвалили Настю за стойкость.

Глава XXXVII СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Дня через три после отъезда Баграша, когда коммуна была зла и мрачна, Кандидов и Карасик получили приглашение на вечеринку к Токаревым. Был день рождения Лады. Оба приоделись, наложили ботинки. Долго ссорились из-за галстука Антона. Карасик находил его слишком ярким. Когда они уже были в дверях, Карасика окликнула Настя.

Настя прихварывала. Она давно переутомилась, но все время держалась кое-как. А теперь совсем раскисла. Карасик сказал Антону, что нагонит его, и прошел к Насте.

В фланелевом халатике, комком съжившись в углу дивана, Настя показала Карасику милой и трогательной. На столе стояли астры, пахнувшие осенью, разлукой, отъездом с дачи. На подоконнике в пустой стакан залетела большая осенняя муха, и стакан певуче звенел.

Сумрак окутывал Настю. В комнате было уютно.

— Вы с Антоном идете сегодня, да? — спросила Настя.

— Да.

— Посидите немножко со мной... Вы не очень спешите?

— Нет, пожалуйста.

Карасик взял стул, приставил его к дивану.

— Карасик, — сказала Настя, — вы славный. У вас душа хорошая...

Карасик вздохнул так, что даже стул сочувственно скрипнул под ним.

— Да, — сказал Карасик, — девушки всегда говорят, что у меня чэдная душа, и тут же признаются, что они любят моих приятелей. Всю жизнь так...

— Ну, Карасик, милый, вы не обижайтесь! Ну, значит, мы такие дряни — любим не того, кого надо... Неладно у меня с Тошкой... Вы, наверное, сами заметили?

— Да, кое-что заметил.

— Вы знаете, что-то в нем появилось... я сама не знаю. Какая-то налипь неприятная. Что это за компания там — Дима и прочие?

Карасик махнул рукой.

— Тошка ведь чудный парень! — воскликнул он. — Закваска у него замечательная, а вот противоядие еще не выработалось.

— Правда, он ужасно славный? — обрадовалась Настя.

— А биография какая!

Они долго и озабоченно говорили об Антоне, как родители о сыне, который отбил от рук, наловил плохих отметок в школе. Настя ничего не сказала о ночной сцене на озере. Она не могла бы объяснить, почему все так глупо вышло. Было что-то самонадеянное тогда в уверенных руках Антона. И все в ней возмутилось. Если бы только он понял это...

Карасик посмотрел на часы, спохватился, что давно пора идти.

— Вам обязательно надо? — спросила Настя. — Обязательно? А то посидите еще...

Идти совсем не хотелось. Но где найти нужный повод, чтобы не пойти? А если остаться просто так, она опять увидит, что Карасик неизлечим, скажет потом: вот она, интеллигентская неустойчивость, чуть поманила — он уже изменил решение, про все забыл и остался. И он пошел. Уже на лестнице он стал ругать себя. Какого лешего! Куда он идет? Надо было непременно остаться. Девушка, видно, мучится. Нехорошо ее оставлять одну. И она так славно говорила об Антоне. Но теперь уже нельзя было вернуться, не было решительно никаких видимых оснований для этого. Он вышел на улицу.

Оставшись одна, Настя спустила ноги с дивана, нащарила мягкие туфли, подошла к окну. Стоял пасмурный вечер. Город в легком тумане был близорук и аморфен. Ей стало очень одиноко.

И вдруг слезы хлынули у нее из глаз. Крупные, тяжелые, скатывались они вниз. Она стояла, перегнувшись у окна, поникнув над синим провалом улицы, злилась на свои слезы, а они лились еще пуще.

Карасик вышел из подъезда. Вечер обдал его сыростью. Он остановился, протянул руку, посмотрел на небо. Начинало моросить. Это был законный и отличный повод. Через минуту Карасик вбегал к Насте.

— Накрапывает, — сказал он, бросая шляпу на этажерку. — Я останусь, пожалуй.

...Вечеринка у Токарцевых удалась на славу. Индейка не подгорела. Пироги были высокие. Водка отлично настоялась на апельсиновых корках. Мария Дементьевна сияла, несмотря на то что сбилась с ног в хлопотах. Героем дня должен был быть Антон. Так это было задумано. Приглашали не только на день рождения Лады, но и «на Кандидова». Мария Дементьевна любила на своих раутах блеснуть чем-нибудь из ряда вон выходящим. Знаменитый футболист, да еще бывший волжский богатырь — этим мало кто мог угостить.

Антон по неопытности явился раньше всех. Никого еще не было. Даже Лада еще не вернулась из парикмахерской. Но Мария Дементьевна встретила его очень мило. Из-под ног профессорши выползла Бибишка — маленький мохнатый крысолов. Длинная и ровная от хвоста до заросшего носа, собачонка походила на прочищалку для ламповых стекол. Бибишка с урчанием обнюхала огромные ноги гостя, но, почувствовав расположение к нему хозяйки, смирилась.

Антон и Мария Дементьевна пошли в гостиную. Они уселись на диван, и опытная

Мария Дементьевна повела беседу. Она говорила о футболе.

— О, я ужасная болельщица! — говорила Мария Дементьевна.

Она вспомнила Волгу.

— О, я ужасная волжанка! — восклицала Мария Дементьевна. — Мы ездили на пароходе до Астрахани.

Бибишка время от времени портила воздух. Мария Дементьевна тотчас бросала Антону на колени спички: «Жгите скорее, жгите!» Или сама водила вокруг себя желтым огоньком.

— Ну, мы вас поэксплуатируем, — сказала Мария Дементьевна.

Антону нравилось, что она обращается с ним совсем запросто, как со своим. Он охотно откупоривал бутылки, вертел мороженое, отодвигал рояль, раздвигал стол, таскал лед из погреба.

Старая домработница Липа не могла нахвалиться им:

— Вот так помощничка бог послал! Ай да кухольный мужик! Смотрите не замарайтесь.

И чистила ему пиджак щеткой.

Вскоре пришла Лада. Она побежала одеваться и появилась в гостинной розовая и ослепительная. Потом в передней раздался звонок. Все засуетились, забежали, хватая со стульев, с подоконников оставшиеся обертки, мятую бумагу, свернутые бечевки. В одно мгновение все пришло в порядок, как на сцене после третьего звонка.

Липа побежала открывать.

— О, Олимпиада, когда же вы станете Спартакиадой! — услышал Антон голос Димочки, как всегда дразнившего Липу излюбленной своей остротой.

И в гостиную влетел «великий арап» с цуг-флейтой под мышкой, с букетом и свертками. Одной рукой он потрясал флексатон. Бузиновые шарики бились о гибкую сталь, и инструмент издавал печальный, рыдающий свист. За Димочкой с цветами, коробками, патефонными пластинками ввалились Цветочкин, Ласмин. Пошли поздравления, приветствия. Димочка подарил новорожденной соску. Он нажал на резиновый шарик — и соска запищала. Все ужасно хохотали. Димочка опять с чем-то приставал к Липе. Липа отмахивалась.

Опять зазвонили — пришел профессор Мегалов, старый друг Марии Дементьевны. Это был жирногубый круглый человек с редкими и гладкими прядями, зачесанными сбоку наперед, словно приклеенными к лысине. Профессор состоял при высокой особе в пенсне. У дамы был снисходительный взгляд, говоривший как будто: «Да, это мой муж, а я его жена, но что из этого?» Звонки теперь следовали один за другим. Влетали нарядные девушки, входили корректные молодые люди. Поздоровавшись с Марией Дементьевной, поздравив или поцеловав Ладу, все начинали что-то искать глазами по комнате и останавливались на Антоне.

— Это он? — спрашивали шепотом Марию Дементьевну.

— Он, он!

Всех познакомили с Антоном. Мегалов осторожненько протянул ему пухлую руку и вопросительно скосил глаза на Марию Дементьевну подобно тому, как, глядя большого дога, озираются на его хозяина: как, ничего, не цапнет?..

— А-а, очень, очень рад! — сказал Мегалов. — Как же, как же! Слышал о вас столько, в газетах читал...

Профессорша ничего не сказала. Все окружили Антона, расспрашивали его. Антон, польщенный, конфузясь и беспомощно оглядываясь на Цветочкина, что-то объяснял касательно футбола.

— А вы, значит, в воротах и этак ногами, ногами? — спрашивал Мегалов и лягал воздух толстой своей ножкой.

— Какой мяч, зависит. Руками, в общем, надежнее.

— Боже мой! — всплеснула руками Мария Дементьевна. — Ксенофонт Сергеевич, неужели вы не знаете правил? Голькипэр (она так произносила — «голькипэр») имеет право руками... Неужели вы никогда не были на футболе? Вы знаете, все правительство туда

ездит.

— С тобой разве выберешься куда-нибудь? — басом сказала жена Мегалова, поправляя пенсне.

Но тут же она, уязвленная познаниями Токарцевой, пробормотала что-то о грубости интересов современной молодежи...

Антон разразился целой лекцией.

— А балет? — говорил он. — Тоже, в общем, ногами, тоже ножная техника, а считается искусством. А где такие сборы, как у нас? Восемьдесят тысяч зрителей! А расширьте стадион — все сто будут...

Мария Дементьевна умело вмешалась в спор:

— Закусим немножко... Прошу вас закусить.

Сперва гости сделали вид, что это приглашение их совершенно не интересует, — дескать, не в этом суть.

— Ну что же, господа... Ой, боже мой, пардон, ха-ха... граждане, прошу вас!

Все разом повалили в столовую.

Загромыхали стулья. Все рассаживались. На столе искрился цветной хрусталь. Салфетки, сложенные конвертами, стояли на тарелках, как паруса. И на диво оснащенный стол готов был, казалось, отплыть... Тамадой был выбран, конечно, Антон, ибо Димочка напомнил всем, что Кандидов был настоящим тамадой — бригадиром на Волге.

Все принялись за дело, заработали ножами и вилками. Тренькнули бокалы.

Иногда сквозь шум слышался неутомимый голос Димочки:

— А ну-ка, подвиньте ко мне этот полупаштет!..

Мегалов с тарелкой в руках, шурясь, оглядывал стол. Жирные губы его были озабоченно поджаты. В одной руке профессор держал тарелку, в другой — вилку. Он держал тарелку, как палитру. Вид у него был вдохновенный. Он откидывался назад, искоса прицеливался, тыкал вилкой, клал нежно кусочек на тарелку, примеривался к другому блюду, соображал малость, цапал ломтик, пристраивал его на тарелке, затем выбирал грибок, словно подбирал нужный колер... Пили за новорожденную, пили за отсутствующего Ардальона Гавриловича, пили за присутствующих дам, пили просто так. Ласмин высвободил белоснежную салфетку из-под козлиной своей бороды, встал и провозгласил тост за знаменитого гостя.

Все заплодировали и полезли чокаться с Антоном.

Мегалов растрогался, вытер рот салфеткой, облобызал Антона. И, тут же сев, спросил:

— Ну и что ж, это хорошо, в общем, оплачивается?

— Что? — не понял его Антон.

— Ну вот это... ножное искусство.

Цветочкин, Лаомин и Димочка наперебой подливали Антону. Как все очень здоровые люди, непривычные к вину, Антон очень быстро захмелел. Он уже раз опрокинул бокал на скатерть. Мария Дементьевна, конечно, не заметила, но, как только Антон отвернулся, сейчас же посыпала пролитое солью, чтобы пятна не осталось.

Антон уже рассказывал какие-то необыкновенные истории.

— Я... это что!.. Вот у нас на Волге был грузчик, так можете поверить... Один раз стоит на пристани и ухватился за корму парохода. Капитан командует: «Самый полный ход!» Что за петрушка? Не идет пароход, и все!.. Так пароход прямо с грузчиком пристань потащил...

Димочка тут же не преминул сострить:

— Э, Антон, да ты не только вратарь, ты привратник: приврать мастер.

Как всегда, в отсутствие Ардальона Гавриловича Димочка острил безудержно. Но Антон уже сидел за роялем. Он взял несколько аккордов и хорошим, легким голосом запел:

— Эх, да пониже да города Саратова протекала реченька да матушка Камышенка...

Он сидел на круглом стуле, как на причальной тумбе, и нажимал по очереди обеими ногами педали, словно на велосипеде.

Потом он вдруг перешел на другой лад. Подмигнул Марии Дементьевне и запел:

Моя милка пышна, пышна,
Запоеет — далеко слышно...

— Где вы учились музыке? — спросила польщенная Мария Дементьевна.

— В первом классе, — сказал Антон.

— Как — в первом классе?

— А на пароходах, — пояснил Антон. — Там в салонах первого класса пианино всегда. Я, как, бывало, разгрузки мало, так наверх... и подбираю до третьего свистка... Раз чуть не уехал — «Сердце красавицы» подлаживал.

Он стал настоящим героем вечера. Вспомнив цирк, он стал показывать фокусы. Жонглировал пустыми бутылками. Кольцо, взятое у Марии Дементьевны, исчезло из-под чашки и нашлось, конечно, у переконфуженного Мегалова. Салфетка, завязанная в три узла, непостижимым образом оказывалась саморазвязавшейся. Водка горела в рюмке синим пламенем, и Антон опрокидывал огонь прямо в рот. Он двигался по комнате, огромный, сам немножко уже оглушенный вином и успехом, а за ним гурьбой, как крысы за гамельнским музыкантом³⁴, ходили гости и старались не упустить ни одного слова, ни одного движения, и восторгались, и ахали... Каждый хотел выпить с ним отдельно, и ему подносили и подносили. Он уже чувствовал, что ему будет плохо, отказывался, но тогда начинались обиды.

— Ай-я-яй, Антон Михайлович, со всеми пили, а с нами? стыдно!..

— Да я не могу больше, — отнекивался Антон.

— Ну да, рассказывайте, такой богатырь! Бросьте скромничать. Что для вас эта стопочка?

Антон вдруг стал очень громко говорить. Ему казалось, что все где-то очень далеко, плохо слышат его. Почему-то он очутился с Ладой в передней. Очевидно, их снесло сюда во время танца. Лада показалась ему необычайно красивой. Он вспомнил Настю и с обиды, со зла поцеловал Ладу.

— Сумасшедший!.. — сказала она и, передохнув, прижалась лбом к его плечу.

Между тем Дима, несколько уязвленный тем, что сегодня он оказался на втором плане, придумал сыграть с Антоном шутку. Антону дали в руки половую щетку. Дима влез на стол. В руках у него была миска с водой.

— Сможешь удержать? — спросил он Антона.

— Об чем разговор!

Миску прижали щеткой к потолку. Щетку вручили Антону. Антон крепко держал ее. Дима спрыгнул со стола и отставил его к стенке.

— Ну, вот и стой теперь так! — воскликнул Дима при общем восторге.

И все стали уходить. А Антон остался посередине комнаты со щеткой. Это была старая испытанная шутка. Уйти невозможно — миска упадет, разобьется. Но Дима забыл, что имеет дело с лучшим вратарем страны. Антон легко выбил щетку, отскочил и поймал миску вытянутыми вперед руками. Он почти не расплескал воды.

Но тут обида подступила к горлу вместе с тошнотой. Он подошел к Диме и поставил ему миску на голову. Димочка в ужасе присел. Миска покачнулась, облила ему брюки. По паркету растеклась лужа. Бибишка подбежала, понюхала и, поджав хвост, заползла на всякий случай под диван: «Я, мол, тут ни при чем, но иди доказывай потом, когда ткнут носом да еще выдерут...»

Но Антону теперь уже на все было наплевать...

— Бей! — закричал он и стал в дверях, распахнув обе половинки. Лада пустила в него

³⁴ Герой известной сказки.

диванной подушкой. В него полетели апельсины, в него метали коробками из-под тортов, шляпами. Он ловил без промаха. Всех объяло какое-то беснование. Потом Антон совсем разошелся. Стал показывать свою силу, согнул ключ, поднял шкаф с книгами, закружил Марию Дементьевну и подхватил ее на руки.

— Надорветесь! — кричала Мария Дементьевна. — Надорветесь! Меня с тысяча девятьсот одиннадцатого года никто поднять не мог.

Она была действительно очень тяжела. Антон посадил ее на диван и шагнул к профессорше Мегаловой.

— Вы с ума сошли! — закричала профессорша, взлетая, руками одергивая юбку и лоя свалившееся с носа пенсне. — Ксенофонт!..

— Молодой человек! — сказал Мегалов, животом надвигаясь на Кандидова.

— По-о-озволь! — кричал Кандидов.

— Я не позволю! — лепетал профессор.

— По-о-озволь!.. Это чья? Примай под расписку! — И Антон сдал на руки профессору его супругу, едва не уронив ее на пол.

— Ты немножко воздержись! — громко сказал ему на ухо Цветочкин. — Неудобно...

— Иди ты!..

— Антон Михайлович... — увещевал его Ласмин.

Антон так стиснул юриста, что у бедного Валерьяна Николаевича потемнело в глазах.

— И-эх, гуляй! Полный ход, грузи, давай не задерживай!.. Не подходи, зашибу!..

И Антон куролесил так, что Лада побежала звонить Карасику:

— Послушайте, Карасик, ваш этот приятель... напился тут. Утихомирьте его, ради бога!

Карасик всполошился.

— Антон там натворил что-то, — сказал он и побежал.

Токарцевы жили поблизости от завода. Через несколько минут Карасик уже входил в квартиру Токарцевых. Ему открыла домработница Липа.

— Ваш-то здоровущий, — сказала она с осуждением, — какое безобразие себе позволяет! Скандальничает.

Волнуясь и для чего-то надвинув на лоб свою верную шляпу, Карасик вошел в гостиную. Антон бушевал у рояля в ворохе диванных подушек. Одна щека у него была в кармине, галстук вылез из-под воротника.

— А, Карась! — закричал он суетясь. — А ну, подойди сюда, рыбка, выпьем.

Карасик медленно и молча шел на него. Антон качался:

— Ты чего это?.. Ну подходи, ну...

Карасик приблизился почти вплотную. Антон протянул руку, чтобы сграбастать его. Но тут произошло нечто неожиданное.

— Добрый вечер, Антон, — негромко сказал Карасик, почтительно сняв свою смешную шляпу. — Сядь! Успокойся, и пойдем.

И Карасик, встав на цыпочки, крепко взял Антона за плечи.

Антон сел. Он сделал легкое движение, и литые его плечи ушли из пальцев Карасика. Но тут ему стало дурно, он скис. Шляпа Карасика валялась на полу. Карасик взглянул на Антона, и ему стало жаль друга. Бледный, испачканный кармином, опоганенный, обвисший, сидел Антон. Карасик с бешеным отвращением оглядел гостей. Они перепуганно жались у дверей.

— Оставьте нас вдвоем! — резко сказал Карасик.

Повинуясь его голосу, все перешли в соседнюю комнату.

— Тоша, воды, может быть, тебе?

— Вот дрянная, брат, петрушка! Я, кажется, пьян? Подпоили, сволочи!.. Уведи меня отсюда... Подсоби, Женя...

Глава XXXVIII

ПОХМЕЛЬЕ

Очень скверное вышло дело. Антон встал утром зеленый, запухший. Ему было досадно и совестно. И ясный до боли в надбровьях день брезгливо посматривал на него через окно. Вещи были разбросаны. Одежда валялась скомканная и небрежно брошенная, словно в панике бежала вчера с него. «Даже брюки, даже брюки убежали от тебя», — припомнилось ему детское стихотворение. Стул стоял, сердито повернувшись к нему спинкой. Подтяжки свисали до полу. Сопя, с омерзением натягивал на себя помятые штаны Антон. Карасик молча смотрел на него и ждал, что он скажет. Но Антон молчал.

— Отличился, нечего сказать! — не выдержал Карасик.

— Я, кажется, наделал делов, не расхлебать, — проговорил Антон. — Ребята ничего не знают?

— Узнают еще, — сказал Карасик.

— А нельзя ли как-нибудь?.. — замялся Антон. — А то развонят.

— А почему ты не боишься, что вчерашние твои друзья разболтают?

Антон не ответил. Он подозрительно и мутно взглянул на Женю:

— Скажешь, значит?.. Эх ты, газетчик... отдел объявлений. — Он с досадой pokrивился. — Ну, смотри, Женя, как знаешь... Только товарищи так не поступают. Пожалеешь после...

— Ты что это, грозишь, кажется?

— Чего там грозить, сам увидишь, — загадочно сказал Антон.

— Ну, я не мастер загадки отгадывать! — разъярился Карасик. — С этим обратись в отдел ребусов и шарад. А ведь я же, по-твоему, отдел объявлений...

Антон ушел, пнув ногой стул по дороге.

Это уже была ссора.

Коммуна, узнав о вчерашней истории, заволновалась. Настя была возмущена и растеряна. Бухвостов кричал, что Антон опозорил Гидраэр. Фома говорил, что, конечно, человеку иной раз выпить и не грешно, но всему край есть. И это срам для всей команды. Послали письменное извинение Токарцевым. Письмо отнес Карасик.

— Ничего, пустяки какие, — сказала Мария Дементьевна. — Ну выпил человек. Это Валерьян Николаевич Ласмин виноват, он его все спаивал, а я не углядела. Вы скажите ему, чтобы он не расстраивался. Пусть зайдет. Но вы какой молодец! Вот не ожидала. Он ведь такой исполин, силач, это чудо! Можете представить, он меня, как пушинку...

Настя сообщила Карасику, что дело будет обсуждаться в комитете комсомола. Антона вызвали для объяснений. В этот вечер Карасик был занят в редакции, а когда вернулся, то не застал Антона дома, а Фома, Бухвостов и Крайних говорили при Карасике иносказательно, намеками.

— Ну что, был комитет? — спросил Карасик.

— Да, там насчет перевода цеха, — уклончиво отвечал Бухвостов.

— Я насчет Антона спрашиваю.

— Что же Антон? — неохотно отвечал Бухвостов. — Поговорили с ним. Поговорили крепко... Вот будет открытое собрание, тогда узнаешь, потерпи.

Карасик впервые за все время вспылil, послал всех к черту и пошел к себе.

Плохо, плохо было в коммуне. Даже тренировка шла вяло, словно мяч был слабо накачан. А Баграш все не приезжал. Антон приходил теперь лишь ночевать. Бухвостов, стуча кулаком по столу, требовал срочно на общем собрании обсудить поведение Кандидова. Карасик просил обождать до приезда Баграша. Но возмущение ребят было очень велико. Они настояли на немедленном разрешении вопроса. Кандидов, узнав об этом, взбеленился. Хватит с него, что на комитете его клевали. А выслушивать выговор перед всей командой он не намерен.

Все собрались, а Антона не было. Гидраэровцы растерянно переглядывались. Настя, зябко закутавшись в большую шаль, сидела в уголке. Поздно вечером явился Антон, и все

снова собрались в общей комнате. Потупившись, стояли напористые и решительные ребята из нападения. Смятение было на подвижных лицах полузащитников. Упрямые и непреклонные, переминались на толстых своих ногах беки, защитники. Все стояли плечом к плечу, исподлобья глядя на Антона.

Это стояла команда, слитная, готовая сейчас двинуться вместе, дружно, разом. Антон почувствовал холодную неприязнь ребят. Ему стало тяжело. Скорее бы кончить все! Нехорошо все это получилось, неладно...

— Есть люди, — сказала, вставая, Настя, и все оглянулись на нее, — есть люди, которые в своем коллективе не умеют...

— Ребята, давайте обойдемся без митинга, без всей этой петрушки, — сказал Антон, как бы не видя Насти.

— Тут не митингом пахнет, а предупреждением последним! — выкрикнул Бухвостов.

— Может быть, помолчите, товарищ, пока я говорю! — холодно сказал Антон.

— За такое отношение, знаешь, можешь в два счета выкатиться... арбузом! — рассвирепел Бухвостов.

— Ага... Кто-то уже арбузами попрекает? Что ж, я не навязываюсь.

— Знатного человека — это мы уважаем, а зазнавак учить будем! — закричал Крайнах.

— Может, помолчишь минутку? — спросил его Антон.

— Действительно, Яша, дай человеку сказать, — зашептала мама Фрума, горестно стоявшая поодаль, в дверях.

— Ребята, вот что, — начал Антон: — это все разговоры мимо ворот.

И, глядя в окно, стараясь быть как можно спокойнее, он вполголоса сообщил, что переходит в команду клуба «Магнето».

Весть эта поразила ребят. Поступок Антона показался им изменой.

— Так! — сказал насмешливо Бухвостов. — Почем за кило дали?

Антон вспыхнул и сжал кулак:

— Скажи спасибо, что это тут... Я бы тебе на Волге за это слово...

— Да будь покоен, — сказал Фома. — Я бы тебя у нас в деревне тоже на задах словил...

— Антон, — Настя, бледная, глядела ему в глаза, — ты что? Шутишь это? Пугаешь нас?... Да мы в Совет...

— Ребята, давайте не злиться, — отвернувшись, проговорил Антон. — Силком не удержите, а все уже согласовано, и в Высшем совете тоже. Что, на самом деле, одна на свете советская команда вы, что ли? Есть и почище. А у вас мне... Не расту, в общем, я у вас...

Он видел, что его уже ненавидят. Команда бросала на него недобрые взгляды. Он на всякий случай отступил к стене. Сделай он одно неосторожное движение, скажи сейчас резкое слово, и все покатилося бы в драке. Он попятился к лестнице.

— Ну и вали, вали к своему Цветочкину разлюбозному! — сказал Бухвостов.

— Пошел, пошел, не оглядывайся! — кричал Фома.

Антон поднимался в комнату Карасика за своими вещами.

Мама Фрума с подоткнутым фартуком стояла поодаль, у дверей кухни. Огромная извилистая морковь пылала в ее руке, как огненный меч.

— Я не вмешиваюсь, Антон, — сказала мама Фрума, — но люди так не поступают...

Антон скрылся в комнате.

Карасик, молчавший все время, словно очнувшись, кинулся за ним. Команда уныло молчала. Слышно было, как сопит Фома.

— Чего-то мы с ним, ребята, — сказал он, почесывая затылок, — неладно. Кажется, ерунду напорол... всю посуду перебили, накухарничали.

Голосом звонким, ставшим прозрачным от слез, Настя сказала:

— Есть люди, которые в своем коллективе не умеют чутко... (она вздохнула) к своему товарищу...

— Начинается! — сказал Бухвостов и плюнул.

— Вот так так, а куда ж мне теперь? — раздался сзади у входных дверей чей-то голос. Все обернулись.

В дверях с сундучком и узлом, со связкой книг, в полудетской панамке, в высоких ботинках с ушками, стояла Груша Проторова из артели «Чайка».

В комнате Карасика Антон собирал свои вещи. В старенький баульчик, с которым он приехал в Москву, летели перчатки, бутсы, майка. Антон взял в руки свитер, отпорол матерчатый значок Гидраэра. Карасик, стоя у дверей, молча и понуро следил за его движениями.

— Женя, — сказал Антон и подошел к нему, — то одно дело, а у нас с тобой другое... Надеюсь, это не касается?

— То есть?

— Ну, вот в том смысле, что с тобой мы по-прежнему.

— Нет, Антон, об этом забудь. Ты для меня кончился.

— Женя, я с тобой, как с человеком, а ты... Ты понять только не хочешь.

— Я все понял, Антон, хватит... Я-то дурак, думал: вот, мол, пример. Это человек! Одна биография чего стоит. — Карасик чуть не плакал. — А ты!.. Куда все это девалось? Есть такие... вроде валенок: в стужу греют, а как только оттепель, так сразу мокнут, ни к черту не годятся!

Антон снимал со стены свои портреты, вырезанные из журналов. Он остановился перед Женей. Между ними было не больше полуметра.

— Значит, кончили? — тихо спросил Антон.

Карасик молчал.

— Женя, помнишь, как в Саратове тогда... когда Тоська это?.. Как мы с тобой на одной койке?..

— Помню, но постараюсь забыть...

Антон уложился, поставил вещи у дверей.

— Ты куда сейчас? — спросил у него Карасик.

— Не твоя забота.

Карасик пожал плечами. Его всего трясло.

— Смотри, Антон, сносит тебя по течению. Где пристанешь?..

Кандидов подошел к нему:

— Ну, давай, что ли, по-волжски... по нашему, выпьем расставальную...

Он достал из шкафа бутылку, две рюмки. Горлышко бутылки тренькнуло и запрыгало по краю рюмки... Но он справился и налил Карасику и себе. Оба не глядели в глаза друг другу.

— Ну, — Антон поднял рюмку, — кланяйся нашим... вашим, то есть. А Насте скажешь... Нет, ничего не надо. Все это одна петрушка... — Он вздохнул. — Скажи, Женя, одно напоследок. Можно тебя спросить?.. Ведь был ты, в общем, хлюпик. Откуда спрашивается, у тебя это взялось, что не собьешь теперь?

— Дурак ты, Тошка! — сказал Карасик, беря рюмку.

И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает, —

проговорил он и выпил, не поморщившись, глядя на Антона непомутившимися, ясными и печальными глазами.

Груша сидела на сундучке. Всем было не до нее. Тошка прошел сверху с вещами. Она, обнадежившись, радостно вскочила.

— Тебя еще тут не хватало! — процедил сквозь зубы Антон и вышел на улицу.

— Вот попала-то, батюшки, не вовремя!.. — причитала Груша.

Она не понимала, что же произошло, но видела, что у ребят стряслось горе.

Карасик даже не взглянул на нее. Бухвостов удивленно кивнул и отвернулся. И даже радушный Фома не сказал ей своего обычного «чай да сахар, милости прошу к нашему шалашу». А она ехала с такими надеждами... Правда, Антон не ответил на ее письмо, где она сообщала о предстоящем своем приезде и намерении учиться в Москве. Она сидела на сундучке одинокая и никому не нужная, чужая. Из-под двери дуло. По тугим, загорелым щекам поползли обидные капли. Мама Фрума спохватилась и подошла к ней. Она все выспросила, все узнала. Аккуратненькая, участливая старушка показалась Груше в эту минуту самой родной на свете.

— Ах, эти футбольщики, — говорила мама Фрума, — они расшумятся, так это не дай бог! Антон, положим, тоже хорош. Мальчики для него так старались, а от него одно огорчение... Ну, идемте уж.

Груша привезла целый мешок с арбузами. Полосатые спелые шары выкатились на стол.

— Надо угостить мальчиков! — воскликнула мама Фрума.

И через несколько минут она уже бегала по комнатам, разнося угощение, и утешала. На все случаи жизни у нее было заготовлено одно всеисцеляющее утешение.

— Как вы думаете, — спрашивала мама Фрума, — сколько жителей всего на свете?

— Да около двух миллиардов, — отвечали Фома, Бухвостов, Карасик.

Она задавала этот вопрос в каждой комнате всем по очереди.

— Так на свете, самое лучшее, минимум два миллиарда неприятностей и огорчений, — говорила мама Фрума. — Так стоит из-за каждого убиваться?

— Действительно, одна двухмиллиардная мировой скорби! — невесело смеялся Карасик.

Груша сидела в комнате Насти. На столе перед Настей лежал арбуз, светло-зеленый, матовый. Печально припав к холодной корке головой, Настя что-то выцарапывала перочинным ножичком.

— А тебя что, Антон выписал? — спросила она как можно равнодушнее.

Но Груша почувствовала ревнивое любопытство в ее голосе.

— Ой, Настенька, вы не думайте!.. — заторопилась она.

Она все рассказала, как она готовилась на Волге, зачем она приехала. Перед Грушей стояла тарелка, полная арбузных корок. Тараторя, Груша звучно выплевывала семечки, и они сочно шелкали о тарелку.

— А Евгений Григорьевич у вас есть? — спросила вдруг застенчиво Груша.

— А кто это? — не сообразила сразу Настя.

— Ну, вот этот деликатный такой, который в газете печатается. Вы его как, Карасиком кличете?

— Ах, Карасик! — засмеялась Настя. Она поняла вдруг смущение Груши. Ей стало весело.

А в соседней комнате хмуро расхаживал Бухвостов. Вприпрыжку за ним бегал Фома.

— Вот тебе и выиграла первенство, вот тебе и выиграла первенство!..

— Уйди, говорю!

— И уйду, дожدهшься. Сам, один играй.

Крупная, дородная, сидела перед маленькой Настей Груша Проторова. Внезапно Настя почувствовала доверие к этой большой, сильной девушке. Она чем-то напоминала Насте Антона.

— Груша, не вернется он, — сказала Настя.

— Кто, Тошка-то? Очухается — сам придет. Я их, грузчиков, породу наизусть знаю, все такие. У, демон!

В соседней комнате Бухвостов и Фома уплетали арбуз. Они с носом по самые глаза погрузились в сладкую хрустящую мякоть. Говорили с полными ртами.

— По-твоему, перегиб? — спрашивал Бухвостов.

— По-моему, Коля, перегиб, — отвечал Фома, спешно жуя. — Он хоть и гад, конечно,

но парень ничего.

— Гад, но ничего, — соглашался Бухвостов.

Человек, возвращающийся из долгого отсутствия домой в предвкушении счастливой встречи и семейных радостей, но заставший на месте своего дома головешки пожарища, поймет чувства, испытанные Баграшом. Все, казалось, полетело к черту. Едва Баграш вошел в общежитие, как наблюдательный его глаз подметил катастрофические приметы. Полы были не подметены, чертежи валялись где попало. На некоторых из них лежал слой пыли. Баграш понял, что без него произошло что-то неладное. Когда ребята вернулись с работы, он поговорил со всеми по очереди.

— Всех повышибать вас! — слышалось из комнаты Баграша. — На поле вы туда-сюда, команда, а так — сброд!

Из педагогических соображений Баграш нарочно сгущал краски.

Фома и Бухвостов вышли из его комнаты встрепанные, распаренные, красные и долго еще потом вздрагивали, отдувались и, смотря друг на друга, качали головами.

Но, несмотря на баню, на полученную трепку и взгрев, оба — и Фома и Бухвостов — как будто повеселели. Потом из комнаты Баграша вылетела сконфуженная и пристыженная Настя. Она вышла, закрыла за собой двери, весело встряхнулась. Попало и маме Фруме за беспорядок.

— Что это за глаз? — удивилась мама Фрума. — Один раз зашел и все уже видит. Вот это хозяин и называется!

Дошла очередь до Карасика. Карасик был уверен, что поступил геройски, и был спокоен. Но Баграш жестоко распустил и его. Он говорил очень обидные слова. Он утверждал, что на Карасика нельзя надеяться, что он не сумел оградить Антона от дурных влияний, что в своей комнате кое-как твердость он сумел проявить, а дальше не хватило пороку. И, в общем, выходило так, что для коллектива Женя ничего не дал, а потом и сам закис.

— Пойми ты, Баграш, — оправдывался Карасик, — мне ведь тяжелее, чем всем. Для меня ведь Антон не просто товарищ по команде, хороший там парень и все такое. Ведь всю жизнь, понимаешь?.. Для меня образцом был, так сказать... Через него я и с новыми людьми думал сдружиться.

— Вот, спасибо, — сказал Баграш. — А мы все не считаемся? Эх, Женя, Женя!.. Много в тебе еще чепухи сидит. Образец!.. Любишь ты эти пышные словеса. Литературная, должно быть, привычка, так? А мне его просто, как нашего, без всякой марки, просто жалко, и хватит с меня.

Карасик побрел к двери.

— Да и мы сами... — после некоторой паузы сказал Баграш. — Мы, думаешь, сами не виноваты? Я и себя ругаю... Парень он действительно выдающийся по своей части, надо было его на особое положение. Он, правда, в сборной стипендию имеет, но с нашей стороны какая-то уравниловка была. Не учли мы некоторые моменты. Пользуется же наша команда на заводе особыми условиями, так? Освобождают время для тренировки, на дачу вывозят... А в своем коллективе такому парню не сумели создать условия. Это уж я сам недоглядел. Но все-таки, я думаю, рано или поздно его к нам потянет, закваска у него хорошая. Вольница, правда, артельная, крючник, но все-таки наш.

Через час он созвал всех в общую комнату.

— Ну, ребятки, так как же? — сказал Баграш, оглядывая собравшихся. — У меня есть план, друзья.

— И у меня есть план! — закричал Фома.

— Мальчики, давайте мыслить, — сказала Настя. — Вернуть Антона — это значит победить его.

— Вот мы и говорим, — сказал Бухвостов, — команда ему должна на поле доказать.

— А дальше? — спросил Карасик.

— А дальше? Дальше, значит, видите, дядя, мы и без вас игровочки... Не хочется ль вам на чашку чая со старыми друзьями?... Играть можешь в сборной, а работать с нами.

— Тогда тренируйте и меня! — закричал Карасик, страшно возбужденный. — Хватит с меня быть болельщиком! Тренируйте меня сейчас же, к дьяволу!

Баграш оглядывал ребят. Глаза у всех повеселели. Команда с надеждой смотрела на своего капитана. Ничего! Жить можно. Выправимся...

Глава XXXIX ПУТИ РАСХОДЯТСЯ

Уйдя с завода, Антон первые две ночи провел у Цветочкина. Потом ему подыскивали на год отличную комнату какого-то уехавшего инженера. (В «Магнето» работали очень расторопные люди.) Потом как-то он был с Ладой в концерте. Оттуда они зашли к Ладе. Мария Дементьевна уже спала. Но их встретил профессор, вернувшийся в тот вечер из заграничной командировки. Несмотря на то что час был поздноватый для визита в порядочную семью, профессор оставался и на этот раз истым джентльменом.

— Что же вы стоите?... Э... Антон... э...

— Михайлович, — подсказал Антон.

— Зови его просто Антон, — сказала Лада.

— М-да... Что? Садитесь, Антон Михайлович... Липа, дайте нам всем чайку... Так что? М-да. Прошу...

Он предложил Антону сигарету.

— Ну, а как дела со скоростным? Как ваши товарищи? Что?

— Я ведь не у них теперь... — пробормотал Антон.

— А где же? — спросил профессор.

— Да, собственно, так... В «Магнето» числюсь.

— М-да... Что? Это не по моему ведомству, — сухо сказал профессор и рванул засунутую за ворот салфетку, словно рубаху на себе разодрал. Он бросил салфетку на стол и вышел.

Лада на цыпочках подбежала к дверям спальни и стала прислушиваться.

— Ты стал ужасно узок, Арди! — услышала она голос матери. — Пора примениться к взглядам. Я не понимаю... Ну, зашел молодой человек навестить. Ты сам с ним нянчился. А он симпатичный, прямо прелесть, и, конечно, он головой выше всех этих... Вот и вырвался от них.

— Что это за профессия футболист, я спрашиваю? — доносился басок профессора. — Мои гидраэровцы — это же отличные работники, усердные, талантливые... а это что? Дезертир!

Лада вернулась к столу.

— Ничего, ничего, пейте чай, — успокаивала она Антона, — обойдется. Я уж их знаю. И они меня тоже.

Груша поступила на вечерний рабфак. Баграш устроил ее работать на заводе подручным метеорологом на летной испытательной площадке Гидраэра. Девушка оказалась способной, Баграш не ошибся. Фома первое время позволял себе некоторые вольности в обращении с Грушей, но однажды получил такую затрещину, что охал и почесывался до вечера. После этого он стал относиться к Груше с уважением. Груша еще на Волге была отличной пловчихой. Теперь она ходила в свободные минуты в большой бассейн и мечтала выступать весной в водных соревнованиях. Она по-прежнему увлекалась метеорологией. Теперь она имела дело с настоящими серьезными барометрами, дождемерами, градусниками, флюгерами... Она краснела, когда кто-нибудь напоминал о ее смешной домашней самоделке, упорно стоявшей на «дожде».

Груша увлекалась своей работой. И поздно вечером, когда она приходила в общежитие,

ребята, чтобы сделать ей удовольствие, спрашивали:

— Ну, как сегодня?

— Резкое потепление, порывистые ветры, северные, второй четверти. В средней полосе депрессия, — без запинки отвечала Груша.

— А циклон есть? — спрашивал серьезно Баграш.

— Нет, циклона нет.

— Может быть, тогда хоть антициклон?

— Нет, нет и антициклона.

— Что ж это ты, Проторова? — говорил Баграш.

Она немножко хромала по географии. Карасику было поручено репетировать ее.

При Карасике Груша катастрофически розовела, смущалась. Все замечали это и подтрунивали над Карасиком. Карасик изнемогал от ее внимания. Она вышивала ему полотенца, украдкой гладила костюм, вырезывала все статьи Карасика. Карасик иногда даже сердился. Расхаживая по комнате, он втолковывал Груше очередной урок по географии. Груша внимательно смотрела ему в рот и искала на глобусе заданное место, копаясь пальцами в материках и океанах. «Словно в голове ищет!» — раздраженно думал Карасик.

— Я вас все хотела спросить, Евгений Григорьевич... — начинала Груша каким-то особенно значительным тоном и опускала глаза.

— Это относится к уроку? — спрашивал неумолимый Карасик.

— Нет, это не по географии.

— Тогда в другой раз, — сухо говорил Карасик.

Карасик давно уже усиленно тренировался. Это было очень нелегко, это было очень трудно. Мальчишки сбегались к полю и кричали: «Чарли Чаплин, Чемберлен!..» Сколько издевательств, сколько насмешек выносил Карасик. Тело его было в синяках. Ноги так болели, что, ложась спать, он должен был их укладывать в постель руками. Ночью мама Фрума слышала иногда странные мягкие удары об пол, доносившиеся из комнаты Карасика. Это Карасик, разостлав пальто на полу, учился делать кульбиты, кувыркался. Для футбола кульбиты были совершенно ненужны, но как-то Карасик заметил, что он не умеет кувыркаться, боится. И он заставлял себя делать кульбиты, всей спиной плюхаясь о жесткий пол. Лопатки его были сплошь в синяках.

— Я очень смешной, вероятно? — спрашивал иногда Карасик у Груши.

— Ну ничуть! — восклицала убежденно Груша.

— Отчего же все смеются?

— Весело — вот и смеются.

Зима прервала футбольные тренировки на поле, но Баграш должен был отметить большие успехи Карасика.

— Дело пойдет, — говорил он. — Так? За зиму надо весу немножко прибавить, вообще подразвиться чуток. А весной — держись, Кандидов, пропадай!

Даже не склонный восхищаться, Бухвостов должен был признать, что Карасик теперь отлично владеет некогда устрашавшим его мячом. Поздней о сенью Карасик сыграл несколько игр в составе младшей команды Гидраэра. На последнем матче ему даже аплодировали три раза, когда он, играя полузащитником, ловко обводил неприятельского форварда и отнимал у него мяч.

Антон ранней весной вместе с командой магнетовцев уехал в большое заграничное турне. В это же время гидраэровцы уехали на юг пробовать на море первую опытную конструкцию двухлодочного глассера. В этом скрывалась небольшая хитрость Баграша. В то время как на всех московских стадионах еще лежал снег, катки мокли, спортсмены переживали скуку бессезонья, гидраэровцы могли отлично тренироваться на южных стадионах. Баграш нарочно приурочил время испытаний к ранней весне.

С командой поехал специально приглашенный заводом известный тренер, выходец из

Австрии, Мартин Юнг. Он был хорошо известен в зарубежных спортивных кругах. Плечистые его воспитанники подвизались на всех стадионах мира. Когда-то Мартин сам игрывал в одной из лучших европейских команд. Но ему подлейшим образом в двух местах сломали ногу в большом международном матче. Мартин Юнг хромал. Он был опытным тренером, но вскоре у него произошли какие-то неприятные столкновения с заправилами профессиональных клубов. Он позволил себе разоблачить кое-какие темные махинации. От его услуг отказались. Два года он ходил без работы, полуголодным. Он давно уже открыто признавал себя болельщиком Советов и с радостью принял приглашение приехать на работу в СССР. Ребятам сперва пришлось не по вкусу его придирчивые требования, утомительные упражнения, которыми он мучил на тренировках. Особенно доставалось Карасику, который взял специально отпуск в редакции и приехал с командой на юг. С Карасиком Мартин занимался отдельно, так как нашел, что способности у Жени отличные — живость, реакция, глазомер, но подготовки никакой. Он заставил Женю бегать кросс. И часто можно было видеть в окрестностях города огромного старика, бегущего легко, хотя и припадающего на левую ногу, а рядом старательно частившего маленького Карасика.

Глава XL ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

Команда «Магнето» вернулась домой, поспев к московской весне. Зима продулась вконец. Дворники давно сгребли лопатами с улиц ее снежную ставку. И сквозь прозревшие окна трамваев москвичи увидели весну. Она была прекрасна. Бледная немочь заморозков, свойственная ранним веснам, не портила ее.

У Токарцевых Антона встретили уже совсем как своего. Мария Дементьевна не могла наглядеться на новый покрой парижского костюма. Профессор расцеловался с Антоном.

— Ну как? В Версаль ездили? А на Эйфелеву взбирались? Что? Вот я как сейчас помню 1909 год...

Лада встретила Антона еще на вокзале. Она бросилась к нему, вскинула руки на его габардиновые плечи. Но Антон заметил, что она успела посмотреть, снимают ли в это время их фоторепортеры.

Команду встречали торжественно, с цветами и музыкой. Антон искал в толпе знакомые лица ребят из Гидраэра, но их не было. Он поднял тяжелый чемодан, сплошь оклеенный розовыми, желтыми, зелеными этикетками отелей. На другой его руке повисла Лада.

Поздно вечером был банкет. Антон порядочно выпил.

Он долго потом не мог уснуть. В последние недели поездки он страшно, до взвоя, скучал по родине. Ему хотелось к себе. Ну вот, он вернулся. Но он опять чувствовал себя в стенах чужого дома. И тоска о других, недавно еще своих, а теперь тоже чужих людях, растревляла его бессонницу.

— Настя, Настя... Ребята, поймите... — шептал он ворочаясь.

Еще в вагоне ему попала «Правда». Там сообщалось, что молодежная бригада гидраэровцев спустила на воду и закончила испытание двухлодочного глссера. Этот глссер, сконструированный под руководством профессора Токарцева, показал на испытаниях блестящие результаты. Машина имела большое оборонное значение, указывалось в газете. Намекалось, что это только промежуточный этап в работе Гидраэра и что бригада Баграша предполагает построить сверхмощный быстроходный глссер-экспресс того же типа. Рядом была помещена фотография глссера и групповой портрет. Ухмылялся белобрысый и лукавый Фома Русёлкин. Исподлобья, взметнув брови, подтянутые изуродованной переносицей, глядел серьезный Баграш, торчали вихры Яшки Крайнаха. Хмурился честный, грубоватый Бухвостов. Сосредоточенно смотрела вперед, слегка выпятив губы, Настя. Карасик, не в силах сдержать радости, откровенно сиял. Тут же была помещена беседа с бригадиром и капитаном Баграшом.

«Мы думаем в этом году успеть еще выиграть кубок спартакиады по футболу», —

говорил Баграш.

«Ну, это уж положим!» — усмехнулся про себя Антон.

Ах, хорошо бы сейчас потолковать с ребятами за жизнь, как говорится, рассказать им, что видел на белом свете. Но теперь это было невозможно. «Слабо, слабо тебе, Антон», — твердил он сам себе. Он проснулся на другой день очень поздно. Боль разламывала голову. Антон не хотел просыпаться. Он не хотел дня. Он старался отодвинуть его начало. Он накрылся с головой. Но день настиг его и под одеялом. И начался он теперь какими-то звуками. Курлыкала вода в унитазе за стеной, в соседней квартире разыграл примус, засипел и испустил дух.

Антон еще долго валялся. Идти было некуда и не к кому. Но он решил прогуляться. Он ступил на улицу. Ему показалось, что она ушла вниз, как пристанские сходни, на которых еще так недавно взлетал он, балансируя под многопудовой кладью.

Была весна, был час пик — час суматохи и заторов. Трезвоня, таранили трамваи запруду перекрестков. Там, над людоворотом, невидимый жонглер, ловчась, играл тремя светящимися шарами: красным, желтым, зеленым. Красный, желтый, зеленый. Казалось, что у автомобилей от игры светофора начинало рябить в фарах.

Час пик... В конце концов в жизни у каждого наступает свой час пик — когда ты оказываешься спертым в заторе или в нерешительности стоишь на перекрестке, а так надо перейти на другую сторону! Когда отношения перепутываются, словно телефонные провода, и ты выясняешь, что соединен совсем не с тем, с кем бы хотел.

Час пик наступил и в жизни Антона Кандидова, вратаря Республики, голкипера сборной СССР. Час пик!

Внешне все обстояло как будто благополучно. Здоровье Кандидова цвело с неиссякаемой силой, если не считать некоторых неприятных ощущений в сердце, появившихся, вероятно, от перетренированности. Удача сопровождала Антона всюду. Его «сухая» репутация не была размочена ни в Париже, ни в Брюсселе, ни в Стамбуле... Он продолжал быть спортивным феноменом, загадкой для многих и любимцем всех. Почти ни один вражеский мяч не касался за эту поездку сетки сборной СССР, зорко оберегаемой вратарем Кандидовым. Самые блестящие шуты гасли в его мертвой хватке, пушечные удары глохли, мяч трепетал и смирялся.

Только один раз, в Праге, мяч оказался в сетке за его спиной, когда он не успел, споткнувшись, броситься в ноги нападающего. И это было уже сенсацией. Игрок, забивший гол Кандидову, прославил себя на весь мир этим ударом...

Но все равно Антона продолжали звать «Вечный ноль», «Зеро». Он плотно вошел в славу. Кипа газетных вырезок хранилась в крокодиловом чемодане, вывезенном из того, чужого мира. В тучных заголовках, широко расставив непривычные буквы, стояла фамилия «Кандидофф», «великий вратарь России», «чудо советских ворот», «невиданная красота и смелость броска», «точность и сила», «это какая-то огневая завеса», «большевик в голу», «вратарь, заставляющий пересмотреть всю систему игры». Даже в белых эмигрантских газетах писали о воскрешении русского духа, воплотившегося в Кандидове. И Антон невольно вспоминал Ласмина.

Спортивные репортеры раздували мехи славы. И слава Кандидова гремела, трубила, пела, как орган, по Франции, Австрии, Чехословакии, Турции в продолжение всего турне советской футбольной команды. В сепии и умбре, в анфас и в профиль глядело с хрустких страниц журналов его корректное европеизированное лицо джентльмена и атлета. Но сквозь ретушь явственно проступала добродушная физиономия Тошки Кандидова, волжского крючника и тамады. Вся его жизнь, начиная с первого шага, была взята нарасхват докучливыми интервьюерами. Она была превращена в легендарную биографию «ушкуйника фон дер Вольга», богатыря, бурлака и скифского гения футбольных ворот. Это был «гранд-рюсс», это было «колоссаль».

Правда, фамилия Кандидова еще не бежала взапуски огневыми буквами по ажуре Эйфелевой башни, но появилась уже зубная паста «Улыбка Антуана». Она запечатлела на

этикетке добрую, белозубую усмешку Антона. Была выпущена краска для волос. На флаконе была изображена буйная голова вратаря Республики с прославленной седой прядкой.

Можно еще упомянуть о желтой пудре «Песок его ворот» или о конфетах «Семиатшки» (семечки). Так хитроумные воротилы кондитерского дела использовали пристанскую привычку Антона. Он, стоя в воротах на самых торжественных матчах, нагло лузгал подсолнухи с чисто волжским шиком. Ему устраивали овации на улицах. За ним бегали мальчишки. Люди в рабочих каскетках, с оглядкой подходя к Антону, жали ему руку и шептали: «Браво, совет!»

Но уже начали шмыгать вокруг Кандидова упитанные люди на коротких ножках и плечистые молодцы с бритыми по-боксерски висками, в баллонообразных штанах гольф. Это были любители односложных восклицаний, обладатели двусмысленных улыбок, четырехугольных подбородков, шестифутового роста и двенадцатицилиндровых лимузинов. Без назойливости, но достаточно настойчиво они заводили разговор о падении класса мирового футбола. Они вздыхали сокрушенно, остря насчет пустующих ворот и касс своих клубов, и скромно отводили глаза. Они углублялись в рассмотрение пепельных кончиков своих сигар. Как бы невзначай разговор касался райского житья буржуазных фаворитов спорта. Почтительно заговаривали об их баснословных окладах и различных махинациях, позволяющих футболисту-профессионалу сбить себе капиталец. Потом собеседники Антона приподнимали шляпы, каскетки и оставляли его до следующего раза.

Его познакомили в ресторане, как будто случайно, со знаменитым Рикардо Замора. До появления Кандидова Замора считался лучшим вратарем мира. В особый список заносились форварда Европы и Латинской Америки, которым удалось забить ему гол. Голенастый испанец, окруженный почитателями, с надменной благосклонностью поздоровался с Кандидовым и сказал через переводчика несколько приятных слов о последних матчах. Он говорил о спорте снисходительно и утомленно. Он собирался покинуть ворота национальной сборной Испании, уйти на покой в свою виллу. У него уже был скоплен миллиончик.

— У нас бы вы тоже могли сколотить кое-что, — сказал Замора.

Антон не совсем понял его. Но он почувствовал себя странно обиженным, как будто его подозревали в желании совершить что-то позорное. Черноглазый, уколиций Замора раздражал его. Он чувствовал за внешней благосклонностью глухую вражду. И сам он ощущал почти необъяснимую неприязнь. Как будто они не сидели за одним столиком, а стояли в разных воротах на противоположных концах поля.

Однажды в Париже, это было сперва совсем забавно, к Кандидову в отель явился рослый крепыш в сутане. Глыба могучей плоти в духовном звании. Пришелец предложил своего переводчика, попросил уединения и потребовал тайны. Любопытствуя, Кандидов простодушно принял все условия. Гость качнулся в благодарном поклоне. Его темя являло удивительное сочетание тонзуры³⁵ с боксерским ежиком.

— Сальве, — сказал он иронически, — доминус вобиокум и тому подобное. Передайте привет коллеге.

— Это что же за петрушка такая? — спросил Кандидов у переводчика, тщедушного горбатого человечка.

— Это тренер футбольной олимпийской команды Ватикана, — скромно отвечал переводчик.

— Стойте-ка! — воскликнул пораженный Кандидов. — Ватикана!.. Это где папа римский квартирует? Вот так номер!.. А разве папаша стучает в футбол? Здорово! И приличный стадиончик в вашем монастыре?

Гость заговорил. Он говорил умиленно, с достоинством. Он поднимал глаза к небу только в тех случаях, когда подсчитывал что-то в уме. Переводчик растолковывал Кандидову, что ватиканская команда тренируется к олимпиаде. Но у нее слаб голкипер.

³⁵ Тонзура — пробритое место на макушке у служителей католической церкви.

Ватикан решил сменить своего вратаря. Это решение санкционировано святым отцом. Католицизм обязательно победит и на футбольном поле. Команда наместника Христа должна играть на нуль, всухую³⁶. Талант и непобедимость русского чемпиона известны. Воззрения его так же. Не все ли равно для атеиста — числиться православным или католиком? Важно хорошо брать мяч, не правда ли? Брать мяч и сто тысяч лир³⁷ жалованья. Ну, а святой апостол Петр, как известно, является вратарем рая. Божественный символ! Благодать снизойдет на голову Кандидова...

Кандидов бесцеремонно веселился. Он бил себя по коленям, он топал ногами от удовольствия.

— Пустяки командочка! — хохотал он. — Одиннадцать апостолов, двенадцатый запасный. Иуда, верно?.. Не вы ли им будете?

Толмач бесстрастно продолжал.

— Нам известно, — сказал он, — что господин Кандидов покинул завод, где он работал и получал образование, покинул, чтобы всецело посвятить себя спорту, в котором он уже достиг таких блистательных вершин. Вряд ли на своей родине он получит возможность...

Переводчик не договорил и, спрыгнув с кресла, забежал за его спинку. Веселье разом сдуло с Антона. Кандидов вскочил. Он выпрямился, он развернул до отказа машину своего тела. Лицо его очугунело.

— Ах ты, зараза! — заорал Антон. Он бешено колотил себя в грудь и топал ногами. — На бога, на папский паек меня берешь!.. Ты всерьез сторговать меня хочешь?! Да ты знаешь, кто я?! Я из-за вашего брата в прорубь лазал. Всякий меня заводом станет попрекать!.. Да я...

Ватиканский тренер тоже вскочил. Он вскочил и тотчас спокойно стал в оборонительную позицию. Переводчик благоразумно занял место за его спиной. Кандидов немного успокоился. Ему понравилось, что футбольный нунций³⁸ папы не сробел.

— Черт, боевой поп!.. — пробормотал Антон, смягчившись, и обратился к переводчику. — Слышь, ты? Передай своему святому отцу, чтобы он быстренько сыпал к чертовой матери. Одним словом, как это там у вас, доннер веттер, сакраменто... Понял? И пусть скажет богу мерси, что я в международном положении довольно толково разбираюсь, а то бы я...

У него остался какой-то осадок на душе и чувство неудовлетворенности, ощущение какого-то зуда в руке. «Зря не шарахнул я их все-таки... А то, что получается? Каждый римский папа мне попреки может делать... И откуда они всё пронюхали?..» Но все, решительно все знали, что Кандидов ушел с завода-втуза Гидраэра. Нельзя было скрывать, что он бросил учебу, оставил друзей, ушел, польстившись на легкую, взбитую славу и удобное фиктивное местечко, которое обтяпали ему болельщики из нового клуба. Все знали это. И, должно быть, поэтому седой мягковолосый полпред говорил ему на приеме в полпредстве:

— Эх, юноша! Слава неоднородна, она разнокачественна. Вот возьмем два типа славы — допустим. Горького и Шаляпина. Их ранние пути сходны с вашим — тоже из галахов. А какие могучие таланты! Однако поглядите, под каким непримиримым углом разошлись теперь их дороги. Алексей Максимович взвалил самоотверженно на себя огромную славу нашей Родины. Он помогает нам, он подпирает ее своим плечом. Его слава неотделима от

³⁶ Церковники за границей часто используют приверженность к футболу своих верующих. Не так давно в английском городе Кингстоне, в церкви Св. Павла, для привлечения публики алтарь был заменен футбольными воротами, а попы служили в майках и трусах.

³⁷ Лира — итальянская монета.

³⁸ Нунций — полномочный представитель римского папы.

нашей общей славы. Ну, а у Шаляпина слава стала бездомной, неприкаянной. А ведь какой человечина!.. Кандидов, послушайте, только не сердитесь. Вы читали «Мартина Идена»?.. Читали? Перечитайте еще раз. Жизнь — это не футбольное поле перейти. Так-то...

Кандидов шагал по улицам, на него оглядывались. Он был грандиозен, в широченных штанах, в серой мягкой шляпе, в пальто, покроем которого придавал еще больше размаха его плечам чемпиона и грузчика. Он мягко ступал толстым шершавым каучуком подошв по уже нагретому асфальту.

Была весна, был час пик. Осыпались, крошились букеты мимоз на площади Свердлова. Скверы были еще закрыты. Оттуда пахло сырой и теплой землей. Красный и синий Большой театр отражался в прозрачных детских шарах. Пронзительно умолял уйти резиновый издыхающий чертик. Это был тот день, когда все женщины внезапно хорошеют, — один из лучших дней в году, первый настоящий апрельский день, когда, выйдя из дверей квартиры, сразу вдруг вдохнешь и почувствуешь — да, пахнет весной!

Кандидов фланировал. Делать ему было нечего. Идти некуда. Он надолго остановился у витрины наглядных учебных пособий, где были выставлены всевозможные человеческие торсы из папье-маше. В другой витрине его заинтересовали огромные часы под стеклянным колпаком. Минуты здесь отсчитывались скатывающимися по желобку металлическими шариками. Кандидов прождал, пока скатилось десять блестящих горошин.

Он зашел в парикмахерскую. Это была та самая парикмахерская, где он брился в день своего первого приезда в Москву. Тогда его еще называли колхозником. Он смешно повздорил с мастером. Антон сюда захаживал прежде частенько. Мастер с огромным уважением брил его теперь вытянутыми руками, боясь лишний раз прикоснуться. Когда Антон вошел в славу, он нарочно явился в эту же парикмахерскую, чтобы доказать, что он не солгал в первый день. И мастер тотчас узнал его по седой прядке. Сегодня он зашел, чтобы во время бритья поболтать о чудесах мира, которых он нагляделся. Он вошел, высокий, великолепный, многократный. Опять зеркала восхищенно повторяли его с ног до головы. Но знакомого мастера не было.

— А где это у вас вот тут работал курчавый такой?

— Гвоздили? — сказал мастер у соседнего зеркала. — Он у нас не работает больше.

— Перевелся? — с огорчением спросил Антон.

— Поднимай выше, — сказал мастер. — Он в физики-математики пошел. В высшее учебное готовится.

Кандидов почему-то почувствовал себя уязвленным, словно его обошли. Он не захотел бриться и вышел. Москвичи, как водится во время паводка, паломничали к реке. Кандидова весной тянуло к большой воде, к разливу. Он был водник. Некоторые поистине утиные привычки бродили в нем. Его томила тоска по воде.

Москва-река текла за решеткой парапета. Она была серая, смиренная, как слон в зоологическом саду. И, как в зоопарке, люди пытались раздражить ее. Свалили сквозь решетку прутья, палки, бросали огрызанные яблоки и камешки.

Боялись наводнения. Вдоль набережной ворота всех домов были зашпаклеваны и замазаны дегтем.

Кандидов, не в силах отогнать зазорную ассоциацию, с провинциальным предубеждением глядел на вымазанные ворота. «У нас бы за такое дело, — подумал он и тотчас поймал себя: — А где это у нас? Нет у тебя сейчас точного адреса — этого самого „у нас“...» Но через замаранные ворота вошло чудесное и гордое воспоминание о времени, когда он отлично знал, что такое «мы» и где это «у нас»...

Да, это была лучшая из игр, более важная для Антона, чем матчи в Париже, Праге или Стамбуле. Это был генеральный матч. К черту всё! Надо вернуться к истокам. Надо к своим... Пока не поздно. Недаром «Комсомольская газета» уже упоминала его имя в числе «перекупленных» игроков. А тут еще по дороге из-за границы он не стал играть в

товарищеском матче сборной с командой порта, через который спортсмены вернулись на родину. Он сказался больным, но все знали, что он просто бережет себя, не хочет выступать в таком незначительном матче. А сборная без него едва не проиграла.

Вот знакомый забор, табельная будка, маленький шлюз, миниатюрный кран, спусковые устройства по откосу берега. Мальчишка бежал мимо палисадника, ведя палочкой по перекладинам, — и по палисаду бежал легкий и частый, как трещотка, перестук. Антон шел мимо. Сквозь палисадник, как в стробоскопе³⁹, ему были видны светлые перемежающиеся полосы заводского дня. Пахло краской, смолой. Люди, которых знал Кандидов в лицо и по имени, красили перевернутые вверх брюхом корпуса, конопатили днища. Так вот и он работал в затоне на судоремонте. Так вот и он мог бы сейчас, засучив рукава, мыть, скрести, конопатить, красить и, отсчитав тридцать метров в сторону, болтать с друзьями у бочки на трехминутной перекурке. Он знал, что команда Баграша сейчас на юге. Тяжелых встреч нечего было опасаться. Его неудержимо потянуло зайти на знакомую территорию. Он вернулся и вошел в табельную будку. Пожилой табельщик, тоже яркий болельщик, взглянув на него через узкие железные очки, засмутился, вежливо приподнял картуз, но потребовал пропуск.

— Ты что, в очках, а не видишь? — рассердился Кандидов.

— Извиняюсь, товарищ Кандидов, посторонних не пушаем. Теперь строго. Если надо к кому, я позвоню, затребую.

Но Кандидов уже шагнул прочь.

Глава XLI

КУБОК СПАРТАКИАДЫ

История щекотливых взаимоотношений между двумя клубами была известна большинству из завсегдатаев стадиона. Болельщики были осведомлены также о причинах ухода Кандидова с завода. Об этом весьма ехидно упоминала в своем фельетоне о перебежчиках и «Комсомольская газета». И, когда в финал Спартакиады профсоюзов после долгой борьбы вышли как раз обе эти команды и последняя игра должна была решить, кто завоюет почетный кубок Спартакиады, все понимали, что, хотя «Магнето» — одна из сильнейших команд страны, а «Гидраэр» — клубная команда, борьба предстоит не на живот, а на смерть. Сошлись две системы, два различных принципа игры, две спортивные школы.

Ясно было, что гидраэровцы, раз уж ход розыгрыша кубка сам свел их в решающей игре с магнетовцами, изо всех сил постараются доказать свою правоту, правоту своего метода. Об этом заявил в газетном интервью их капитан Баграш.

А с другой стороны, Антон разобьется в лепешку, но не пропустит в ворота и тени мяча от своих бывших друзей, ставших теперь опаснейшими противниками. «Надеюсь, что и на этот раз, как и в подавляющем большинстве предыдущих игр ворота мои опять останутся сухими», — писал он в газете. И все знали, что обещание будет сдержано.

Проигрыш гидраэровцев был неминуем. В крайнем случае можно было бы рассчитывать на ничью: ноль — ноль. Но, по олимпийским правилам, ничья исключалась. Дали бы добавочное время, а потом продолжали бы игру до результатов, до первого мяча. Многие понимали, что игра будет идти не только за кубок, но и за честь Кандидова.

Смутно подозревал это и Антон. Всегда уверенный, в этот раз он испытывал странное беспокойство. Противная неутолимая зевота мучила его, судорожно сводила скулы, хотя он отлично выспался накануне. Потом ему стало досадно и смешно — он вспомнил свои победы. Он взглянул на руки. Из каких только углов мира он не принимал мячей. Смешно... Неужели он, лучший игрок страны, первый мастер европейского экстра-класса, стучится

³⁹ Стробоскоп — аппарат, которым до изобретения кино демонстрировался принцип «оживающего» изображения.

перед пятеркой играющих в классе «Б» голубых форвардов, которых знает как свои пять пальцев.

И Антон успокоился. Но настроение у него было премерзкое. И не с кем было поговорить, потолковать, перекинуться словечком и мыслишкой, как прежде, когда он был с Карасиком. Антон был рад предстоящей встрече с ребятами, рад был увидеться с ними, хотя бы и на разных сторонах поля. Он соскучился... Сперва только надо доказать, что они неправы. Вот насуют им, тогда говорить с ними легче будет.

За ним прислали машину. Он поехал на стадион. Внизу, под трибунами, у раздевалок, он столкнулся с Баграшом. Антон зарделся.

— Максиму Осиповичу привет! — И он протянул руку.

— Здравствуй! — не беря руки, отвечал Баграш. — Рукопожатием нам еще на поле, в центре, заниматься придется.

Антон озлился. Ага, значит они так!.. Ладно, посмотрим, как они будут выглядеть после матча. Он размашисто повернулся и налетел на Настю. Озабоченная, разгоряченная, она нечаянно натолкнулась на него. Он ощутил теплое и родное прикосновение.

— Настя, — загоразивая ей путь, сказал Антон, — сколько зим...

— Пропусти меня, Антон.

— Мне нужно тебя на два слова, Настя.

— Нам пока не о чем с тобой разговаривать...

— Правильно! — раздался сзади уверенный актерский баритон Цветочкина. Ослабившись, он стоял у раздевалки магнетовцев. — Правильно!.. Натощак трудно говорить. Когда скушают пяток голешников, тогда...

Антон не дослушал и пошел в раздевалку. К Цветочкину подошел Чижов, веснушчатый футболист «Магнето».

— Видал? — спросил его Цветочкин, мотнув головой в сторону Антона.

— Видал.

— Чувствуешь?

— Догадываюсь.

— Они своего этого запасного сегодня поставили, журналиста, — сообщил Цветочкин. — Что это за номер, не понимаю. Ты его возьми на учет, под особое наблюдение.

— Есть. Понятно.

— Берешь? — спросил Цветочкин.

— Беру и помню, — многозначительно сказал Чижов.

Действительно, Баграш решил выставить в эту игру Карасика.

Правда, Карасик неплохо себя зарекомендовал в предыдущих играх, играя полузащитником, да тут еще, на его счастье, вывихнул ногу левый полузащитник в основном составе. А Карасик играл как раз левого хава.

Карасик вообще был неузнаваем. Он окреп, поздоровел, выпрямился. У него и походка была иная, независимая. Старый Мартин крепко его вышколил. Немало пришлось вытерпеть Карасику. И в редакции часто потешались над ним, когда он приходил хромя или со свежим синяком.

— Интересно знать, — дразнили Женю, — что произойдет прежде: опрокинетесь вы на глассере или угробитесь на поле?

Но Карасик не сдавался — не тонул и не гребился.

Все же ребята насторожились. Слишком уж легок. Одной техникой и рвением не возьмешь. Сковырнут его. Но Баграш имел свои соображения. Он поставил Карасика неспроста. Он знал, что для Антона играть против Карасика было особенно трудно. Это был расчет. А для победы команды надо было учесть все. «В крайнем случае заменим», — решил Баграш.

С утра был введен особый рацион. Легкий ранний Обед, отдых. Заблаговременно прибыв на стадион, гидразровцы проходили последний массаж. Сам Мартин Юнг массировал ребят. От его крепких, умелых рук, мнущих мышцы, в тело, в каждую жилу

входила крепость и уверенность.

Настя и Груша на цыпочках ходили около душевой. Настя была тревожна и сосредоточенна. Груша сердито ловила себя на том, что несколько раз мысленно прошептала: «Господи, вот бы наши выиграли, вот бы наши!.. Хотя бы один гол!..» Правда, не вслух, про себя. Но и это было недостойно управительницы погоды. Бога, конечно, не было, но, кто знает, вдруг что-нибудь вроде. А вбить мяч Кандидову надо было непременно, какими угодно средствами — земными или небесными.

Девушка постучалась в раздевалку:

— Можно?

— Погоди, мы тут все нагишом! — крикнул из-за дверей Фома.

Минут через десять все были одеты. Настя и Груша пришивали на голубые майки гидраэровцев крупные белые буквы. Команда, выйдя на поле, должна была составить слово «Гидраэровцы». Как раз одиннадцать букв. Карасик, бледный от волнения, ходил по раздевалке. На груди его была буква «Ы». Он был самый маленький, и ему выпала последняя в слове буква.

— Ну конечно, разве мне попадет хорошая буква, — сокрушался Карасик. — Черт его знает, конечно, «еры» должны попасть именно мне... Столько хороших букв на свете! В одной нашей команде два «р», и ни одной мне не попало. Вот везет!

Груша, стоя на коленях и штопая порвавшуюся майку Фомы, пришепetyвала, держа булавки в зубах:

— А Тошка, Тошка-то, ходит вещь шмутный, жлой да жадумчивый, как черт! Я это к нему, а он: «Пошла ты, Аграфена», говорит.

— Он, ты мне к шкуре пришиваешь! — заорал не своим голосом Фома.

Груша откусила зубами нитку и встала с колен.

Команда выстроилась у входа. Мартин Юнг на корточках осматривал обувь игроков. Он лазал рукой внутрь бутсов в самый носок, щупал пальцами, нет ли гвоздей, глядел, хорошо ли прилажены щитки. Старик волновался.

— Ребятишки! — сказал он вставая. — Мартин Юнг есть спортсмен... Слово, которое выговаривает старый спортсмен Мартин Юнг, есть честное слово. И я буду повторять: «Мы побьем их, детишки, вы играете на гораздо много лучше магнетовцев! У них один Цветочкин. Его надо задерживать, блокировать. Антон — это верно, мастер прима! Но не надо себе вбивать в голову ничего такого. Надо вбивать ему мячи. Я уж давал вам тактику. Мы побьем их, детишки! Или я ничего не понимаю в футболе, и не был тренер Спарты, и не ломал ногу на матче с „Глазго-Ренджерс“⁴⁰, и не был великий хавбек, и я не Мартин Юнг, а просто пфу, трепач. Я правильно говорю?

— Правильно, Мартин Эдуардович, правильно!..

— Только помните, детишки, не надо долго вязаться с мячом. Это не годится. Много ходить тасовать — таш-таш-таш, а потом потерял. Опять буду повторять: наш главный принцип — техника и тактика. Не отдельный красивый трюк, а корпорация. Это понятно? И, пожалуйста, играйте с душком... как это говорится?.. да, да, с душой. Рассержайтесь вы, кашалоты, растоптайте их, сглотайте их с головой. Мы побьем их, детишки, это как пить дать. О!

Он вынул из заднего кармана плоскую фляжку, отвинтил, сконфузился: «Это мой допинг»⁴¹, он отпил из горлышка, завинтил, положил фляжку в карман. Он хлопал тыльной стороной ладони животы, трепал ребят по шее:

— Ну, ну, что за меланхолия, трепачи! Вы не на воскресной проповеди, это футбол!..

Баграш вышел из шеренги и стал перед фронтом команды.

⁴⁰ «Глазго-Ренджерс» — одна из популярнейших футбольных команд Шотландии.

⁴¹ Допинг — снадобье, тайно употребляемое для кратковременного взбадривания.

— Ну, хлопцы, веселее! — сказал Баграш. — Подбодрись, кашалоты! Я речей разводить не умею, но сегодня скажу вроде Наполеона. Восемьдесят тысяч человек смотрят на нас сегодня с высоты этих трибун. Играем сегодня за наше дело, за нашу дружбу, так? За кубок играем и за человека. Против Антона и за него. Так? Мяча к нему не подпускать. Покоя не давать. Мелкий пас. Короткая подача. Ложные прорывы. Цель — сбить с толку. Так? Цветочкина зажать. Держать по очереди по пять минут — Лепорсков и Загуменный. Ты, Коля, не сиди в офсайде. Всегда ты там пасешься, а нос у тебя долог — он у тебя за линию мяча сам заходит... Ну, сказано всё. Выиграть должны — кровь из носу! Выиграть можем! Есть?

— Есть, капитан.

— Ну, а ты, Настюша, ничего не скажешь?

— Мальчики, вы сами знаете, — сказала Настя и покраснела.

— Ни пуха ни пера, — зашептала Груша. — Да смотрите, чтобы Женечку там не зашибли. Вы все какие здоровые, а он вон какой...

— Груша, избавьте меня от ваших забот!... — взъярился Карасик.

За дверью уже звенела трель судейской сирены.

К дверям раздевалки «Магнето» подошел Ласмин. Он возглавлял целый выводок хихикавших, любопытствующих девиц.

— На футбольном ристалище, — докладывал Ласмин, — еще не выполота романтическая травка. Сейчас я вас познакомлю с последним рыцарем эпохи...

— Посторонним сюда вход запрещен! — сердито сказал Кандидов, захлопывая дверь перед носом Ласмина.

До начала оставалось не меньше часа, но вместительные трибуны были почти уже заполнены. Оркестр сокращал ожидание. Эхо стадиона множило трубы. На бетонных призматических башнях полыхали вымпелы.

Стадион был грандиозен. Вокруг бегового шлакового кольца стелилась бетонная дорога. Это был гоночный трек. На виражах бетон был круто поднят. Поднят и выгнут. Образовалась исполинская ванна — восьмьсот метров укладывалось в ее борту. Днище ванны прозеленело футбольным полем. Сочно-зеленое плато было расчерчено белыми известковыми линиями. Поле ждало битвы.

Недавно прошел легкий дождь, и теперь поле было пронзительно зелено, а небо синело во всю силу цвета. Над стадионом вились легкие самолеты. Молнии отблесков пробегали через пропеллер. Почти останавливаясь в воздухе, вознеся над стадионом вертолет-автожир. Он напоминал вентилятор, вставленный в небо. Как будто без него мало было свежести в этом синем просторе.

Маршальские треуголки распорядителей, скроенные из газет, придавали полю батальный колорит.

Зрители были терпеливы. Фанатики зрелища, они были влюблены даже в самое ожидание. А кто не любит замечательных минут последних усаживаний, споров, пересадок, советов заблудившимся, передачи программки, наводки биноклей, далеких узнаваний, кивков и приветов! Можно не быть болельщиком и знатоком, но нельзя оставаться равнодушным, когда воротам грозит гол, и не разделять трепета сорока тысяч братских сердец, так как половина стадиона стоит горой за ту же команду наверняка! Нельзя не любить этих решительных ребят, вышедших помериться силами в атлетической игре, загорелые лица и полосатые гетры, и рокот моторов в небе, и ритм оркестра, и зелень, и флаги...

Начались соревнования. В гортани радиорупоров со звоном лопнула некая пленка, до этого как бы отделявшая день от официальной части праздника. Вывалился голос, необъятный, повсеместный, но сдавленный, словно на звук наложили железный бандаж. Объявили первый номер состязаний. Это была стометровка. На меловой черте старта четверо преклонили колени. Стартер поднял руку с револьвером. Взлетел дымок. Потом на трибунах услышали выстрел. Четверо ринулись вперед, словно это ими выпалили из пистолета.

Победитель, взмыв с разбегу в воздух, порвал и далеко вынес грудью телеграфный серпантин финиша.

Тем временем на поле выкатился огромный мяч — он был выше человека — и лег в центре. Пропела сирена. С двух сторон на мяч набросились одиннадцать человек: желтые и полосато-черные. Это были химики и печатники. Это был пушбол. Надо было выкатить мяч с поля за черту противника. В мяч упирались. Его толкали руками, плечами, под него подлезали, на него карабкались, ложились сверху, с него скатывались. Мяч медленно выпирался вверх, как воздушный шар. Его награждали тумаками. Он катился на вытянутых руках игроков. Потом — всех вас давишь! — мяч садился на траву. Вокруг него опять закипала возня, сопение, а мяч был неповоротлив. Мяч казался добродушным слоном, которого донимало беспокойное двухцветное племя.

На трибунах хохотали. Очень смешно. А ну, ну, химики!..

Но вскоре все уже глядели в другую сторону. Там, где обычно в ваннах бывает отверстие для стока воды, на поле имелся люк. И вот из этого люка на свет вылезали велосипедисты. Они несли свои машины на плечах. Педали велосипедов беспомощно барахтались в воздухе. Острые лучики спиц вставляли над плечами, как штыки. В это время раздался подземный гул. Он созревал, став глухим ревом. Все насторожились. И на бетон выехали мотоциклы. Они сделали несколько неторопливых кругов, разогревая свою горячую кровь. Еще срываясь, стреляли вдруг невпопад выхлопные трубы. Водители раскачивались назад и вперед, понукая, разгоняя, махом своего тела наддавая ходу. Они разминали суставы застоявшихся машин. Но уже бил набатом стартовый колокол, и начиналась гонка. В этой гонке участвовали мотоциклисты и велосипедисты.

Это была гонка с лидерами — самая потрясающая форма современного спорта, самая выразительная и синтетическая. Закачались колени трех велосипедистов. В красном трико, похожий на Мефистофеля, вымчал вперед чемпион Союза. Каждого гонщика поджидал его лидер-мотоциклист. Лидер с ходу брал гонщика под свое покровительство. На руле мотоцикла мерцало зеркальце. Лидер видел в нем лицо подзащитного. Приноравливаясь друг к другу, они разворачивали до отказа пружинную спираль гонки. Мотоцикл гремел впереди. Он разбрасывал вихри в сторону. Он расщеплял воздух. За ним несло разреженное пространство. Спина лидера отбрасывала невидимую полупустотную тень. В бегущей расщелине бешено качал педали велосипедист. Объявленный вне законов сопротивления воздуха, он гнал с нечеловеческой быстротой... 50 — 60 — 75 километров в час!

Но тут требовался тончайший расчет: не взять непосильного темпа, не отстать от лидера, не сбиться с разуплотненной струи, надо было пройти двадцать пять километров по кругу. Чемпион — Мефистофель — не торопился. Он даже отстал от других. Он шел, вплотную припав к лидеру, колесо в колесо. Велосипедист и мотоциклист были неразлучны. Но славу и честь гонки они делили в таких же примерно пропорциях, как певец и аккомпаниатор на концерте. На виражах эта человеко-моторная пара взлетала на высоту двухэтажного дома, на самый верх бетонного борта ванны. Машины наклонялись. Они неслись плашмя, лежа в воздухе. Только центробежная сила спасала их от падения и гибели. В сорок секунд они покрыли восьмисотметровый круг. Мотор рвался. Красные колени работали, как поршни, с дьявольской бесперебойной машинной частотой. Через каждые сорок секунд проносились они в грое мотора и страшном урагане мышц. И человек у финишного столба, ловя этот промельк, подносил к их мгновенным взорам щиты с убывающими цифрами: 9... 8... 7... кругов оставалось промчаться. Красный гонщик развивал теперь гонку неумолимо и настойчиво, как логический ход. Он обошел одного из соперников, рано выдохшегося, и подбирался к переднему. 5... 4!.. Теперь оба соперника шли почти вровень, выкладывая уже все наличные силы. Но у красного запас был израсходован несравненно меньше. Он крикнул что-то лидеру, подмигнул ему в зеркальце. Он настиг соперника на сумасшедшем разгоне, взлетел к самому краю отвесного борта, ринулся вниз, и они стали уходить — мотоциклист и гонщик — уходить, уходить, непостижимо срастив свои машины. Однако соперник прибавил ходу. Он неотступно

следовал за красным, готовый каждую секунду вырваться вперед.

Два!..

Трибуны стали вздыматься. («Садитесь! Садитесь!») Зрители вставали. («Газуй! Вперед!») Стадион вопил. («Жми! Жми!»)

Один!.. Забил колокол... Лидер соперника газанул, пытаясь увлечь своего выбившегося из сил гонщика. Но тот не дотянулся. Его снесло вбок. И тотчас воздух, сомкнувшись, ударил гонщика в грудь, взял за плечи, откинул далеко назад. И все увидели, как беспомощен и жалок тот, покинутый машиной. Красный был недосыгаем. Когда мотор устало стих, стало слышно, как приветствуют пару победителей. Они медленно проезжали вдоль трибун.

Глава XLII

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ МАТЧ (ПЕРВЫЙ ТАЙМ)

Но все ждали футбола. Около восьмидесяти тысяч зрителей поглотили последние пустоты на склонах бетонного котлована. Излишки расположились на треке, выплеснулись на виражи. Чудовищный людской массив объял зеленое поле. Глохли звуки оркестра. Лишь отдельные трубы-выскочки, словив акустическую удачу, иногда пронзали гул.

Сидели во всех проходах. Был занят каждый краешек земли, каждая пядь бетона. Добела накален был июльский день. Сверкала белизной на солнце вся отлогость котлована. Жарко — и почти все пришли в белом.

Но вот вышел судья, рефери. Верховный правитель игры, страж ее законов. За ним шагали четыре помощника, четыре флагмана-лайнсмена — судьи на черте Генеральный матч Спартакиады профсоюзов судил старшина судейской коллегии Севастьян Севастьяныч Буровой. Седой бодряга! Публика приветствовала его появление. Севастьяныча уважали. Его авторитет одинаково признавался как на поле, так и на трибунах. Это был старый замоскворецкий клубмен, один из зачинателей российского футбола. Когда-то он сам («О-го-го-го!») игрывал в известной «Стрекозе», как фамильярно называли «СКЗ» — спортивный клуб Замоскворечья. Потом он планировал, администратировал, строил пролетарские стадионы, организовывал и вел заводские кружки. Он был тонким знатоком игры, но терпеть не мог выступать на всяких диспутах с глубокомысленными темами вроде: «Бегать ли судье по полю или стоять?», «Нужно ли держать свисток во рту все время?..» Матерые чемпионы вроде Цветочкина недолгоблюдали его. Он не давал запрофессионаливаться, зачемпиониваться. Он знал все повадки и уловки мастаков. Ни один офсайд не ускользал от него: ни подножка, ни коробочка, ни рубчик, никакой потайной номер не мог пройти в его судейство. Он не суетился, но поспевал распутывать все узлы состязаний. Он свистел редко, скупно, но безошибочно. К черту гнал он с поля ковал и костоломов, как он называл грубых футболистов. Однако Севастьяныч не был сторонником вегетарианской игры. Известно было, что он явился защитником знаменитого параграфа 22, допускавшего некоторую резкость нападения.

В руке судьи покоился невинный решитель судеб игры — круглый кожаный мяч. Севастьяныч нес его, как державу. Потом он бросил его на середину поля. Мяч звенел от напряжения. Его распирал нагнетенный, туго спрессованный воздух. Но нежная резиновая пуповина, через которую насос напитал мяч упругостью, была перевязана, скручена и упрятана внутрь. Жестоко зашнурована наружная кожаная сфера, сшитая из восемнадцати долек, похожих на бисквиты. Брошенный Севастьянычем мяч прыгал. Прыжки затухали. В агонии последнего взлета мяч покатился по траве. Его положили в самый центр поля. И он лежал здесь, очерченный магическим кругом, как Хома Брут в гоголевском «Вие».

Выход команд был прост и торжествен. Две стайки игроков — красные и голубые — появились из люка. Выстроившись, они выбежали на поле. Картель аплодисментов рассыпалась по трибунам. Сто шестьдесят тысяч ладоней отбивали привет героям дня. Имя Кандидова витало над трибунами. Кандидова узнали. Бинокли нашарили его.

На вышке стадиона четыре фанфариста задрали вверх серебряные трубы. Трубачи дули, выпятив щеки. Фанфары упирались в небо, и на небе выдулась радуга.

Летчикам тоже было интересно. И самолеты вычерчивали в небе круги над полем, где в центре уже лежал на траве мяч.

Над мячом капитаны обменялись рукопожатиями.

— Ну, Антон, — сказал Баграш, — давай, чтоб по-хорошему.

— Давай по-хорошему, — сказал Антон.

Кинули жребий. Гидраэровцам выпало играть против солнца.

Антон махнул рукой своим, указывая на теневую сторону поля. Команды разбежались, согласно статуту начала. Игроки заняли свои места. Они стояли — одиннадцать против одиннадцати. Красные и голубые. Бутсы подминали траву лунками и шипами на подошвах. Стоял у самого мяча форвард гидраэровцев — Баграш, а по бокам его — Фома и Бухвостов. Им выпал жребий начинать. Стояли треугольником, немного поодаль, защитники — хавы. Застыли беки, бычки-защитники. В воротах в голу переминались с ноги на ногу голкиперы, вратари — ловцы опасных мячей. И стоял в воротах «Магнето» Антон Кандидов — вратарь Республики.

Команды замерли в преднамеренной исходной расстановке, лицом друг к другу. Они почти смыкались краями нападения. Они были прижаты друг к другу жаждой борьбы и победы. Их сводило ожидание восьмидесяти тысяч.

На южной трибуне зажглись сотни маленьких солнечных вспышек: это по вынутым из карманов часам отмечали точное время начала. Все оцепенело в тишине. Все смотрели на мяч. Восемьдесят тысяч, затаив дыхание, ждали начала схватки.

Судья взял в зубы свою маленькую сирену. Она состояла, подобно сирене Пана⁴², из четырех трубочек, мал мала меньше. Севастьяныч, пятясь, отбежал от мяча, как от бомбы с уже вставленным запалом. Ожидание нависло над полем. И Груше с Настей казалось, что Севастьянычу стоит только свистнуть, и тишина разрядится чудовищным всепотрясающим взрывом. Легкий тройной мелодический звук сорвал с места все, что было на поле. Тотчас в стылой тишине послышался легкий «тбум» мяча. Это уже была игра.

Груша ощутила нечто вроде разочарования. Сирена пропела, и ничего такого не случилось. Просто на поле произошла разом всеобщая и легкая подвижка. Мяч перешел черту. Так это и есть игра? Но игра лишь занялась, и через минуту ею было охвачено все поле.

С первого же момента болельщикам, давно не видавшим игры гидраэровцев, стало ясно, что это не прежняя команда. Работа Юнга сказалась. Под аплодисменты всего стадиона гидраэровцы повели мяч головами. Мяч, не касаясь земли, передавался с головы на голову, пока не дошел до ворот противника. И здесь Бухвостов, напряжив шею, виском ткнул мяч. Но Антон спокойно взял его. Гидраэровцы продолжали ломить стеной. Стадион одобрительно загудел. Все первые минуты игры магнетовцы не могли отойти от своих ворот.

Тут надо сказать, что посетители футбольных матчей делятся на две враждебные партии: уважающих авторитеты и любителей неожиданностей. К первым относятся большей частью люди, не шибко смыслящие в игре. Соблазненные своими родственниками, они иногда появляются на трибунах. Но они хотят, чтобы деньги платили не даром, чтобы справедливость восторжествовала. Чемпионы побеждают, авторитет укрепляется. Познания их в этой области скудны: они знают три — четыре имени. Эти имена должны оправдать себя в их глазах. Иначе придется менять кое-какие приобретенные воззрения на этот счет, запоминать новые имена. Истые же любители, коренные болельщики, большей частью принадлежат ко второй группе. Они всегда на стороне слабых. Они всегда жаждут поражения чемпиона. Среди них имеет своих приверженцев каждый мало-мальски шлепающий мяч игрок. Болельщики этого класса не признают авторитетов. У них есть свои

⁴² Пан — бог лесов в древнегреческой мифологии.

неведомые любимчики.

Дядя Кеша принадлежал к этой группе, поэтому он всецело был на стороне гидраэровцев. Он неодобрительно поглядывал на игру Цветочкина. Зато гидраэровцы сегодня радовали своей игрой дядю Кешу.

— Пассовочка бисерная, — говорил дядя Кеша. — Гладью вышивают.

Мяч ни на секунду не задерживался у ноги гидраэровцев. Едва дойдя до бутсы одного игрока, он мгновенно переходил к ноге другого. К этому прибавлялся необычайный напор Фомы, Баграша и Бухвостова. Крепкая тройка неудержимо неслась к воротам Антона. Не оглядываясь назад, гидраэровцы пяткой отдавали мяч своим, и действительно там, на месте, стояла подоспевшая полузащита. Она посылала мяч свободному игроку, и атака продолжалась. Гидраэровцы обладали большой «видимостью» на поле. Это был термин Баграша, летный термин. В суматохе игры футболист видит обычно только небольшой участок поля — мяч, свои ноги и ближайшего противника. Баграш на тренировке добивался, чтобы футболист видел как можно больший район игры.

Антон сперва, как обычно, попробовал грызть подсолнухи у стойки, но сразу же бросил и вышел вперед. Положение становилось серьезным. Антону казалось, будто не один, а по крайней мере три мяча находятся в распоряжении гидраэровцев. Мяч мельтешил в глазах. Нельзя было установить, откуда грозит главная опасность. Атаковали со всех сторон, со всех точек, каждую секунду мог последовать удар. У Антона глаза разбегались. Его атаковали всей линией, и мяч далеким и точным посылом ходил от края к краю, сбивал с толку защиту и вратаря. На трибунах глазам своим не верили. Магнетовцы явно терялись. Команда стягивалась к воротам, но гидраэровцы редко били по голу. Это было непонятно. Это осудили на трибунах. Антон не мог нащупать, в чем секрет сегодняшней тактики противника. Это его бесило и тревожило. Когда можно было бить, гидраэровцы не били. Зато внезапно из совершенно невозможного как будто положения, точно пробитый издалика, мяч грозно и вдруг навешивался в отдаленный угол ворот. Антон едва успевал дотянуться до него, Нельзя даже было уследить, кто ударил...

Начиная с первого свистка, Кандидов не имел ни одной спокойной минуты. Все время ему приходилось быть страшно напряженным, ни на секунду не распускать мышц. Вся его приобретенная тактика летела к черту. Он знал: всегда в команде есть фаворит, которому поручается право решающего удара. У них, в «Магнето», был Цветочкин, у англичан — Бестин, у турок — Вахаб, у «Буйволов» — Бен Хорг. А здесь внимание дробилось, «делилось на пять», как говорил Мартин Юнг. Но Антон все-таки был непробиваем. Дьявольское чутье спасало его. Гидраэровцы не могли долго выдержать такого темпа. Напор стал постепенно спадать. Магнетовцы немножко освоились. Они стали проходить все чаще вперед, прорываясь иглой к воротам, где, жмурясь от солнца, прыгал Яшка Крайнах, похожий на дрозда в клетке. Там, за воротами, стоял Мартин Юнг. Он подбегал к самой «ленточке», кричал, командовал, распоряжался, бранил, умолял.

Но теперь пришла очередь блеснуть Цветочкину. До сих пор он почти не играл, он стоял со своим немножко скучающим видом посередине поля и ждал, когда подвернется удобный случай. В нем был огромный запас совершенно нетронутых сил, и как только ему довелось дорваться до мяча, он развернулся во всем своем блеске и темпераменте. Его уже нельзя было прикрыть. Он мчался по самому краю поля. Игра на краю требовала огромного искусства ведения мяча, рекордного бега. безошибочной точности. Цветочкин играл на правом краю. Он бежал у самой кромки поля, теснимый гидраэровцами. Он вел мяч как бы по горной тропинке. Слева — круча, противник, отжимающий плечо, справа — обрыв игры, аут.

Цветочкин в совершенстве владел искусством гонки мяча по самому краю. Мяч двигался в его мелькающих ногах по сложным орбитам, петлял, верткий, неуловимый для противника. Но, мастерски выведя мяч из лабиринта путаных его ходов, Цветочкин ураганом прошел к воротам и, где-то в воздухе поддев мяч, ударил. На черной доске за воротами «Магнето» моментально появилась белая цифра — один.

— Началось! — говорили на трибунах. — Сейчас пойдет.

Яша встал убитый, утирая рукавом лицо, отводя глаза в сторону. Гидраэровцы не смотрели на него. Мартин Юнг пощупал задний карман, отлучился на минуту и вернулся с глазами вялыми и снисходительными. Опоздавший милиционер Снежков пробирався на свое место рядом с дядей Кешей.

— Сколько? — шепотом спросил запыхавшийся Снежков.

— Один на ноль, — сказал дядя Кеша.

— Кому?

— Нам.

Милиционер снял шлем, вытер платком голову. Забитый противнику мяч немного успокоил Антона, но мало его порадовал. Играя в «Магнето», он утратил чувство команды. Ребята здесь были чужие. То ли дело, когда он стоял в Гидраэре, на Волге, и за сборную страны. Тогда каждый успех команды, каждый удачный удар, каждый прорыв восхищал его и будоражил. А сегодня он играл за себя одного. Пока что он не показал ничего выдающегося. А вот Цветочкин отличился. Магнетовцы разыгрались. Разом постаревший Мартин Юнг суетился за воротами. Яшка Крайнах прыгал теперь а них, как мартышка за вольером. У ворот опять заварилась каша. Цветочкин прорвался. Удар! Штанга... Удар — нога Карасика. Чижев перехватил. Перевод! Цветочкин ударил. Гол! Овация. Счет два — ноль.

Груша плакала. Она не замечала этого, но слезы текли по ее глянцевым щекам. Настя кусала уголок платка. Глаза у нее были пересохшие до рези. Гидраэровцы растерялись. Цветочкина невозможно было удержать. Опять произошла свалка у ворот. Карасик упал, покрывая телом мяч. Груша закрыла глаза руками. Услышав свисток, она открыла их. На доске висела еще цифра два. Карасик, подхрамывая, бежал к середине поля. Первый тайм закончился.

Антон, придя в раздевалку, стащил фуфайку через голову и лег на скамью. Он был недоволен. Ни одного эффектного мяча не было. А устал он, словно три игры подряд выстоял.

В раздевалке гидраэровцев Карасик со страхом ждал разговоров. Ведь второй мяч отчасти был по его вине: срезка у ворот.

В углу, громко глотая, пил из кружки угрюмый Крайнах.

— Антон как сатана берет! — сказал, отдуваясь, Фома. — Ой, дадут нам сегодня чайку попить, Коля!

Бухвостов подошел к Карасику и Яше. Карасик съежился. Грушино сердце разрывалось от жалости.

— Эх вы, маралы, — сказал Бухвостов, — какой мяч пропустили!

— Эх, мазло! — слышались голоса команды.

Карасик молчал, но Яша не выдержал:

— Кто бы говорил, а ты с трех шагов какой смазал! Такое положение было, а ты послал мяч за молочком. Ворота для вас подвинуть надо в сторону, игрокки...

Совершенно скисший Карасик подошел к Насте.

— Я действительно мазло... — проговорил он убито.

— Да, вы мазло! — сказала жестоко Настя.

— Я не буду играть! — решительно сказал Карасик.

— Нет, вы будете играть, вы молодец, я вас просто обожаю, Карасик! — Она схватила его за плечи и встряхнула: — Вы будете играть!

— Да, я буду играть.

Но Настя уже разошлась. Она накинулась на гидраэровцев:

— Срам, мальчики! Это разве игра? Где у вас темп? Где напор? Вы разве футболисты? Вам плевать на честь Гидраэра! Да разве вам когда-нибудь забить Антону?... Молодец Антон, что ушел от вас! И я еще уйду, погодите. Стыдно, позор! Все на вас смотрят, а вы?..

Она схватила за руки Фому и Крайнаха. Она тормошила их.

— Мальчики, милые, я вас всех страшно люблю! Только забейте ему, ну хоть один раз, что вам стоит...

— А ну, тихо! — сказал Баграш. — Никого сюда не пускать.

Но дверь открылась и ворвался дядя Кеша. Его не хотели пропустить. Он негодовал.

— Нельзя? — хрипел дядя Кеша, где-то уже успевший подкрепиться. — Кому, спрашивается, нельзя? Мне? Где это видано, чтоб мне нельзя? Молоды вы меня не пускать. Двадцать лет пускают... Эх, игрок! В наше время разве так играли? Сопливые вы еще со мной спорить! Я мячом ворота сворачивал к чертям собачьим. Мы на тренировке мачты трамвайные с корнем рвали, пропади я пропадом! Дубы гнули, заборы валили, рельсы узлом вязали, из стенки кирпичи высаживали! А это разве игра? Я вот раз, помню, навесил в ходу... Гольмана к чертям сшиб, сетку насквозь, окно вдребезги, собаку насмерть...

— А кто в 1910 году англичанам шестнадцать — ноль продул? — ехидно спросил Крайних.

— Мало ли что, а судил кто? Так и засудил. Только два чистых мяча и было... А у вас это разве игра? Яички на пасху так катают. Эх, в Уругвай бы вас. Там вот на матче у зрителей шестнадцать тысяч револьверов отобрали. А у нас народ смиренный, терпит, как вы мажете. Свечки да свечки... Панихида, а не игра!

У дяди Кеши был свой метод. В душе он до смерти хотел выигрыша Гидраэра, но считал, что для поощрения необходимо отругать ребят. Его выпроводили не очень вежливо. Потом игроки собрались вокруг Мартина Юнга.

— Детишки, — сказал он мягко, — я очень удивляюсь. Это очень весьма удивительно... Они совсем проигрывают, а вы не хотите выиграть. Вначале вы работали весьма отлично. Я уже смотрел: у Кандидова душка ушла в бутсы. Он сдрейфил. Но потом вы немножко перестали играть в футбол, а стали думать, что это загородная прогулка по свежей травке... Мяч имеет свой натуральный характер. Он не кланяется вам в ножки: «Ах, вот и я!» За ним надо бегать, надо работать, играть надо!

Он мягко журил, давал указания, сделал кое-какие перемещения в команде. Он говорил так спокойно, без бравады, что все ему поверили. Правда, случайно проиграли первую половину. Еще не все потеряно!.. Но Баграш понимал, что выиграть уже невозможно. Отыграть два мяча, вбить решающий третий вратарю, как Кандидов, — об этом нечего было и думать. Только чудо может спасти команду. Нельзя было сказать, что в такие чудеса Баграш не верил. Но он чувствовал себя очень усталым, вымотавшимся. Сказывался возраст. Это не прежнее время, когда он мог играть два матча подряд, поражая всех своей неутомимостью. Время брало свое. Играть было трудновато. Но Баграш был старый игрок и знал, что сдаваться нельзя до последней минуты. До последнего свистка надо играть на выигрыш. Карасик понимал, что кубок проигран. Но, может быть, человеку еще удастся кое-что доказать. Один бы мяч! Хоть один, чтобы размочить Антона! Не всю же жизнь стоять ему при счете ноль. Когда-нибудь же пропустит, почему бы именно не сегодня?!

Глава XLIII ГЕНЕРАЛЬНЫЙ МАТЧ (ВТОРОЙ ТАЙМ)

Сирена вызывала уже на поле. Раздались аплодисменты. Это встречали Цветочкина и Кандидова. Теперь Антону приходилось играть против солнца. Кандидов надеялся, что в перерыве оно уже сядет. Он просчитался — нет еще. Зубчатая тень от тысячи голов, торчавших там, наверху, медленно продвигалась к его воротам. Низкое солнце жгло и кололо глаза. Он полагал, что разбитые гидразовцы уже не найдут в себе силы, для того чтобы нападать, как в начале игры. Но сразу, вслед за свистком, игра покатила к его воротам и заметалась перед ним. Антону не давали опомниться. Мяч метался перед воротами. Солнце не давало осмотреться толком. Тень продвинулась, но была еще далеко.

— О, черт, как медленно поворачивается! — услышали запасные магнетовцы, сидевшие вблизи ворот Кандидова.

— Кто поворачивается?

— Да земля эта!..

Его не поняли. Ему показалось, что все сегодня против него. Если бы трибуны стадиона были немножко выше или земля повернулась чуть быстрее, солнце было бы уже загорожено.

На трибунах гудели. Там тоже поняли, что гидразовцы не смирились, что команда вышла с намерением дорого продать кубок и боролась всерьез. Даже мяч как будто стал злее. Казалось, что он, фыркая, бросается на людей. Антон кидался в самый омут игры. Длинные руки его извлекали мяч из самого пекла, и мяч, казалось, клубился у него в руках. Игра стала резкой. Сразу попало несколько человек.

— Ну, сейчас пойдет рвачка, — говорили на трибунах.

— Да, это уже сшибачка началась.

— Завтра дрова подешевеют, — сказал дядя Кеша, — пошла рубка, колка... Этот Цветочкин и ковала же!

— Ну, ваши, положим, тоже охулки на ногу не кладут. Им только случай дай подловить — приложат... мое почтение!

Севастьяныч, сторонясь мяча, изворачиваясь, сновал среди разгоряченных тел, как укротитель среди группы тигров. Он не давал расходиться страстям, почтительные тирады его сирены раздражали публику. Зрители жаждали результата. Они воспринимали свисток судьи как скучное лирическое отступление в авантюрном романе. Всем казалось, что Севастьяныч придирается к Цветочкину.

— Судья подыгрывает! — закричала южная трибуна. — Судья — двенадцатый игрок! Рефери, надень очки! Гроб, зола! Вали в крематорий. Касторки судьё!..

— Замолчь, ты! — кричал дядя Кеша и вставал, оглядывая крикунов. — Ты много соображаешь, сидя тут, шпана!

Карасик играл очень старательно. Он гонялся за всеми мячами, он старался поспеть всюду, где требовалось.

— Чарли Чаплин! — кричали ему мальчишки.

Он не обращал внимания. Его терзало сложное чувство: неистребимая жажда мести Антону и тоска по дружбе с ним. Он страстно хотел победы. Кажется, никогда в жизни ничего он не хотел так... Играя в полузащите, он все время вылезал в нападение. Несколько раз ему удавалось ударить по воротам Антона.

Его обуяла маниакальная приверженность к игре. Он обожал голубые майки и люто ненавидел алые. Но Антон насмешливо из-под самого носа брал у него мяч на лету и, насмешливо, вполголоса сказав: «Пер-Бако — это львенок, а не ребенок», — незаметно для Севастьяныча давал Карасику легкий шлепок сзади. Это было очень обидно для Карасика. Он разъярился. Он падал на траву. Майка его вылезла из трусов. Сверху на него наваливались тяжелые тела. В тоске и удушье он зубами рвал траву, выкарабкивался, вскакивал и, сатанея, гнал мяч к воротам. Только одно желание было у него — вбить, вбить, вбить!.. Во что бы то ни стало вбить этому здоровому, великолепному верзиле.

Вдруг он получил мяч от Фомы и в тот же момент увидел просвет. Впереди никого не было. Он бросился вперед за мячом. Антон ждал удара с другой стороны, от Бухвостова, и теперь бежал на перехват, прямо на Карасика. Карасик, на бегу примериваясь, как можно лучше ударить, хотел обойти Антона. На трибунах начали вставать.

— Сажай, сажай!..

Дальнейшее произошло в одно мгновение. Перед самым лицом Жени тело Антона закрыло горизонт, небо, трибуны. Откуда-то взялся Цветочкин. С разбегу он прыгнул на Карасика и всей тяжестью тела притиснул его к Антону, который сделал рывок навстречу. Слышно было, как столкнулись тела. Страшно, по-заячьи, вскрикнул Карасик и плашмя рухнул на траву.

Сразу все остановилось. Севастьяныч свистел.

— Коробочка! — раздался в тишине голос дяди Кеши.

— С поля! Коробочка! — закричали с трибун.

Да, это была «коробочка». Отвратительный прием — одновременный стискивающий толчок с двух сторон. Карасик неподвижно лежал на траве. Его быстро перевернули на спину. Не дышит. Баграш и Фома, схватив руки Карасика, делали ему искусственное дыхание. По полю бежал со своим чемоданом доктор. Настя и Груша, не чувствуя под собой ног, скатились с трибуны.

Антон нагнулся над распростертым Карасиком:

— Жень, что ты?

— Подлец! — сказал Фома.

— Дохлым играть нечего, — процедил Цветочкин, стоявший немного поодаль.

— Молчи, скот, убили! — шагнул к нему Бухвостов и замахнулся локтем.

— Ну-ну, ты!.. — сказал Цветочкин.

Подоспевший Севастьяныч появился между ними, как арбитр на ринге. Севастьяныч сделал обоим предупреждение. Карасика вынесли на руках. Фома бережно поддерживал свисшую голову. Антон хотел помочь, но Бухвостов рывкнул:

— Руки прими! Без тебя справимся...

Ребята бережно вынесли Карасика с поля. Трибуны глухо шумели. Севастьяныч был в затруднении. Коробочка была явная, но, может быть, не совсем умышленная, может быть, случайная. На трибунах выжидающе и строго молчали. Медлить было нельзя. Оставлять безнаказанно происшествие — тоже. Севастьяныч назначил одиннадцатиметровый удар в ворота Кандидова. Он принес мяч на штрафную линию. Раздались аплодисменты.

Пока Севастьяныч отсчитывал шаги, дядя Кеша объяснял молодым соседям приемы.

— Какие есть приемы? Разные. Подножка — раз. Подсечка — два. Ножницы — это вывих ноги противнику. На «мельницу» еще можно вскинуть: плечом под ложечку и бряк. Тоже ласковый трюк. Бывали еще подсадки, рубчик — гарантированный перелом кости. Ну, а это они, гады, в коробочку подловили. Прыжок с двух сторон. Ясно вам это? Ну, это ничего, злее будут.

Карасик лежал на носилках за трибуной. Груша помогала доктору снимать с Жени майку. Жалкий и очень симпатичный, лежал Карасик. Настя склонилась над ним. Доктор успокаивал девушек, сказав, что ничего страшного нет, ребра как будто целы, произошла, вероятно, мгновенная остановка дыхания, короткий временный шок и обморок, вызванный им. Но Настя понимала — теперь Антон вконец отрезанный ломоть. Нечего было и думать о его возвращении. Как она ни держалась, тяжелые капли выкатились из-под ресниц. Одна из них упала прямо на лоб Карасику. Карасик тяжело вздохнул и открыл глаза. Груша радостно вскрикнула. Карасик смотрел на Настю.

— Это вы на меня наплакали?

— Нет, — смущенно улыбаясь, сказала Настя. — Это, верно, дождик накрапывает.

Карасик мгновенно вскочил на носилках и потянулся к майке:

— Дождик?! Так он нам всю игру испортит!

— Да нет, нет, это был не дождик, — сказала Настя.

— Настя, вы?.. — закричал Карасик и спустил ноги с носилок. — Да я совершенно здоров, во мне сил на двадцать таймов подряд.

Он хотел сделать шаг, но вдруг ужасная боль и удушье стиснули его грудь, и он ничком упал на землю.

Угрюмые, мрачные гидраэровцы выстроились за штрафной линией. Их тянуло взглянуть, как там Карасик, но надо было играть. Пенальти бил Бухвостов. Он применил коварный прием: сделал вид, как будто целится в левый угол ворот, а в самый момент удара сменил ногу и пустил мяч к правой нижней стойке. Едва не обманувшийся, Антон бросился почти наобум, но удержал и почувствовал, как забился в ладонях сильно пущенный мяч. Времени уже оставалось немного. Гидраэровцы же никак не могли примириться с проигрышем. Баграш крепко держал и вел команду. Он видел угнетенное состояние своих ребят, но подметил усталость, и смятение Антона. Ошарашенный происшедшим, обозленный грубостью ребят, Антон нервничал в воротах. Это не укрылось от Баграша.

Капитан заметил, что магнетовцы издали отдают мяч к своим воротам, чтобы протянуть время. Они играли уже не на результат, а на время.

— Смотри, ребята, они на оттяжку играть начинают! — говорил Баграш каждому из своих игроков по очереди. — Мы их причешем за Карасика!

И, собрав все свои силы, он повел мяч с таким напором, с такой решимостью, что Фоме, Бухвостову, а за ними и всем остальным стало совестно. Вот капитан! Насколько старше всех, а не сдает. Напрасно теперь магнетовцы пытались оттягивать игру: играли на аут, посылали мяч Антону. С новой силой вспыхнул порох игры. Линии полузащиты и нападения гидразовцев покатались на ворота, как валы штормового прибоя. Гидразовцы хлынули на ворота, как ливень. Антон не мог понять, откуда берутся силы у этой разгромленной команды. Но думать было некогда. Мячи, один свирепее другого, неслись на него. И Антон с ужасом почувствовал, что он сдает... Потрясение и усталость сказались.

— Играйте же! — крикнул он своим защитникам впервые в жизни.

Обычно он даже досадовал, что защитники не подпускают к нему мяча. После краткой стычки у края штрафной площадки вырвался Фома. Он бежал прямо на ворота. Защитники отстали. Никто не мог помешать ему. Положение у Фомы было отличное. Антон видел, что мяч придется ему хорошо под бег. Фома мог ударить с ходу. Антон мгновенно измерил расстояние до бегущего, и вот в тот момент, когда Фома хотел ударить, нырнул ему под ноги. Но за сотую долю секунды до этого Фома перепрыгнул через мяч, отказавшись от верного удара, и пяткой толкнул его набегавшему сзади Бухвостову. Бухвостов пробил по воротам уже невидимый Антону мяч. Это был удар прямой, как выпад шпаги. Холодея всем нутром от мысли, что опоздал, Антон сделал нечеловеческий рывок в угол. Тело его пересекло ворота, но еще в воздухе Антон почувствовал страшную, убийственную пустоту перед пальцами. Прежде чем он осознал, что не дотянулся, потрясающий рев рухнул сверху и оглушил его, словно землетрясение произошло.

— Г-о-о-л! — ревел стадион. — Го-о-о-о-ол!!!

Антон лежал поверженный, в песке, вытянув руки, зажмурившись. Потом он медленно поднял голову, открыл глаза, сел, оглушенный, плохо соображая, как все произошло. Не хотелось глядеть на белый свет, полный рева и треска аплодисментов. Мяч, закрутив вокруг себя сетку, далеко протащив ее по песку, лежал запутавшись.

Антон встал с усилием... Служитель стадиона спускался по лестнице, держа в руке большой белый ноль. На щите висела цифра один. Служитель слез со стремянок и бросил ноль на землю.

О, что творилось! Какой грохот и рев стояли вокруг. Трибуны бушевали. Все ходуном ходило на них. Баграш и Фома трясли руки Бухвостову. Яшка Крайних сделал стойку и ходил на руках вверх ногами в своих воротах. Зрители тоже были довольны. Они видели то, что редко кто видал: «сухой» вратарь, «вечный ноль» — Антон Кандидов был размочен. И кем?! Гидразовцами, клубной командой класса «Б»! Дядя Кеша сорвал кепку и бил ею соседа по голове.

Антон отряхнул песок с колен, выпутал мяч из сетки и с отвращением выбросил его на центр. Вдруг его охватило бешенство. Ладно, он им покажет. Он ходил в воротах от стойки к стойке, как тигр в клетке. Нет, надо совершить что-нибудь неслыханное, как тогда с «Буйволами». Игры оставалось всего шесть минут. Гидразовцы опять нападали. Антон, выбежав за штрафную, грубо сшиб Баграша. Трибуны засвистели:

— Фью!.. Кандидов, Кандибабкин, Кандибоберов!..

Баграш поднялся и, отходя, хромя, укоризненно сказал:

— Этим не возьмешь, Антон...

Но Антон уже плохо соображал. Ему казалось, что слава, которую он все время крепко, как пойманный мяч, держал в руках, ускользала от него.

Через минуту на ворота гидразовцев били угловой мяч, так называемый корнер. Все вдруг увидели, что Антон, как на матче с «Буйволами», оставил ворота и вместе со всеми направился к лицевой черте противника. Один из защиты «Магнето», пожав плечами, стал па

его место в воротах. Спорить было бесполезно. Команда знала упрямство Антона. Цветочкин блестяще подал из угла мяч. Мяч, описав длинную дугу, опустился прямо на ворота гидраэровцев. Чижев принял удар, но Яшка отбил. Чижев носком легонько поддал мяч к воротам. Кандидов стоял впереди, у самой стойки. Он прыгнул. Седая прядка его взметнулась. Мяч от его головы влетел в ворота гидраэровцев. Антон победоносно поднял руку вверх. Раздались аплодисменты. Но хлопки были неуверенные, у аплодисментов был слишком высокий тон: хлопали только мальчишеские ладони. Руки болельщиков оставались неподвижными. Севастьяныч взял мяч и положил его перед воротами.

— Офсайд! — вопил дядя Кеша.

Аплодисменты стихли.

— Какой такой еще офсайд? Что за петрушка? Чистый гол! — возразил Кандидов и, взяв мяч, хотел нести его на центр.

— Вы были вне игры, — объяснил Севастьяныч, беря у него из рук мяч и кладя на землю.

У мяча грозно стали гидраэровцы.

— Да пошел ты еще! — пробормотал Кандидов Крайнаху и нагнулся за мячом.

Яшка не давал мяча.

— Ты что, сдурел? — спросил Кандидов и толкнул его плечом.

— Кандидов, я вас предупреждаю! — сказал Севастьяныч.

— Подыгрывать взялся?! — прошептал с бешенством Антон.

— С поля! — кратко приказал Севастьяныч.

— Ты что?

— Вон сейчас же с поля!

Тут только Антон опомнился. Фома взял у него мяч из рук и добродушно помахал рукой:

— Иди, иди, попей чайку, очухайся!

Сперва раздался свист, потом стало очень тихо. Стадион молчал. В тишине уходил Антон с поля. Игра продолжалась. Цветочкин принял на себя капитанство. В голу стал Чижев.

Гидраэровцы нападали с новым рвением. Тут всем стало видно, как опасно строить игру на одном человеке. Как только Антон покинул ворота, в команде «Магнето» начался полный развал. Напрасно Цветочкин пытался сохранить хорошую мину, подбадривал партнеров и ругал их последними словами. Уже через две минуты в осиротевшие ворота, где Чижев метался беспомощно, как холостяк, случайно оставленный на кухне, влетел от ноги Фомы новый мяч. Счет сравнялся. За две минуты до конца Баграш, красиво обведя двух защитников, тряхнул стариной, засадил великолепный шут. Это был решающий третий гол. Теперь Чижев метался в воротах, как пассажир на тонущей палубе. Спасительный свисток Севастьяныча избавил магнетовцев от дальнейшего позора. Старые футболисты «Магнето» выбежали на центр. Они привыкли к превратностям судьбы. Несмотря на отчаяние — упустили верную победу и кубок, — они нашли в себе силы посередине поля мужественно, хотя и вразброд, прокричать «физкульт-ура!» Гидраэру. Те отвечали дружными голосами, полными великодушия и восторга. И, тесно обнявшись, победители побежали к люку.

Трибуны стояли. Покрывая гул оаций, радио провозгласило: «Большой кубок Спартакиады профсоюзов выиграла команда Гидраэра».

У дверей раздевалки Мартин Юнг целовал каждого и спрашивал:

— Ну что, Мартин Юнг — трепач? Сами вы трепачи!..

Когда в молчании стадиона изгнанный из игры Антон прошел через толпу стоящих зрителей, все ему уступали дорогу. Милиционеры очищали путь. На него смотрели кто с насмешкой, кто с сочувствием. Антон шел и выдыхал воздух коротко и сильно. В нем еще все клокотало. Мышцы его не мирились с покоем. От него шел пар. Казалось, он дымит, как человек, выскочивший из пламени и обданный холодной струей. Лицо его потемнело, скулы обтянулись, словно обуглились. Крупные капли пота затекали за ворот свитера. Он

зашел в раздевалку.

Пусто...

Доносился гул стадиона сверху. Он лег ничком на скамью. Все кончено, все кончено... Развенчан, опозорен, размочен. Сколько бед на одного! Карасик... Гол... Ах, ты!.. Хорошеньких дел он натворил. Что он там такое наболтал? И выгнали, как мальчишку, как школьника из класса. Над головой, на трибунах, затопали, закричали. Наверное, еще гол. Что скажет Цветочкин? Какими глазами посмотрит на него теперь команда? А впрочем, черт с ними. Все равно...

Как произошла эта проклятая коробочка? С нее все и началось. Припомнился странный взгляд, которым обменялись Чижов и Цветочкин в начале игры. Страшное подозрение... Может быть, они нарочно коробочку? Он вскочил. Скорее вон отсюда. Он стал поспешно одеваться. Узнать бы, как Женька. Опять над головой все загромыхало, загудело, пошло ходуном... Косой потолок готов был провалиться.

Когда Кандидов вышел с чемоданчиком, с поля доносились свистки и аплодисменты. Он удалился в пустую уборную и простоял там все время, пока слышал голоса гидраэровцев. Дверь дергали. Кто-то возмущался: «Кто там засел так долго?» Потом все стихло. Он вышел. Стадион истек и опустел. День выходил через северные ворота. В южные вползал вечер. Стыли скамьи амфитеатра. На огромном порожнем стадионе Антон почувствовал еще острее свое одиночество.

Над воротами снимали доски с цифрами: три и два. Это был счет проигрыша.

Дружно выстроившись, выходили через ворота, все в белом, милиционеры оцепления. Тащили из буфетов в корзинах пустые бутылки из-под сидра. Все было выпито до дна.

С флагштока главной мачты медленно пополз вниз флаг Спартакиады профсоюзов. С ним, скользя голубой тенью по полированному флагштоку, спускался прохладный вечер. Все было кончено.

Глава XLIV ВНЕ ИГРЫ

Антон проходил мимо будки телефонного автомата. Он услышал знакомый лягушечий голос:

— Проигрыш... Про-и-гр-ы-ы-ш объясняется позорным поведением небезызвестного Кандидова, чье чемпионское чванство...

Антон узнал через стекло затылок Димочки. Он яростно потряс рукой будку, едва не повалил ее. Димочка испуганно оглянулся.

— Ах, это вы?.. — пробормотал он, перетрусив, но тут же попытался снагличать: — А, поздравляю «сухого» вратаря с подмоченной репутацией, сик транзит gloria мунди...⁴³ Ничего, Антоша! Пойдем вспрыснем окончательно.

Но Кандидов, с омерзением посмотрев на него, вдруг устремился к воротам. Там со своим портфелем шагал Токарцев.

— Ардальон Гаврилович! — закричал Антон и вдруг тихим извиняющимся голосом спросил: — Как Карасик?

— Как же это вы, милый человек, дружка-то своего припечатали? Ай-я-яй!..

— А как он, Ардальон Гаврилович? Опасно?

— Да, надлом ребра, — сердито отвечал Токарцев. — Грудная клетка слегка помята. Могло быть плачевнее, доктор говорит.

— Ардальон Гаврилович, верьте слову, не было коробочки, — заговорил Антон, и голос его расщепился. — Я ни сном, ни духом... Сам не понимаю, как эта петрушка случилась. Я выбежал, а тут...

⁴³ Латинская пословица «Так проходит земная слава».

Он в отчаянии развел руками. Руки его бессильно опустились.

Профессор пристально поглядел на Антона:

— Вы сейчас куда?

— Да так, никуда...

— Ну, значит, нам по дороге. Я машину отпустил, Пройтись хотел. Пошли.

Дима вернулся в будку. Снова соединился с редакцией:

— Алло, нас разъединили.

— Да, телефон пошаливает.

Антон с профессором шли по Москве.

— А верно же, они хорошо играли? — спросил Токарец.

— Молодцы, дьяволы! — сказал искренне Антон. Ему хотелось обо всем рассказать этому почтенному человеку.

— Вы понимаете, в чем штука-то, Ардальон Гаврилович? Как вот они забили мне...

— Ну, забили, и всё. Должны же забить когда-нибудь. На то и футбол. Голкиперу вредно философствовать, бросьте!

— Нет, иногда стоит. Да... Я бы на башку свою спорил, что Фома ударит, Русёлкин. Ведь у него положение было какое! Место отличное, лучше не надо. И мяч как раз под правую ногу вышел. Только шутовать, а он взял да в самую последнюю секунду, когда я уже рывок дал, прыг через мяч, пас назад под себя. Я сразу мяч из глаз и выпустил. А там Бухвостов с ходу — раз! — и в угол, Я уж не дотянулся... Это я не знаю. Спасовать другому... Отдать свой верный мяч! Вы знаете, что это стоит форварду? Это просто, верьте слову, ни в одной команде бы не сделали. Они всю мою систему вверх тормашками. Это вот меня и доканало.

— Но вы там тоже засветили головой очень эффектно, — желая утешить, сказал Токарец. — Я, кстати, не совсем понял, почему не засчитали.

— Говорят, офсайд: я был вне игры. Вот Женька правду говорил — это самое трезвое правило. Вся игральная мудрость футбола в этом параграфе сидит. Примерно так: зарвался вперед игрок без мяча... С мячом-то можно: иди, пробейся, у противника отыграй. Но не вылазь вперед, на даровщинку, налегке. Не жди там, если ты за линию мяча зашел. Ты уже у ворот, кажется; и противников нет, и мяч тебе сзади дают свои. Товарищам-то он в поту дался, а ты вали на всем готовеньком. Стоп! Свисток. Офсайд. Ты не можешь бить, нет у тебя права, ты вне игры... Это трудно так объяснить.

— Нет, это мудро, — сказал Токарец, — хитро придумано.

Они шли уже по Садово-Триумфальной. Токарец взглянул на часы и заторопился.

— Ну, мне пора, — сказал он.

— Всем вот пора, а мне и спешить некуда. Вот петрушка! Живу я, Ардальон Гаврилович, вроде в офсайде. За линию зашел. Вылез к чужим воротам. Толкусь на готовеньком. Числюсь только на работе, а ведь на деле ни шиша... Сами знаете. Да нет! — воскликнул он, заметив протестующее движение Токарева. — Я не приbedняюсь, кипер-то я в полном смысле мировой. Таких, пожалуй, и не было до меня. Один голешник — это не в счет. Да ведь все-таки это игрушка, дела-то всерьез настоящего нет.

— Ну, если так рассуждать, мой милый, то и искусство...

— Вы меня не ловите, Ардальон Гаврилович. Вы не думайте, что я вот говорю так, ничего не понимаю. Я читал порядочно. Кипер-то классный, может быть, и у фашистов какой-нибудь выскочит. Я вот видел Планичку, немногим уж мне уступает. А вот, чтобы такое дело было, как у Баграша, у Фомы белобрысого, это вот совсем новый, иной разговор. Это наш особенный манер. Таких еще не было. Тут игра какое дело делает. На поле они выходят как бригада, а на производстве — команда. Одно к одному. А я вот, понимаете, уж не в самой точке. Вот как-то Карасик говорил: страна не прощает человеку неоправданных надежд. Раз обманувшись — возненавидит... Завидую я ребятам. Можете поверить? Ну вот завидую, и все! Вот постовому и то. Он свое место держит, у него пост имеется. Вот заступил, потом его сменяют, спать пойдет. Завтра встанет, сапоги начистит, блеск, выправка,

держись правой стороны... А мне каждое утро просыпаться страшно. Ни к чему как-то. И людей своих около нет. Настоящего слова не услышишь. Все ахи да охи, вратарь эпохи... А верной руки никто не протянет. Все руки аплодисментами заняты. Хлопают...

Ему было очень нужно так говорить о себе. Он мог бы целую ночь разговаривать вот так. Это давно уже накопело, а теперь прорвалось.

— Ну, всего вам, Ардальон Гаврилович, — сказал он грустно.

Одиноким и бесславным, брел Антон по Москве. Милиционер Снежков стоял у знакомой витрины путешествий. Антон бесшумно подошел. Но и это окно потускнело. Бюро, очевидно, переезжало в другое помещение. Загаженные мухами, поблекли, покособились плакаты, пожухли краски. Зигзагообразная трещина прошла по стеклу. Опрокинутый табурет валялся в витрине. На стигах плакатов лежал толстый слой пыли. Скучно было в этом литографированном мире, и сдохшие мухи запутались в паутине у мутного стекла.

— Здорово, постовой! — сказал Антон.

— Здравствуйте, товарищ Кандидов! — встрепенулся милиционер. — Извиняюсь, не признал спервоначалу. Гуляете?

— Гуляю.

Милиционер застенчиво хмыкнул:

— Да, вот и вам вышло пропустить. А сильная игрушка была, жестокая, как вас это... как вы покинули, значит, так ваши и припухли.

Минуту оба разглядывали плакаты.

— Смутрите? — спросил Кандидов сочувственно.

— Да, я тут недавно поставлен. Вот гляжу со скуки, размышляю по ночным обстоятельствам. Много, я говорю, красоты имеется на свете. Домища какие, гляди. Вот пальмы в жаркой природе. Субтропики, Интересно нарисовано. Отправление пароходов. Пассажиры-путешественники. Большое движение всюду наблюдается. Поглядеть бы, я говорю, как там заграничная жизнь происходит.

— Я глядел, нагляделся, — сказал Антон. — Это на картинках красиво выходит, а на деле петрушка.

— Скажите, пожалуйста! — сделал озабоченное лицо милиционер. — Кризис, что ли?

— В общем, что посмотреть-то, конечно, есть достаточно. Сперва прямо обалдеешь, а вглядишься, совсем другое дело. Незавидное там житье, друг.

— То-то они к нам ездят, интуристы эти. Значит, наше государство образует мировую достопримечательность.

— Меня переманить хотели, субчики, сто тысяч лир давали, сволочи! — сказал Антон и неожиданно для себя приврал. — Я их как шибанул с лестницы!

— Это правильно! — обрадовался милиционер. — Это я приветствую просто, товарищ Кандидов.

Запыхавшиеся Ласмин и Димочка подбежали к Антону.

— Уф! — сказал Ласмин. — А мы вас искали. Нам мальчишки сказали, что вы тут прошли. Популярность! Антон хмуро посмотрел на него:

— Ну, чего вам?

— Не огорчайтесь, Антон Михайлович, лучше вот поздравьте Димочку, товарищ вам по несчастью: вас — с поля, а его — из редакции! Нахалтурил во вчерашнем отчете о заседании наркомата. Можете себе представить, передавал по телефону своим побуквенным стилем фамилии выступавших... Там некто Седой говорил, Герой Труда... Ну-с, а Димочка наш сообщил: «Семен, Елена, Дмитрий, Ольга, Иван краткий». А проверить не удосужился. Так и напечатали: тов. Иван Краткий.

— Черт подери, — закричал Дима, — из-за этого Ивана Краткого я теперь Иван Сокращенный!

— Вот, — восхитился Ласмин, — учитесь переносить невзгоды!

— Товарищ милиционер, — сказал развязно Димочка. Он был навеселе. — Я имею

сообщить строго конфиденциально...

— Пошли бы вы спать, гражданин хороший, — сказал милиционер.

— А я не хочу спать... — сказал Димочка. — Извозчик! — закричал он. — Сколько возьмешь на Луну и вокруг Луны, без пересадки?

— Гражданин, я вторично предупреждаю. До Луны далеко, а отделение тут рядом.

— Милицейская астрономия, — сказал Димочка.

Ласмин положил руку на высокое плечо Антона:

— Ну, что вы тут тоскуете, Антон? Проигрыш переживаете? Плюньте, милый, что за ерунда! Ну, пропустили мяч, бывает. Я понимаю, вас сбила с толку их обезличка в игре.

— Какая, черт, обезличка! — вспыхнул Антон. — Это сыгранность. Каждый свое место чувствует. Играют вместе и каждый по-своему. А наши...

— Ну, один мяч и столько покаянных мыслей! — засмеялся Ласмин. — А что было бы, если бы вам пять вбили?

— Ой, арап, вот арап! Как это вы ловко Карасика! — погрозил пальцем Димочка. — Боб нам потом изображал технику эту...

Антон схватил его за шиворот, поднял и потряс. Рубашка у Димочки треснула, галстук вылез и сбился набок.

— Идите вы все от меня знаете куда? — сказал Антон и, надвинув поглубже шляпу, пошел к трамваю.

Пора было двигать домой. Он вскочил на ходу. Народу в вагоне было немного.

В трамвае властвовал некий франт. У него были самые желтые ботинки во всем вагоне, самые длинные кончики воротничка. Твердый, как яичная скорлупа, воротничок был широк ему. Маленькое желторотое птенячье личико на тонкой шее качалось под мохнатой кепкой с клювастым козырьком.

Все на него глядели. Молодые фабзайцы завистливо шептались, не сводя глаз с его ботинок. Девушки на задней площадке украдкой поглядывали на него через стекла и фыркали в плечо друг другу. Франт ехал с равнодушным личиком. Он будто бы не замечал внимания, но то и дело посматривал на свое отражение в черных стеклах вагона и поправлял галстук. Галстук был завязан в узенькую дудочку у горла и горбом выпирал на груди. По-видимому, молодой человек считал себя личностью незаурядной. Он привык, что на него пялят глаза, и давал всем беспрепятственно насладиться созерцанием его персоны.

Антон вошел в вагон, и франт разом померк. Рост Кандидова, осанка, плечи, заграничная шляпа, касающаяся самого потолка, — все это затмило его убогий шик. Франт тотчас принялся ненавидеть Антона. Он не в силах был отвести глаз от ботинок Антона — красно-вишневого цвета. А сколько дырочек, разводов было на них! Как толст был серый каучук подошв, настоящий приварной, а не клееный! А шляпа! И чемодан кожаный, украшенный цветными этикетками, как генерал орденами. «Должно быть, иностранец», — подумал бедный франт и подобрал под скамью свои ноги в сразу поблекших ботинках.

Антон взглянул на него, и ему стало смешно и противно. «Тоже вот прославляется, как может, — подумал Антон, — чтобы и он не как все».

В этот вечер все воспринималось с новой и горькой остротой. Так бы Антон и внимания не обратил на этого фертика.

На остановке вошло четверо слепых. Они, вероятно, ехали из гостей, нарядные, немножко выпившие. Антон уступил место.

— Спасибо, — сказал слепец. — Сокол с нашеста, ворона на место. Слепым у нас уважение, зрячим — плохое положение.

Рябой слепец, с толстым носом, исколотым оспой и похожим на наперсток, улыбался в пространство.

— Площадь Нугина! — отдельно, делая ударение на первом слоге, объявила кондукторша.

— Ишь ты, «ноги на»! — сказал веселый слепец. — Зачем мне ноги? Ты бы сказала «глаза нб»! Вот бы я кинулся!..

Слепые смеялись:

— Уж Филат скажет!

Филат, видимо, был записным остряком.

— Тут теперь хорошо, — убежденно и мечтательно сказал вдруг Филат. — Фонари кругом поставлены.

— А тебе какой толк? — сказал высокий горбоносый слепец с противоположной лавки. — Ты-то сам видишь?

— Не вижу, а знаю, — отвечал Филат. — Я вот тебя не вижу, а знаю, что ты рыжий.

Все засмеялись. Действительно, тот был рыжий.

— Мне не видно, а народу светло, — продолжал Филат. — По-твоему соображать, так и солнышку выходить незачем, раз его слепой не видит.

И опять!.. В другое время Антон просто бы подумал: «Вот бойкий слепец». А сегодня все имело особый смысл — люди, дома, слова... И сейчас Антон подумал: насколько честнее этот слепой многих зрячих, которые, сами не в силах рассмотреть солнце, уверяли, что его нет, и мешали видеть другим. Слова слепца показались ему иносказательными, как слова пророка. Сегодня глаза у Антона подмечали скрытую связь вещей. Словно ключик повернулся в мозгах... И все стало другим боком к нему. Он сошел с трамвая на углу своей улицы. Мимо него, всхлипывая, с подбитым глазом, в рваной кепке, шел мальчишка. Антону захотелось утешить его.

Он положил свою большую руку на голову мальчика:

— Не тужи, друг, пройдет.

— Тебе дела нет, сопливый! — басом сказал мальчишка, резко увертываясь. И, отбежав в сторону, он крикнул: — Вытурили самого, и закройся!

Это развеселило Антона. Он подошел к своему подъезду. В подъезде скулил соседский щенок. Он тявкнул, затряс обрубок хвоста, хотел отскочить в сторону — ноги разъехались на скользком кафеле.

— Что, брат, выгнали? — наклонился над ним Антон. — Набедокурил небось, а теперь сам просишься. У, цупик ты!

Он поднял щенка за шиворот, сграбастав его сзади за толстую складку шкурки. У щенка смешно повисли лапы. Хвостик поджался вверх к брюшку. По пузу шныряли блохи.

— Вот возьму тебя сейчас за шкурку, — сказал Антон и внес щенка к себе наверх. В квартире было пусто и темно. Хорошо, что он прихватил щенка, с ним не так одиноко.

Антон накрошил хлеба, налил воды в блюдечко и ткнул щенка носом.

— Фью-фью, офсайдик, офсайд, офсайд, — сказал Антон. — Ух ты, офсайдик ты мой, собачура!

Щенок жадно глотал и давился хлебом. Живот его раздулся. Потом щенок свернулся в углу и заснул, урча во сне.

Антон включил радио.

— ...таким образом в финале Спартакиады команда Гидраэра...

Антон выхватил вилку включателя из штепселя: «Нет, никуда не уйти от бесславия».

Он подошел к столу. Он вынул вырезки, почетные значки, портреты... Нашел Настину карточку. Положил ее на стол и долго смотрел. Надо бы пойти, да кто поверит? Проиграл, скажут, и просится теперь. Карасик бы понял, но... проклятая коробочка! Нет, обратно ходу нет. Некуда податься. Он взглянул на книги. Непрочитанные книги, толстая стопка газет на окне... Черт его знает, прежде работал, так занят был — и как читал, все успевал, а теперь некогда...

У него пересохло в горле. Он поставил на газ чайник. Сиреневый венчик возник и зашумел около снутой спички. Чайник легонько зазвенел. Антон поднял щенка, сел, положил кутенка к себе на колени. Усталость легла на затылок, пригнула голову Антона. Так он и заснул, сидя в кресле и держа щенка на коленях.

Глава XLV

НА СЧЕТЕ «ДЕСЯТЬ»

Гидраэровцы были несколько смущены исходом их борьбы с Антоном. Весь стройный план их рухнул. Они были обескуражены уже в тот момент, когда Севастьяныч выгнал Антона из игры. Не этого хотели ребята, не этого добивались. После матча их все поздравляли, тормозили, обнимали. Их обступили фотографы, репортеры, интервьюеры. Требовали биографий каждого. Десять было налицо, а одиннадцатая...

— Баграш, какая у Карасика биография? — спросил Бухвостов.

— Пиши просто: малый — золото! — сказал Фома репортеру.

Антон искали и не могли найти. Вечером обе команды были на банкете. Отсутствие Антона беспокоило Баграша.

Команде вручили большой серебряный кубок с фигурой футболиста и прочими спортивными регалиями. На обратном пути домой ребята поссорились из-за того, кому нести кубок. Бухвостов требовал, чтобы дали ему.

— Я ведь забил первый мяч.

— А кто тебе спасовал? — не унимался Фома.

— Ну как маленькие! — сказала Настя.

Она была очень встревожена исчезновением Антона.

Дома их ждал Токарев. Он рассказал о своей встрече с Антоном.

— У него скверное состояние, — сказал профессор. — Может быть, мне не следует вмешиваться, но, полагаю, сейчас самый подходящий момент. Что? Ну, а мне пора... Будьте здоровы...

Но тут забушевал Бухвостов. В нем еще не опала ярость игры.

— Нет, товарищи, — закричал Бухвостов, — я против! Такого человека... Карасика... Такого человека, который всего себя не жалел, такого товарища он себе позволил... Это он в отместку, нарочно. Если у него нахальства хватит явиться, в рожу плюну, так и знайте!.. И я просто считаю даже по отношению к Карасику неудобно...

— С каких это пор ты таким карасистым стал? — спросил Баграш, подмигивая ребятам.

— С таких вот! Бухвостов. — Карасик тоже изменился в нашу пользу. А Кандидов? Вечная склока из-за него, бестолковщина, развал, неразбери-бери... И вообще я не понимаю таких людей. Это в моторе реверс нужен. А когда у человека в идеологии реверсивная взад-вперед, это, знаете... Вот вкололи ему, так он теперь и проситься будет. Ясно. Это мало радости. Сбили гонору, вышибли с поля. Он, конечно, теперь видит — податься некуда...

— Коробочки не было, — сказал Токарев. — Это неумышленно, произвольно. Что? Я видел э... э... дядю Кешу, вы его знаете, он специалист. Он уверяет, что виноват Цветочкин.

— Оба хороши! — сказал Бухвостов.

— Ну что ж, — начал Баграш, — значит, тогда мы проиграли встречу. Кубок наш, а человека продули. Так? Что же, так и откажемся от него? Распишемся, ничего не поделаешь. Судьба. Так?

Команда молчала. Вдруг Настю словно прорвало.

— Как ты можешь так? — закричала она Бухвостову. — Сами довели парня, затравили... Погодите, он еще покажет вам...

Она вдруг заплакала и схватилась за голову:

— Ой, что я говорю!.. Ну товарищи, ну милые, ну что же теперь делать?..

Все молчали и отворачивались смущенно. Фома подошел к Бухвостову, больно ткнул его кулаком сзади:

— Эх ты, балдиссимум! Чуткости, душевности в тебе вот ни на столько... Настя, ты его не слушай, мы — за!

— Да, полегче, полегче! — сказал Баграш. — Человек не семечки, так, смотри, проплюешься.

— Это, Коля, ты чепушишь! — горячился Фома. — Он же наш, в общем...

Бухвостов стоял, потупив голову.

— Товарищи, Настя... Что вы меня каким-то выводите типом... А ты вот чуткий такой, — обернулся он к Фоме, — понять можешь, что у меня ни отца, ни матери, никого своих. Чуткости, говоришь, нет? Мне коммуна наша первый раз в жизни, как своя семья. Я гордиться ею могу. Я за нее горло зубами перегрызу кому хочешь и на даровщинку в нее никому не позволю... Ну, я просто боюсь... Боюсь, ребята... Что, я против Антона, что ли? Давайте уж начистоту. Знаю, Фома думает, что это я Настю к Антону ревную. Было, не скрою. Мало, что прежде... Ну, а сейчас это просто смешно. Что я, не понимаю?

— Кончил? — спросил Баграш, когда тот замолчал. — Эх, Коля, Коля! Ты не Настю ревнуешь, ты команду к нему ревнуешь, вот в чем дело. Забыл, что коллектив-то из людей живых составляется. А человека ты и не видишь, нехорошо.

Тут вмешалась Груша.

— Ребята, вы послушайте, — сказала она. — Я Тошку насквозь знаю. Он гордый, срывной. Сколько я с ним арбузов повыгрузила — тысячи! Такого, как он, на всем свете не сыскать. Но только вам тоже к нему с извольте-позвольте не дело идти. Сам отбил, сам пускай и приходит. Давайте я к нему схожу, вроде как сама по себе, так, мол, и так, порасспрошу, намекну...

Душный и нелепый сон снился Антону. Он шел по берегу Волги. Ноги вязли в горячем песке. И вдруг песок стал зыбким, стал затягивать его. А наверху по увалу шли четыре цыгана. Закат красил их бороды в рыжий цвет. Глаза цыган были закрыты. «Слепые!» — подумал в непонятном страхе Антон... Песок поднимался все выше и выше, он уже сдавливал грудь. «Карасик! Женька!» — закричал Антон, но никто не пришел. Наверху на скамейке сидела Настя и смеялась. Из реки вышел рыбак с сетью. У него были засученные выше колен штаны. Вода стекала с сухоньких волосатых икр. Рыбак снял сеть. Сеть упала на голову Антона, опутала руки. Он не мог теперь отбиваться от наступающего песка и уходил все глубже и глубже. Песок душил его, звенел в ушах, скрипел на зубах, вваливаясь в рот. Антон рвался изо всех сил, мычал, стискивал зубы. Что-то живое, горячее забилося на его руках. Антон прижал к себе. Надо было открыть глаза, но веки были тяжелы, как железные жалюзи. В руках у него, скуля, бился щенок. Антон со страшной натугой наконец раскрыл глаза. Щенок лежал на коленях. Его дергала судорога, слюни текли сквозь оскаленные зубы. Глаза щенка были заведены. Ток судороги пробежал по тельцу, дергал лапку. Антон услышал громкий медный стук.

— Войдите! — закричал он.

Никого. Вдруг он понял, что это стучит у него в ушах. Страшная боль ударила его изнутри по глазам.. В эту минуту он ощутил какой-то кисловатый железистый запах. До него донеслось сипение. Он взглянул на плиту. Чайник ушел. Вода залила огонь. Газ натекал в комнату. Антон швырнул щенка на стол, хотел привстать, но ноги еще вязли в песке... И вдруг сладкая вялость подкатила к горлу и подсекла колени. Он откинулся на стул. Надышался. Не встать... «Ну и пусть, — подумал он вдруг. — Прощай, песик. Осклиз вышел». Лампочка тускло горела где-то очень далеко. Он видел только, словно в густом паре, накаленные нити — серая пелена обволакивала все. Потом она стала сворачиваться в сладкую вату, которая заложила уши, кляпом забила рот, запала в глотку. Что-то мягкое тяпнуло в темя. Удар был теплый, душный. Он глушил сознание, все стало круто заваливаться за затылок. Его опустошало бессилие. Он опрокидывался во что-то заглатывающее, липкое, без света и дна. Вот уже нет ни рук, ни ног, он уже ничего не может, ничего не знает...

— Я кончился! — крикнул он, чтобы услышать свой голос.

Но это произнесено было словно кем-то другим. С ужасом Антон понял: сейчас он перестает быть, никогда ему не подать голоса. Он отнят, отринут от всех... Это было самое страшное... И все, что еще жило в нем, содрогнулось, завопило, забилося в смертном неистовстве и страхе.

«Нет, нет! Он не хотел уходить от них. Настя! Карасик! Ребята! Хоть слово!.. Дышать, жить... Настя!..» Хоть руку, хоть слово, чтобы ухватиться, встать, опереться. Он свел всю волю, все остатки сил в желании встать.

— Помогите! — закричал он, но никто не ответил. — Помогите же!.. Люди вы или нет?..

Встать... встать... открыть окно... Он стал приподниматься. В голове перекачивался свинец. Пудовая пломба. И при каждом движении она била в подбровья, валилась в висок. Он уперся в стол, упал грудью. Приподнялся на локтях, потом уперся на ладони, стал обходить стол, держась, качнулся, выправился и сделал шаг к окну. Оставалось еще два шага. Надо было оставить стол. Он наконец решился, отпустил, сделал шаг. Но вдруг что-то тугое коротко и сокрушительно поразило его в темя. Он рухнул вперед, как подсеченный. Он упал, не успев даже согнуться, как боксер на ринге, не чувствуя падения. Холодная жесткая плоскость пола под прижатой к ней скулой и глазом — это было последнее, что он понял.

Он лежал, перегородив телом комнату, распростертый во весь рост. И тут над ним стали бить большие часы на стене. Тяжелый маятник взлетал и опускался, возносился и падал, отсчитывая секунды, как невозмутимая рука судьи на ринге. Первые два удара он не слышал, потом густой звон дошел до сознания. Он напомним Антону медный тон гонга. Весной Антон, чтобы выработать реакцию и невосприимчивость к ударам, усиленно тренировался с боксерами. И теперь ему показалось, что он получил сильный удар и сбит с ног. Надо встать... Надо встать... Надо встать...

Пол качался под ним, как плот... как плот... как плот. Три!.. Вот так, поднять руку, оторвать от пола, перехватив колено. Четыре!.. О, что в голове творится! Встать. Надо встать. Пять!.. Еще, еще немножко. Шесть! А ну, еще разок, еще! Семь!.. Давай еще... Вот так. Еще давай, чуток... Теперь разогнуть. Упор на ногу. Найти равновесие. Восемь!.. Вот так... Есть, держись, держись!.. Ох, чуть не свалился. Все кругом идет...

Он прынул вперед, повалился на подоконник и обеими руками выбил нараспах окно. Свежий вечерний воздух ворвался в его отравленные легкие. От боли, расколовшей голову с переносицы к затылку, он снова потерял сознание. Он лежал, навалиясь грудью на подоконник. Медленно приходя в себя, хватал ртом воздух. Его стошнило. Стало немножко легче. Москва, мерцающая огнями, как груда раскаленных углей, простиралась внизу. Он с трудом помнил, что произошло. Ему вдруг стало стыдно до того, что он почувствовал колющий жар во всем теле. Силы понемножку входили в него. Жизнь снова водворялась на свое место в большом его теле. Он добрался до плиты, завернул кран, потом поднес к окну щенка. Кутенок быстро оживал, шатался и слабо лизнул Антона в нос.

Минут через двадцать раздался стук в дверь. Антон быстро оправился, подобрался весь, с трудом побрел открывать. Вошла Груша. Антон с удивлением, не веря глазам, смотрел на нее.

На Груше было лучшее платье: зеленое, с крупными белыми кружочками. Бильярд — называл его Карасик. Груша несла аккуратный узелок. Пухлые губы ее были чинно подобраны.

— Здравствуй, тамада, — солидно сказала Груша и протянула ладонь лодочкой.

— Здорово, Проторова, — в тон ей отвечал Кандидов. — Присаживайся. Милости прошу.

Сам он давно сидел в кресле. Он не мог стоять. Ему опять делалось все хуже. Колени были мягкие, словно ватные. И пол, утратив свою твердость, казался зыбучим.

Груша развязала узелок. Там аккуратно был завернут в белую линованную бумагу кусок торта. Розовый и пышный крем лежал на нем, похожий на лепные украшения, какие бывают в больших залах. В узелке были еще два яблока, половинка апельсина, три конфеты в пышных, шуршащих бумажках. Антон, глядя на приторные красоты торта, почувствовал тошноту. Он смотреть не мог на эти сладости. Его опять мутило. Отрава плыла в его крови.

— Вот, ты уж не серчай, — сказала Груша. — Я тебе гостиничек, не побрезговай. Этим нас на банкете угощали.

«Вот верный человек, вспомнила-таки...» — Антон взволновался. Его тронуло бесхитростное внимание девушки.

— Благодарствую, — глухо сказал он. — Зачем только? Лишнее тебе беспокойство.

— Ну, пустяки-то! Ешь, крем до чего свежий... Я уже давеча заходила, а тебя нет. Гуляешь все?

— Гуляю, — сказал Антон.

Комната начинала вертеться вокруг него. Он зажмурился. Но тогда начинала кружиться зеленая, искристая тьма в глазах.

— Это ты тут живешь? — спросила Груша, осматривая комнату. — Ничего, обстоятельно...

Она подошла к столику:

— Ешь, ешь, ты вон какой плохой стал.

Потом она под села поближе.

— Тошка!.. — Она стыдливо фыркнула.

— Ну чего?

— А у Насти-то на столике портрет твой вырезанный.

— Ври!

Антон приподнялся. В голове у него зазвенело. Он снова сел, внимательно глядя в лицо Груши. Лицо ее двоилось.

— Стану я врать! — и Груша обидчиво поджала губы.

— Бреешь ты, Груша! — с опаской сказал Антон.

— Разорви меня! Честное комсомольское!

— Ой, Груша, врешь! Я тебя знаю.

Антон повеселел. Он уже видел, что Груша говорит правду.

— Ой, вот дурной, а еще вратарь! Она же по тебе знаешь как!.. Да и ребята, как ты ушел... Ой, Тошка, чего тогда было!..

Она всплеснула руками, придвинулась еще ближе. Она заговорщицки оглянулась и скороговоркой, захлебываясь, шепотом сказала:

— Ой, ты только не болтай им, ладно? Это они сами меня к тебе послали.

— А ты не врешь, Аграфена?

Он хотел привстать, но дурнота схватила его за горло и опрокинула.

— Тошка!.. Ой, мамочка, Тошенька!.. Что это по тебе чернота пошла?

Он больше уже не мог держаться. Он валился. Но, теряя сознание, Антон больше всего боялся, как бы не подумали, что он нарочно...

— Груша, ей-богу! Ну поверь... Нечаянно это... Газ нашел... Насте скажешь. А то подумают еще... Вот ведь какая петрушка, понимаешь... — бормотал он, с трудом выдыхая слова.

Груша стала трясти его за плечи. Она расстегнула ему рубашку. Подбежала к водопроводу, налила в стакан воды. Набрала в рот и, сильно дунув, приснула в лицо Антону. Но он не шевелился. Она кинулась к двери:

— Граждане, есть тут кто?..

Молчание пустой квартиры испугало ее. Секунду растерянно она стояла, прижав руку к щеке. Потом бросилась из комнаты и скатилась бегом вниз по лестнице, искать телефон.

Щенок встал на задние лапки, дотянулся до стола, принялся. Пахло сладко и аппетитно. Щенок добрался до торта. Громко стуча обрубок хвоста о спинку стула, он принялся розовым язычком слизывать крем.

ГЛАВА XLVI СВИДАНИЕ

Карасик провел ночь спокойно. Боль утихла вскоре после перевязки. Он был туго обмотан, забинтован. Марля стесняла дыхание, но от бинтов было покойно. Правда, боль

утихла, но не прошла. Она была где-то недалеко, притаилась, и готова была снова броситься когтями на грудь.

Его прямо со стадиона отвезли в заводскую больницу.

Долго перед глазами его стояло лицо Антона, яростное, закрывшее все небо и обрушившееся болью и мраком.

Вечером Баграш добился свидания.

Команда терпеливо ждала у дверей больницы. Баграш сообщил Карасику о победе: три — два. «Тошку размочили».

— Ну, теперь, в общем, помирать можно спокойно, — пошутил Карасик. — Неужели Тошка три мяча съел? — поразился он.

Карасик хотел знать подробности. Баграш замялся:

— С Тошкой конфуз небольшой приключился... Лежи, лежи, так, ничего особенного.

Узнав все, Карасик задумался.

— Поделом Антону, конечно, но...

Карасик в душе был очень зол на Кандидова. И все-таки ему было жаль Антона. Не так было все задумано.

— Эх, это скверно, — сказал он.

— Конечно, не важнецки. Ну, ничего, как-нибудь. Ты дыши, дыши, Карась, набирай духу. Поправляйся. Молодец ты у нас, Евгений!

Он осторожно и неуклюже потрепал Карасика по голове и на цыпочках вышел.

Звонили из газеты, из комитета. Карасик почувствовал себя героем. Вот все его любят. «Пострадал физически, получил повреждение» — как хотите, а это звучит.

За окном, затихая, погромыхивала Москва. Дружелюбно подмигивали ее огни. Нет, он не сердит на Тошку. Игра... Он устроился поудобнее. Мешали бинты. Он подложил руку под щеку, как в детстве. По стене и по потолку прошли веером полосы света. Несмотря на бинты, Жене было очень легко и уютно. Он засмеялся, счастливый, и уснул.

Ему ничего не снилось.

Ночью кого-то занесли, кто-то заходил, что-то двигали. Он слышал это сквозь тьму и сон. Но просыпаться было лень.

Он проснулся, когда стало совсем светло. Утро было необыкновенно светлое, веселое, праздничное, как в детстве, в первый день каникул весной. Он лежал лицом к стене. По стене плыли розоватые и сиреневатые отсветы, Стена была словно фарфоровая.

Карасик услышал чье-то дыхание. Осторожно, чтобы не разбудить дремавшей боли, он повернулся. По улице, наверное, прошел стекольщик, и по потолку некоторое время шатался солнечный заяц с зелено-оранжевым краем...

У противоположной стены стояла кровать. Там спал новый больной. Его внесли ночью. Больной дышал глубоко и шумно. Длинные ноги его вылезали за прутья койки.

Голова больного скрывалась за больничным столиком, который стоял между постелями. Карасик стал тихо отодвигать тумбочку. Ему хотелось взглянуть на соседа.

Он увидел мятую подушку, загорелую шею, страшно знакомую. Забыв о боли, Карасик приподнялся на секунду и успел разглядеть седой клоч на растрепавшейся голове соседа.

Но в ту же минуту Антон пошевелился. Простыня забушевала на нем, как море. Он повернулся, хрустнули кости.

Продрал глаза и уставился на Карасика. Спросонок Антон ничего не мог понять. Он пожевал губами, зажмурился. Потом снова открыл глаза и со снисходительным недоумением не вполне проснувшегося человека взглянул на Карасика. Он поднял брови, моргнул, рот его медленно открылся и закрылся. Карасик заметил бледность и желтизну его лица, темные, словно закоптелые круги под глазами. Антон медленно заливался краской. Он засопел. Они долго смотрели друг на друга молча.

Карасику вдруг стало весело.

— Антону Михайловичу, наше вам! — сказал он.

— Здравствуй, Женя... — пробормотал Антон.

Оба одновременно откинулись на подушки. Как дальше говорить, никто не знал. Минут пять они лежали неподвижно и безмолвно.

— Вот, опять встретились, — сказал Антон.

— Да... А ты как сюда?

— А, невезение. Можешь поверить, газ ушел...

Карасик подозрительно взглянул в лицо Кандидова. Антон опустил глаза.

— Женька, — наконец решился он, — не хватит нам в разрывушки играть, а?

— Это твой почин.

— Ну, сдаюсь, сдаюсь, ты выиграл. Достаточно с тебя?

— Эх ты, гад! — сказал Карасик укоризненно, долбя затылком в подушку. — Кого? Меня? Как жука, в коробочку взял.

— Женья, честное слово, ненароком... Можешь ты поверить?..

— Все у тебя ненароком: и газ и коробочка. Молчи уж, знай, змей ты коробчатый!

Это просто непроизвольно выскочило у Карасика. Он сам не мог понять, откуда пришло ему в голову такое сочетание: змей коробчатый. Само так сказалось.

Но от этого восклицания, напомнившего детство, смешное соперничество, оба разом повеселели и обрадовались.

— Женья! Эх, Женька, пойми ты!..

— Ладно уж, черт с тобой! — беззлобно сказал Карасик.

Они лежали друг к другу лицом, испытывая чувство счастливой неловкости, и весело хмурились.

— Женья, — сказал вдруг Антон и плотно прикрыл глаза, — можешь, пожалуйста, ржать надо мной, что я бабой стал. Но знаешь, какой ты для меня есть друг? Самый дорогой ты, родной мне человек из всех на свете. Вот!.. — Он сердито повернулся лицом к Карасику. — Не веришь?.. Не надо.

— Тоша, — сказал Карасик, — Тошка, я же как дурак, тебя самого люблю, черта!..

Оба не могли больше вмещать в себе всю внезапно забушевавшую нежность.

— Давай, что ль, уже окончательно почеломкаемся, — сказал, приподнимаясь, Антон и спустил ноги на пол.

— Только осторожненько. У меня ребро... — предупредил Карасик.

Антон сконфузился.

Когда мама Фрума и Груша в дозволенный час, с цветами, кулечками, свертками, пакетиками, бутылками, робко заглянули в дверь палаты, не зная, чем кончилась затея Баграша свести Антона с Карасиком в больницу, они увидели, что Кандидов, набросив на плечи халат, сидит на постели у Карасика. Друзья вели такой разговор:

— Э-э-э, ты, дурной михрютка, — говорил Антон, — игрок!

— Сам дурак, у-у, обалдуй здоровый! — умиленно отвечал Карасик. — Съел голешник?

Оба крайне смутились, увидя вошедших, Антон нырнул под одеяло на свою кровать.

— А-а-а, — сказала мама Фрума, — вот он, глядите на него... Блудный сын.

— Блудный сукин сын! — сказал Карасик.

— Ну как, заживает, легче?.. — озабоченно спросила Груша у Карасика и сердито повернулась к Антону. — У, травленный! Напугал меня вчера до смерти. Спасибо скажи, что жив остался и глаза твои целы. Я бы тебе их повыдирила, если бы Женечку вовсе убил, оглашенный.

— И когда вы этот пакостный футбол бросите? — говорила мама Фрума. — Что это за интерес, я не понимаю: не выиграл, так огорчение, выиграл, так что из этого?

Потом, хорошея от смущения, Груша сидела у постели Карасика. Она прибрала на столике, поправила подушки и даже отважилась разок погладить ему руку. И всегда это смешило Карасика, а теперь тронуло. Он видел нежный затылок, отягощенный тугим, увесистым узлом волос, подбородок с ямочкой. Большая, сильная, она двигалась легко. Ветерок шел от ее руки. Простая, ясная красота ее, открытая и милая, взволновала сегодня

Карасика. Дурак он был, что не хотел замечать ее внимания раньше.

Она вспыхнула и стала прощаться. Карасик задержал ее руку.

Она так покраснела, что даже слезы выступили у нее на глазах.

— Ах вы, Груша, — сказал Карасик, — хорошая вы!

— Женечка, Евгений Григорьевич... — лепетала она, сгорая от смущения и счастья.

Она умоляюще посмотрела на Карасика и оглянулась на Тошку.

— Ну, что барометр? — спросил Карасик.

— Падает, — объявила она таким голосом, как будто это падало ей на голову. — До «пы» дошел. Переменно. Ожидается похолодание, порывистые ветры, низкая облачность, возможны осадки.

— Груша, не верьте барометрам — будет потепление и никаких осадков, — сказал Карасик и торжественно, как королеве, поцеловал ей руку.

Она вылетела из комнаты и чуть не сшибла идущих навстречу Фому и Бухвостова.

Она промчалась мимо них ликующая, тревожная, как пожарная машина.

Ребята остолбенели и долго смотрели ей вслед.

Антон с тревогой посмотрел на дверь. Карасик знал, кого ждет Кандидов. Но ожидания пока не оправдались.

Фома и Бухвостов подчеркнуто поздоровались сперва с Карасиком.

Потом они обернулись и как ни в чем не бывало проговорили:

— А, Антон Кандидов, здорово!.. — и по очереди пожали руку Антону.

— С нами, значит, опять?

— Выходит... — сказал Антон.

— Ну, значит, вместе поедem... — начал Фома.

— Фома! — сказал Бухвостов.

— Ну?

— Опять?

— Чего опять? — вызывающе спросил Фома.

— Опять треплешься! Сказано, об этом болтать пока преждевременно.

Оба заговорщика переглянулись, попрощались и ушли.

Теперь вошли Баграш и Настя. Антон побелел.

— Ну, загробный ресторан, встреча друзей, или с того света без билета? — с нарочитой веселостью заговорил Баграш, схватил стул, повернул его сиденьем к постели Карасика и широкими своими плечами загородил весь мир.

«Как?» — спросил он глазами. И Карасик дважды моргнул: все, мол, улажено.

— Так, — сказал Баграш. — Там, кстати, Антон, тебя Цветочкин с Димочкой дожидаются внизу.

— В шею! — сказал Антон нетерпеливо.

— Так? Добро!

Карасику очень хотелось посмотреть, как они там с Настей. Но за спиной Баграша ничего нельзя было увидеть.

— Ну, знаешь наши новости? — спросил Баграш.

— Нет.

— Тебе волноваться — как, ничего, можно?

— Да, можно! Что такое?

— Двухлодочный стоместный экспресс разрешили. Твоя статья подействовала, да и вообще успехи наши... Как считаешь, поднимем?

— Вопрос! А ты?

— Еще спрашиваешь... Но крепко придется попотеть. Так? И знаешь, по секрету: намечают мировой поход на нем. Через год, по опробовании.

— Куда, в Батум? — спросил Карасик.

— Заверни подальше: вокруг Европы. Что, здорово? Только это пока... понял?

— Ясно! — сказал Карасик.

За крепкой спиной Баграша что-то происходило. Карасик старался расслышать, но Баграш говорил нарочно очень громко. Все-таки Женя слышал отрывки разговора.

— Настя, ну можешь простить? — бормотал Антон. — Я сам не знаю, как это со мной. Осклиз вышел... У нас, у грузчиков, бывает. Только я не могу больше так, один, как собака, без тебя, без наших, Настя... Я же тебя...

— Мы вам не мешаем? — спросил Карасик с ехидной деликатностью у тех, что за спиной Баграша.

— Нисколечки, — отвечали там и поцеловались.

Карасик вздрогнул и повернул голову к стенке:

— А играть я, видно, никогда хорошо не буду.

— Ну, это не совсем обязательно, — сказал Баграш.

— Марало я, мазло...

Баграшу захотелось сказать Карасику что-нибудь большое и хорошее.

— Да, — вспомнил Баграш, — кстати, насчет тебя. Я ведь уже толковал с народом. Говорят: пусть подает.

Карасик встрепенулся. Повернул к Баграшу разом загоревшееся и серьезное свое лицо.

— Можешь через меня, — добавил Баграш. — Еще одну рекомендацию нужно. Заявление, значит, и автобиографию приложишь.

— Какая там у меня биография!.. — сказал Карасик.

Эпилог

Всем еще памятен рекордный поход сверхглизсера «Гидраэр-10» вокруг Европы — из Балтики в Черное море. В очерках участника похода Евгения Кара (Карасика) были уже подробно описаны и слепая гонка в туманах Балтики и Северного моря, и беспримерный уход от настигавшего шторма в Бискайском заливе сквозь смерчи Атлантики, и тяжелая авария в Черном море... Имена Баграша, Русёлкина, Бухвостова, конструктора Валежной, метеоролога Проторовой, Кандидова, Крайнаха и Карасика долгое время не сходили со страниц наших газет.

«Бешеный понтон», «московские близнецы», «скользящие двойняшки» — так называли в заграничных газетах сдвоенную машину гидразоровцев. Формами и линиями своими она напоминала снаряд, пришедший из будущего.

Обо всем этом Карасик обещал написать книгу.

В день традиционного парада московских физкультурников на Красной площади команда гидразоровцев должна была участвовать в показательном матче, которым завершался праздник.

Июльский день сжигал Москву. Но, огнеупорные, шли москвичи на площадь.

Томились в зное пепельно-синие ели у священной стены. Густые, медоподобные капли смолы падали со стен Верхних торговых рядов, сплошь завешанных хвойными ветвями. Звезды на башнях Кремля, прозрачно-раскаленные, словно выточенные из пламенеющего угля, прожигали небо. Накалена была брусчатка площади, и странным казалось, что капли смолы, падая на камень, не шипят. На Красной площади пахло нагретым лесным полднем.

К шести часам закончился марш физкультурных колонн, но на трибунах ждали. И вот тогда от Лобного места покатился огромный зеленый вал во всю ширину площади. Спортсмены разматывали гигантскую скатку. Толстый зеленый войлок лег посередине площади, прикрыв камни.

На обоих краях этого зеленого ковра появились белые футбольные ворота с сетками. Судья выбежал на середину площади и свистнул. Оркестр грянул «Спортивный марш»⁴⁴:

⁴⁴ Из фильма «Вратарь». Музыка И. О. Дунаевского. Слова В. И. Лебедева-Кумача.

Ну-ка, солнце, ярче брызни,
Золотыми лучами обжигай!
Эй, товарищ, больше жизни!
Подпевай, не задерживай, шагай.

По Красной площади шла команда гидразоровцев. Впереди, с огромным знаменем, на лазоревом шелку которого был вышит серебряный глиссер, шел исполин-вратарь. Пылал красный лак древка. Вратарь нес знамя, немножко наклонив вперед. Все узнали Кандидова. За ним шли в белом Груша и Настя. Они несли на высоко поднятых руках модель сверхглиссера. Она отливала серебром в горячем воздухе.

За ними, весь тоже в белом, с большим кубком Спартакиады, шагал Карасик.

Далее следовала тройка нападения — Баграш, Бухвостов, Русёлкин. Они несли вымпелы из зеленого и малинового бархата, штандарты с пышной бахромой — трофеи выигранных мячей и гонок. Сверкало золото реек. Качались тяжелые бронзовые кисти.

Опаленные океанскими ветрами, одутые, овеванные штормами десяти морей, шли прославленные гидразоровцы.

Они выстроились перед Мавзолеем. В габронилитах⁴⁵ его матово отражались зелень поля, лазоревые майки футболистов. А оркестры всё играли «Кандидовский» марш.

Эй, вратарь, готовься к бою!
Часовым ты поставлен у ворот.
Ты представь, что за тобою
Полоса пограничная идет.

На трибунах тысячи людей подпевали:

Чтобы тело и душа были молоды,
были молоды, были молоды.
Ты не бойся ни жары и ни холода...
Закаляйся, как сталь!

Антон стоял в воротах. За спиной, за футбольной сеткой с крупными ячейками, витой, старый, мозаичный, высился Василий Блаженный. Солнце висело над шпилями Исторического музея и било прямо в глаза. Судья поднес свисток к губам.

Но в эту минуту куранты Спасской башни стали бить время. Они проиграли вступление, потом стали отвешивать мерные удары счета. На последнем ударе судья просвистел.

Матч начался.

Москва, 1932 — 1937; 1959.

ОСТАВАЯСЬ «В ВОРОТАХ»...

Послесловие

Среди большого количества книг, написанных Львом Кассилем и знакомых юным читателям с детства, произведения, посвященные нашим спортсменам, занимают не последнее место.

Любителям спорта хорошо известны многие рассказы, статьи, очерки писателя,

⁴⁵ Габронилит — род гранита.

посвященные различным видам спортивных состязаний, и радиорепортажи о выступлении физкультурников, которые он нередко ведет с Красной площади в дни народных праздников или со стадиона.

Не случайно под дружеским шаржем в одной комической портретной галерее советских писателей Лев Кассиль изображен в очках, в которых вместо стекол вставлены футбольные мячи.

Лев Кассиль пишет о спорте весело и увлекательно, и в то же время читатель ощущает, что автор относится к спорту с большой любовью и серьезностью. Писатель сам выразил свое отношение к нашему спорту в строках, которые имеются в прологе к спортивно-приключенческому роману «Ход Белой Королевы», изданному не только в СССР, но и в Японии, Германии и других странах.

Говоря о своих взглядах на спорт, Кассиль соглашается с героем одного из своих романов:

«Мы с ним одинаково смотрели на спорт как на одно из самых наглядных и великолепных проявлений человеческой воли, когда все телесные силы человека подчиняются всепоглощающему стремлению к самосовершенствованию и радостно утоляется здоровая, естественная жажда самоутверждения, удивительно сочетающаяся с самоотверженностью.

И оба мы видели такую же разницу между будничными занятиями физкультурой, с одной стороны, и спортом — с другой, какая есть, например, между общедоступной грамотой и поэзией».

И вот именно поэзии спорта, воспитательной атмосфере его, в которой сочетаются такие как будто противоречивые стремления, как самоутверждение и самоотверженность, посвящен роман «Вратарь Республики».

Мне кажется, что, несмотря на богатство тем и на разнообразие видов спорта, о которых писал и пишет Лев Кассиль, лучше всего и наиболее значительно он пишет про футбол.

Пусть меня не упрекают тут в пристрастии. Дело, конечно, совсем не в том, что автор этих строк сам был вратарем и многое из того, что случилось с героем романа «Вратарь Республики», пережил и я сам, защищая ворота наших сборных команд, хотя, быть может, и не всегда с таким успехом, как это делал «сухой» вратарь Антон Кандидов.

Роман «Вратарь Республики» не издавался уже около двадцати лет.

Между тем я, как и все мои сверстники, хорошо помню, как горячо было встречено это произведение, с каким интересом читатели ожидали очередной номер журнала «Красная новь», в котором оно печаталось.

Ведь это был, по существу, один из первых спортивных романов в нашей литературе.

Почти одновременно вышел тогда и художественный звуковой фильм «Вратарь», поставленный по этому роману режиссером С. Тимошенко в студии Ленфильм. Хотя фильм оказался не столь широким по разработке темы, как сам роман, он имел большой успех.

Роман был издан не только в нашей стране. В Болгарии писатель-академик Людмил Стоянов перевел его на свой родной язык, и книга выдержала не одно издание.

Недавно «Вратарь Республики» был дважды переиздан в Польше.

О популярности и доходчивости этого романа говорит одно любопытное его «издание». Это маленький, немногим больше ладони, томик в твердом, тисненном переплете, на котором во вдавленном медальоне изображен вратарь, в прыжке достающий мяч, с цветной суперобложкой, с многочисленными красочными иллюстрациями, каждая из которых проложена клеечкой из прозрачной папиросной бумаги. Чрезвычайно мелкий, но очень разборчивый шрифт. Томик поражает своей компактностью и изяществом. На обороте титульной страницы, там, где помещают так называемые выходные данные, можно прочесть нечто такое, что заставит вас поразиться, больше всего. Там написано тем же четким мельчайшим шрифтом:

«Оформление, переплет и суперобложка работы А. Коврижкина, ученика 7-го класса

209-й школы. Текст переписан с „Пионерской правды“. 1937 — 1939 гг.»

Так и сказано: переписан с «Пионерской правды»... Да, не дождавшись выхода романа отдельной книгой, московский школьник Толя Коврижкин сам издал его, искусно оформил книгу собственными рисунками, переплел ее на станочке дома, с удивительным терпением при помощи тонкого пера и туши переписав весь текст произведения.

Почему же этот роман так долго не переиздавался?

Прежде всего, конечно, это объясняется тем, что через несколько лет после выхода двух первых изданий романа разразилась война и писатель целиком перешел на другую тематику.

Но следует иметь в виду и то, что писатель не совсем был удовлетворен своим романом, видя в нем ряд недостатков. Кое в чем упрекала его и литературная критика.

Находились, например, люди, которые упрекали автора в преувеличении. Они считали совершенно неестественным, что герой романа, исключительно одаренный от природы безошибочной реакцией и замечательными физическими данными, Антон Кандидов, достигнув высокого мастерства, становится абсолютно «непробиваемым» вратарем, никогда не пропускающим в свои ворота мяч.

Да, несомненно, здесь имеется некоторое преувеличение. Представить себе такого вечно «сухого» вратаря так же трудно, как боксера, способного при встрече с любым противником в любую минуту одним ударом нокаутировать его... Но ведь именно такой боксер, «одноударный Глендон», и изображен в известном романе Джека Лондона «Зверь из бездны». И допущение этой известной условности несколько не снизило художественного качества популярного произведения американского классика. Некоторое преувеличение воспринимается здесь читателем как определенный художественный прием, подчеркивающий исключительный спортивный талант героя, выросшего в наших благодатных условиях.

Некоторые находили неправдоподобной историю с голом, который на последних секундах международного матча забил в ворота противника сам Антон Кандидов, стоявший в этой игре вратарем. Однако вот не так давно мы читали в газете «Советский спорт» о том, как «во время футбольного матча на первенство Аргентины вратарь команды „Атланта“ Роха выбивал мяч от ворот. Удар был настолько силен, что мяч перелетел через все поле, опустился в штрафной площади противника, ударился в штангу, а затем был добит в сетку ворот набежавшими нападающими». В той же заметке рассказывалось, как «вратарь швейцарской команды „Нейхаузен“ Вальтер Дорш во время матча на первенство страны взял два одиннадцатиметровых удара и сам забил противникам три мяча — также одиннадцатиметровых». Таким образом, подлинные факты, взятые из международной футбольной практики, даже превышают «рекорд» Антона Кандидова, который казался кое-кому неправдоподобным...

Но даже если и признать, что в романе Льва Кассиля допущены кое-какие преувеличения по части спортивной, то мы, спортсмены, готовы охотно простить их автору, так как он в своем произведении рассказал о самом дорогом для нас и главном: о подлинном благородном духе советского спорта, в котором на первом месте живут правила товарищества, законы мужества и чести.

Через взаимоотношения юного героя революции, а впоследствии выдающегося советского спортсмена Антона Кандидова и самого близкого его друга, с детства почти с ним неразлучного журналиста Евгения Карасика, писатель рассказал живую историю своего поколения.

И через яркие картины спортивной жизни, через жизнеописание героев романа хорошо просматриваются многие важнейшие черты большого времени в истории нашего народа.

Внимательно прислушиваясь к голосу читателей, к замечаниям литературной критики, писатель заново отредактировал свое произведение. В романе опущены многие страницы, казавшиеся лишними и придававшие главному герою порой черты уже неестественной спортивной универсальности: он и в боксе преуспевал, и французской борьбой увлекался...

Многое стало более мотивированным и точным во взаимоотношениях Антона Кандидова и коллектива, в котором он вырос.

В образе прославленного советского вратаря Антона Кандидова, вышедшего из недр народа, человека широкой самобытной натуры, не лишённого ряда недостатков, но беззаветно преданного Родине и советскому спорту, писатель как бы обобщил ряд лучших черт, присущих многим нашим выдающимся спортсменам. Таковы были, например, Н. Соколов, Ф. Чулков, М. Леонов, И. Филиппов, И. Рыжов, А. Идзковский, В. Никаноров, А. Иванов, А. Хомич, А. Леонтьев, ныне играющий Л. Яшин и ряд других славных стражей ворот наших сборных команд.

Надеюсь, меня не сочтут нескромным, если я позволю себе рассказать, что при встречах с молодежью и мне доводилось слышать лестный для меня вопрос: «А Антон Кандидов списан не с вас?»

По-видимому, молодые любители спорта, поверив в реальность героя романа, искали его прообраз в жизни.

Что же, я могу повторить тут то, что говорил моим молодым слушателям:

«Не знаю, в какой степени моя игра в воротах вдохновляла писателя, когда он писал свой роман, но знаю твердо, что знакомство с героем этого романа Антоном Кандидовым и вся книга в целом очень помогли мне в деле овладения спортивным мастерством и многими качествами, которые в дальнейшем пригодились мне во всей моей спортивной жизни».

Л. Кассиль не закрывает глаза и на некоторые недостатки, которые встречаются еще порой в нашей молодежной и спортивной среде, — элементы зазнайства, чемпионского высокомерия, неуважения к коллективу.

Отдельные случаи такого поведения, недавно осужденные комсомольской печатью, показывают, что роман «Вратарь Республики», в котором ряд страниц посвящен вопросам воспитания спортсменов, не устарел и сегодня.

Прошло двадцать лет со дня выхода первого издания «Вратаря Республики».

За эти два десятилетия наши спортсмены, в том числе и футболисты, достигли выдающихся успехов, завоевали мировую славу, стали олимпийскими чемпионами. Многое изменилось в технике и тактике футбола. Выросли, овладели секретами высокого мастерства и прославились новые футболисты, новые вратари.

Но мощная и подвижная фигура Антона Кандидова, созданная писателем, как бы продолжает стоять в воротах нашей спортивной литературы.

Тысячи читателей обрадуются новой встрече с Антоном Кандидовым, которого они давно полюбили. Другие впервые прочтут о нем и будут благодарны писателю, который талантливо, с подлинным знанием не только техники, но и самой сути спорта, с истинной страстью болельщика воссоздает обаятельный, хотя и сложный образ одаренного, вышедшего из недр нашего народа спортсмена-патриота, не всегда легкого для воспитания, но неизменно преданного тем высоким идеям, которым служит спорт в нашей стране.

Анатолий Акимов,

заслуженный мастер спорта.